

ИГОРЬ ГОРАНСКИЙ

**ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
МАНОЭЛА ДОС САНТОСА ГАРРИНЧИ**

*С легким сердцем я оставляю людям
вот этот мяч, зеленое поле, голы и
солнце.
Играйте в футбол, люди добрые!*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В апреле восемьдесят первого я оказался в Гетеборге на хоккейном чемпионате. Зал, где с шипением резали лед, сухо похрустывали клюшки, трещали борта, глухо сталкивались тела, находился в двух шагах от стадиона «Уллеви», заколдованного тишиной и ожиданием. Улицы были сухими, чистыми, полными солнца, попадались афиши, оповещавшие, что в ближайшее воскресенье по всей Швеции - открытие футбольного сезона. Я вздыхал, шагая на работу в зал мимо закрытого стадиона. Искушение томило душу. И все-таки я ускользнул от своих спецкоровских обязанностей. Не простил бы себе, не сделав этого...

Медленно шел вдоль высокой трибуны с ребрами скамеек, отыскивая те, где в пятьдесят восьмом располагалась ложа прессы. Ноги сами принесли, озираться и примериваться не пришлось. Сел там, где сидел без малого четверть века назад. И в памяти двинулся, поплыл матч чемпионата мира нашей сборной с бразильцами.

Воображение немедленно предложило Гарринчу. Вот здесь, на этой полосе, именуемой правым флангом, совсем рядом, под скамьями прессы, он мелькнул с одиннадцатым номером на спине. Крадучись приближался с мячом к защитнику, тот пятился как загипнотизированный. Вдруг бразилец склонился влево до самой травы, словно подстреленный, а когда защитник, поверив, сделал шаг в ту же сторону, неуловимо быстро выпрямился и справа пронесся к воротам. Штанга басом загудела, потрясенная ударом мяча.

С этого эпизода начался тот знаменитый матч. Знаменитый тем, что впервые на чемпионате в состав были введены Пеле, Гарринча и Зито и сборная Бразилии счастливо нашла, отобрала всех тех, кто покорила мир едва ли не идеальной игрой и кому вскоре досталась Золотая богиня. Замечу, что и в истории советского футбола матч остался примечательным. Наша команда, впервые выехавшая на мировой чемпионат, проиграла противнику, какого прежде не знала, невиданной силы, тем не менее, достоинства своего не уронила, неловкости за нее испытать не пришлось.

Ради точности обязан сказать, что имя Гарринча услышал за день до матча при любопытных обстоятельствах.

В прохладном полуподвале отеля в Хиндосе наша команда собралась на установку. Тренер Г. Качалин излагал план игры, назвал вероятный состав противника, внушал футболистам, как им следует противостоять тому или другому бразильцу. Когда собрание близилось к концу, кто-то из команды вопросительно произнес: «А Гарринча?»

Я уже повидал бразильцев во встрече с англичанами, игрока с таким именем там не было. Имя мне ничего не говорило, и я, скорее всего, пропустил бы его мимо ушей. Но уж слишком затянулась пауза, словно вопрос был бестактен, не к месту. Смысл же ответа был таков: не надо ломать голову, не появлялся он в первых двух матчах, бог даст, не появится и завтра.

Долгая, трудная пауза и заставила меня после пуститься в расспросы. Выяснилось, что Гарринчу видели в игре московские динамовцы, недавно ездившие в Южную Америку, и у них создалось впечатление, что наблюдать за ним с трибун гораздо приятнее, чем встретить его на поле.

Сколько я ни читал воспоминаний, отзывов о Гарринче, все они начинались с первого впечатления. Иначе, наверное, невозможно: человек этот немедленно приковывал к себе внимание. Выглядел он странновато для футболиста. Ничего атлетического, выгодного. Ростом невелик, горбился, шея незаметна, расслабленный, понурый, взгляд исподлобья. И ноги удивительной конфигурации: казалось, соединить их вместе он не мог, расставлены и обе наклонены влево. Я вдаюсь в подробности потому, что после того матча побывал на даче, где жили бразильцы, и постарался как можно лучше рассмотреть Гарринчу. Внешность других футболистов вблизи совпадала с представлением о них, полученным издали, с трибун, в игре. А Гарринча был тот и не тот. Вроде бы он, наверняка он, но как же не похож на того, на правом фланге, неуловимого, эксцентричного фокусника!

Гарринча сыграл в четырех матчах шведского чемпионата и не забил ни одного мяча. Казалось бы, уж если форварду суждено покорить аудиторию, без метких попаданий по воротам не обойтись. Юный Пеле с того и начал - в тех же четырех матчах провел шесть мячей. Однако восхищенное признание публики они разделили поровну, никто, по-моему, голы тогда во внимание не принял.

Феномен этого признания, думаю, заключался в том, что очевидцы почувствовали: такого игрока им видеть не приходилось, да и навряд ли когда-либо придется. Сейчас, перевидав многих и многих звезд, я с полной уверенностью свидетельствую, что то ощущение нас не обманывало. Если задаться целью применить к Гарринче всего одно слово, то иного, кроме «неподражаемый», не сыщу.

Все большие мастера остаются в нашей памяти единственными в своем роде. И все же можно представить других игроков, похожих или старающихся быть похожими на Пеле, Чарльтона, Беккенбауэра, Круиффа. Да и заслуга этих звезд первой величины перед футболом в том и состояла, что каждый из них создал образец игрового поведения, которому, хочешь или не хочешь, полагалось так или иначе следовать, чтобы соответствовать требованиям времени.

Оригинальность Гарринчи принадлежала ему одному, при всем желании повторить его хоть в малой степени было невозможно. Его обманные движения, предопределенные внешним своеобразием, не поддавались разучиванию и копированию. «Ничего не могу понять» - этот отзыв о прорывах Гарринчи я не раз слышал от бывалых защитников. И прибавить еще надо поразительную способность этого, на взгляд нескладного, вялого человека в мгновение ока срываться с места, из неудобного, безнадежного положения со скоростью выстрела. Обман и скорость делали его хозяином положения, а сторожей, самых аккуратных и бдительных, оставляли в дураках. Толкаться, оттирать плечами, настаивать на силе Гарринча избегал. Его манили чистое поле, простор, где он на мгновение, но останется один. Все, что он вытворял, было игрой в первозданном, если угодно, в детском значении этого слова. И публика не могла налюбоваться этой его игрой.

Но не забудем, что среди футбольных выражений есть и такое: «заигрывается». В нем - упрек, осуждение, ибо превыше всего интересы общие, командные, отвлекаться от которых не позволено даже самым хитроумным искусникам. Прямая выгода от правого крайнего Гарринчи была более чем очевидна: он, как минер, взрывал своими проходами оборону противника, она трещала по швам, рушилась, требовала срочного привлечения дополнительных сил для спасения, а в это время получали свободу его партнеры Пеле и Вава, которые и забивали голы. В финальном матче чемпионата, когда бразильцы встречались со шведами, два мяча (самые важные, первый и второй) были проведены на диво одинаково. Гарринча выбежал к линии ворот, делал передачу в середину, и центральный нападающий Вава вместе с мячом влетал в сетку.

Каждый из нас, журналистов, когда ситуация требовала предвосхитить события, наверное, попадал впросак. А бывает, мы угадываем. В суете каждодневности никто, кроме нас самих, не замечает, не помнит этого риска. Мне приятно было перечитать, что я писал в «Футболе» в шестидесятом, когда футбольный мир уже поворачивался навстречу следующему чемпионату мира.

«Говорят, что, играя за свой клуб «Ботафого», Гарринча уже не тот - потерял скорость, отяжелел. Но я не удивлюсь, если к чилийскому чемпионату замечательный форвард, которому тогда исполнится 29 лет, обретет снова свои лучшие качества».

Признаться, надежных оснований для подобного заявления я не имел. Сделал его, находясь во власти глубоко врезавшихся впечатлений. И они не подвели.

На VII чемпионат я не ездил. Ограничусь известными фактами, достаточно красноречивыми. После того как Пеле выбыл из-за травмы, бразды правления в атаке принял Гарринча. И в четвертьфинале с англичанами, и в полуфинале с чилийцами он забил по два мяча, проложив своей команде дорогу к повторению шведского успеха. Не забивавший четыре года назад, Гарринча в трудный момент вышел за пределы своей привычной роли подыгрывающего правого крайнего и проявил себя азартным, вдохновенным, решительным бомбардиром. Отныне в хроники мирового футбола его имя занесено не «на полях», не в примечаниях и комментариях, а в основном тексте, набранном крупно. Стать героем двух подряд чемпионатов мира, по-моему, не удавалось никому, кроме Гарринчи. Даже Пеле - «королю футбола».

Кто же он, откуда взялся этот футбольный герой? В свое время я немало читал и слышал о Гарринче. Более всего озадачивало множество разноречий и противоречий. Восхищение искусством соседствовало с уничижительными отзывами о человеческом облике, величие на поле с ничтожеством за его пределами, слухи о бешеных заработках с известиями о крайней нужде. Верилось и не верилось, трудно было пробиться к достоверному сквозь путаницу сенсационных сообщений.

И вот книга журналиста Игоря Горанского.

Скажу, прежде всего, что ее автор - футбольный болельщик. Давний, коренной, московский, начавший свой стаж с матча «Спартак» с басками в 1937 году, на который его за ручку привел отец.

«Боление» - немаловажная гарантия. Оно ведь не только в любознательности и напичканности информацией. Оно само по себе сильное чувство и открывает доступ в душу другим чувствам - сочувствию, состраданию, тревоге, возмущению, желанию заступиться. Для болельщика мастер, а уж тем более звезда, интересен не одними финтами и голами, а всей своей судьбой. С Горанским мне довелось работать локоть к локтю в Мексике, в 1933 году, на чемпионате мира юниоров. Сотрудничество доставило удовольствие и в силу его журналистской квалификации, а еще и потому, что болельщицкое в нем позволяло не считаться со временем, проникать за закрытые двери, выспрашивать, искать, докапываться до истины. Обычная работа подсвечивалась живым личным интересом. Кстати говоря, тогда он и рассказал мне о своем намерении написать о Гарринче.

Горанский немало лет проработал корреспондентом советского телевидения и радио в Бразилии и Мексике, объездил многие страны Южной Америки. Тот континент с наскока не осмотришь, для заезжего европейца его глубокое своеобразие легко может остаться незамеченным, либо оставленным в пренебрежении, либо тайной за семью печатями. Горанский, мягко, доброжелательно общительный, чуткий к людям, вжился в народную жизнь, чувствовал себя там своим, и его принимали как своего.

Пожив в Бразилии (это для его книги более всего важно), легко ориентируясь в людях, нравах, укладе, прессе, наконец, и в футболе, с вечным соперничеством «Фламенго» и «Флуминенсе», Горанский оставался москвичом, уроженцем Таганки, верным «Спартаку», а значит, свободным от горячечной предвзятости обожателей и недругов Гарринчи, советским журналистом, которому естественно было проникнуть в социальную подоплеку то яркой, то жалкой, а в сущности трагической судьбы великого бразильского футболиста. Допускаю, что кто-то может отозваться так: «О футболе бы в книге надо побольше написать».

Бразильских мастеров наши зрители видят регулярно. Начало было положено в 1956 году: клуб «Атлетико Португеза» сыграл в Москве и Тбилиси. Свежо в памяти первенство мира юниоров, проходившее в нашей стране в 1985 году, завершившееся победой бразильцев. В промежутке между этими событиями и у себя на стадионах, и на телеэкранах мы пересмотрели немало матчей с участием клубов и сборной Бразилии. Возьму на себя смелость свести воедино многолетние впечатления: футбол изощренный, изысканный, не похожий ни на какой другой, наблюдать за которым - одно наслаждение. Это впечатление неподвластно биржевой скачке результатов, мест и очков. Даже то, что сборная Бразилии, некогда слывшая непревзойденной, чуть ли не непобедимой, на четырех последних чемпионатах мира не могла продвинуться так высоко, как намеревалась, как во времена Пеле и Гарринчи, нисколько не смазало впечатления от бразильского футбола.

Как бы ни были красивы и захватывающи матчи бразильских команд, как бы ни тянуло их вспоминать, мы постоянно остаемся с вопросом: «Как сложился, почему он именно такой - этот особого рода футбол, который в наш век анализа и познания так и хочется назвать экзотическим, естественно-природным?»

Оттого, мне кажется, был так велик у нас интерес к книгам другого советского журналиста, тоже долго работавшего в Бразилии, тоже болельщика Игоря Фесуненко - «Чаша «Мараканы» и «Пеле, Гарринча, футбол...», вышедшим в начале семидесятых годов.

Интереса читателей они не исчерпали, и их вниманию предложена новая книга.

Да, ее не отнесешь к разряду специфических, серийных футбольных повествований, где мяч перекачивается со страницы на страницу и, кроме как о нем, вроде бы и рассказать нечего. А футбол в любой стране, в любом городе складывается и живет вовсе не на одном зеленом газоне, очерченном белыми линиями. В той или иной мере, как игра, которую не напрасно величают народной, он находится под влиянием своего окружения, условий, традиций, национальных особенностей, климата. Его бы так не любили, если бы он был бесстрастно, механически одинаков повсюду. Болельщицкая громада угадывает в нем саму себя и потому готова делить с ним радости и горести.

В Бразилии я провел считанное число дней, побывал в Рио-де-Жанейро и Белу-Оризонти. Поездка была по футбольным делам, по программе, так что кое-что нужное, полезное повидать удалось. Стадион-великан «Маракану» и другие, поменьше, тренировки сборной во главе с Пеле и юношей, игры босоногих команд на пляже Копакабана. Были беседы с бразильскими журналистами и бизнесменами, покровителями футбола, с тренерами и врачом сборной. Слышал голоса телекомментаторов, забирающихся на колоратурные высоты, песни торсиды (болельщиков), видел, как она раскачивается на трибунах в ритме самбы, листал газеты и журналы с длинными описаниями матчей. И все же чувствовал туристский оттенок знакомства, знал, что зачерпываю с поверхности, приобретаю право скорее на догадку, чем на разгадку.

Сложна, многоярусна, во многом странна и непонятна, то открытая настежь, то недоступно упрятанная, жизнь бразильских городов. Глаз вбирает небоскребы, зеленую океанскую волну, зернистый чистый песок пляжей, белую статую Христа на холме, распростершего руки над Рио, и фавелы - скопища неприкрытой, безысходной нужды без проблеска надежды, слоняющуюся детвору, не знающую, чем себя занять, бесприютную среди пальм и рекламы. Для приехавшего ненадолго все это - врозь, отрывками, сценами, так что даже отмечаешь про себя щелчки воображаемой фотокамеры.

А для разгадки желательно и проникнуть поглубже, и смонтировать разноречивые кадры в непрерывную, связную ленту.

Книга Игоря Горанского мне видится подобием такой ленты, снятой со знанием дела и с настроением. Вполне возможно, дает себя знать его основная профессия: он тележурналист, привыкший вести съемки.

Гарринчу, выходца из самых низов народа, уроженца заштатного городишки, редкостное футбольное дарование вознесло на гребень успеха и славы. У него ничего не было за душой, кроме футбола, и когда для него футбол кончился, началась его гибель в одиночестве. Участь горькая и жалкая, трагическая в своей обыкновенности и непоправимости. За Гарринчу переживали долго и повсеместно. После одной заметки в «Футболе» о его злоключениях в редакцию пришло письмо из Ярославля с десятком ребячьих подписей: «Пусть приезжает к нам и учит нас играть».

Бразильцы, и отнюдь не одни болельщики, судьбу футболиста, бывшего их гордостью, дважды чемпиона мира, пережили остро, с чувством общей вины, она для них значила гораздо больше, чем просто судьба одного неудачника.

Вполне возможно, что Игорь Горанский не ставил перед собой далеко идущую и ко многому обязывающую цель - расшифровать загадку бразильского футбола. Однако его повесть о Гарринче позволяет ощутить и понять, как трудно, терпя жестокости и принося жертвы, вырастают прекрасными мастерами одаренные единицы из бедного люда, отдающие себя целиком и полностью футболу, с футболом связывающие все свои упования, как они бывают нужны всем и как становятся никому не нужными.

Лев ФИЛАТОВ

Бывший игрок бразильской сборной Маноэл Франсиско дос Сантос - Гарринча - умер 20 января 1983 года в возрасте 49 лет. Бразильский народ навсегда сохранит память о нем.
(Газета «О' Глобо», Бразилия)

Смерть Гарринчи опечалила весь спортивный мир.
(Журнал «Импакто», Мексика)

Смерть Маноэла Франсиско дос Сантоса и пропажа Кубка Жюля Риме были самыми грустными моментами в жизни бразильского футбола в 1983 году.
(Газета «Эль Насьональ», Мексика)

С ногой, которая была чуть короче другой, и с искрометной скоростью он легко обыгрывал своих противников на небольшом участке поля. Его игра за бразильский клуб «Ботафого» и национальную сборную страны всегда представляла собой яркий футбольный спектакль.
(Журнал «Тиempo», Колумбия)

Жертва алкоголизма, одинокий и забытый, в полной нищете умер Маноэл дос Сантос Гарринча, лучший игрок мировых чемпионатов 1958 и 1962 годов.
(Газета «Эксельсиор», Мексика)

Десятки тысяч бразильских любителей футбола присутствовали на стадионе «Маракана», где был выставлен гроб с телом Маноэла дос Сантоса Гарринчи, чтобы почтить память одного из самых ярких футболистов Бразилии 50-х и 60-х годов.
(Газета «Жорнал до Бразил», Бразилия)

ПРОЩАЙ, «РАДОСТЬ НАРОДА»!

Стадион «Маракана» - как действующий вулкан. Только лава - горячая, живая, страстно жаждущая зрелища толпа - течет наоборот, к его вершине. Опустели автобусы, брошены кое-как машины. Осталось пройти еще триста метров до бетонной громады сквозь плотные ряды торговцев флажками, подушечками с эмблемами футбольных клубов, вымпелами, разноцветными панамы и козырьками, на которых все те же знакомые футбольные символы. Сегодня, 18 декабря 1973 года, необычно густ фронт национальных зелено-желтых флажков. Еще бы! Игрет сборная Бразилии! Притом не какая-то новая команда, где половина игроков только вчера надела желтые футболки, а та, самая знаменитая сборная - «мешикана»* (Мешикана - мексиканка (браз.) - Здесь и далее примечания автора), завоевавшая в Мексике в 1970 году золотую богиню Nike, завоевавшая в третий раз, навечно. Карлос Алберто, Жаирзиньо, Клодоалдо, Пеле, Ривелино... Вот кто выйдет сегодня на поле! Не будет, правда, Тостао: ох уж это его несчастье с глазом! И кто бы мог подумать - в составе звездной команды выйдет Гарринча! Это его прощальный матч. Позже будут еще играть ветераны, чемпионы мира 1958 года, отсудившие свои матчи знаменитые судьи, артисты телевидения, театра, кино. И еще... Впрочем, юноши уже играют.

Возбуждение толпы растет. Пронзительный выкрик: «Гарринча! Гарринча!» Его тут же подхватывают: «Ра-ра-ра! Га-ррин-ча-а!» Сто голосов, тысяча, весь строй, весь поток... Крик так плотен, что кажется, он повис над стадионом и через его высокие стены переваливается на зеленое поле, испытанное поле «Мараканы», где трава жесткая и упругая.

Бурлит, гудит людской вулкан, готовый в любое мгновение взорваться радостью, восторгом.

Мне, как иностранному журналисту, разрешено пройти вниз по бетонной лестнице в прямой покатый коридор и дальше, в раздевалку команды, - святая святых «Мараканы».

Сначала общий продолговатый зал, битком набитый знакомыми и незнакомыми людьми. Невесть как сюда проникшие мальчишки с блокнотами. Им подавай автограф, не важно чей. Пожалуйста, распишитесь.

Наконец клубок охотников за автографами разматывается, и я вижу Гарринчу. Вижу - и как бы не узнаю. От его обычной смуглости не осталось и следа: лицо бледное, с желтизной, осунувшееся. Желтая футболка с гербом Бразильской конфедерации спорта свисает с плеч. «Мане, комо этас?» (Коמו этас? - Как дела? (португ.)) Он слышит мой вопрос, вяло пожимает руку, но будто не видит меня. Волнуется? Предматчевая лихорадка? Нет, другое. В глазах тоска, тоска от прощания с футболом, от самой большой для него утраты в жизни...

Гарринча, уже перестав выступать за первоклассные команды, все время мечтал возвратиться на поле. Дважды это ему удавалось официально. В первый раз, когда «Ботафого» в 1971 году переживал очередной финансовый кризис, он вышел во втором тайме минут на пятнадцать и простоял на правом краю до конца матча. Затем, спустя год, снова появился на поле в составе второсортной команды из Рио-де-Жанейро - «Оларии». Тот матч собрал пятьдесят тысяч зрителей. «Оларии» такое и не снилось. Пятьдесят тысяч пришли «на Гарринчу». Тогда он простоял весь тайм. И снова оказался за бортом. Но он продолжал верить в свое возвращение. То начинал, то бросал бегать кроссы...

Теперь он понимал: этот декабрьский матч на «Маракане» - последний.

Появился тренер Загало - изящный, подтянутый, волнистые волосы поблескивают серебром. Он еще не сказал ни слова, а гомон уже стих. Все взоры - на него, тренера великой команды. Игроки - Карлос Алберто, Клодоалдо, Пеле, Жаирзиньо, Эвералдо, Ривелино, взявшись за руки как дети, окружают тренера. Кто-то из них тянет Гарринчу, вводит его в общий круг. Загало улыбается, хлопает в ладоши. Футболисты в лад затанцевали и запрыгали, не выпуская ладони друг друга. Так в раздевалке началась разминка. Всего три минуты. Порозовели щеки у спортсменов, загорелись глаза. Один Гарринча побледнел еще больше.

А теперь - на поле! Уже в коридоре слышится рев «Мараканы», он растет, заполняя все вокруг. Мне что-то говорят знакомые бразильские журналисты, но ничего не слышно. Да и что тут скажешь: сейчас начнется матч самый необычный из всех, какие я видывал на этом стадионе.

Вдоль кромки поля сложены из свежих цветов огромные слова: «Мане, alegrия ду пову» - «Мане - радость народа». И этому веришь, глядя на яркость праздника, круто заварившегося в гигантской чаше стадиона. Теперь я слышу, что говорит мне Аристелио, сотрудник бразильского

спортивного журнала «Плакар»: «Пришло сто пятьдесят тысяч!» Он смеется, раздвигая свои пышные, черные как смоль усы. А меня не удивило бы, если бы он сказал «миллион».

Футболисты разобраны репортерами. Вопросы, вопросы. Оператор телевидения бегом пронесит на плече тяжелую телекамеру. Провода от нее ползут по траве, по ногам. Смеется в телекамеру Пеле, смеется Карлос Алберто, улыбается Ривелино... Почему они все смеются? Даже Беллини, высокий, стройный, красивый как киноактер, обычно строгий, неулыбчивый, и тот смеется. Неужели им так весело провожать, притом навсегда, товарища? Провожать Гарринчу, гения футбола? Или забыли о проводах?

На мгновение в сутолоке замечаю Гарринчу. Бледность с его лица немного сошла. Или это от прожекторов, бросающих свои огненно-желтые лучи на зеленое поле? Гарринча серьезен и сосредоточен. Он-то помнит, что провожают его, прощаются с ним.

Появляются судьи, все в черном. Сегодня цвет их костюмов соответствует событию. Я вижу, как Гарринча уступает им дорогу к центру поля. Последние судьи в его футбольной жизни. Они несут мяч. Совершенно новый. На его полированной поверхности играет свет прожекторов.

Гарринча не сводит глаз с мяча. Дадут ли ему сегодня им поиграть? Куда залетит этот мяч?

Репортеры телевидения медленно покидают поле. За ними уползают длинные провода. Молодой негр на ходу прямо в эфир ведет радиорепортаж. Я слышу его слова о бразильской сборной образца 1970 года, команде, ставшей легендарной.

Мы, журналисты, как в окопе, залегаем вдоль боковой линии в бетонном овражке. Метрах в десяти от меня стоит Гарринча, готовый к игре. Левая нога, словно чужая, отставлена в сторону, а правая и правда чуть короче - сейчас это заметно.

Сегодня сборная Бразилии играет против команды «остального мира». В ней собраны футболисты с бору по сосенке, скорее случайные, чем с разбором приглашенные для матча. В Рио-де-Жанейро находились уругвайцы - и их на поле пятеро. Проездом в Бразилии советская команда. Известно, что Онищенко, Ловчев и Ольшанский выйдут во втором тайме. Впрочем, команда в зеленой форме сегодня как бы не в счет.

Свисток, звонкий, трель долгая, как последний звонок.

Мяч в ногах у Ривелино. Гарринча переходит центральную линию поля. Он совсем один. В настоящих матчах так не бывает. И Ривелино тут же передает мяч на правый фланг. Гарринча не ожидал столь скорого паса и лишь рванулся в сторону мяча, которым завладел уругвайский защитник.

А Гарринча опять один на правом краю. И опять Ривелино дает ему удобный пас. Теперь Гарринча не прозевал. Мяч запрыгал у него в ногах: с левой на правую, с правой на левую. Перед ним молодой, уверенный в себе уругваец. Слишком уверенный! Гарринча молниеносно пробрасывает мяч у него между ног, а сам в два шага обходит опешившего защитника. На пути еще один в зеленой футболке. И тот позади! И сразу - удар! Хлесткий, по кривой траектории. Мяч в нескольких сантиметрах перелетел через перекладину ворот. «Маракана» стоя приветствует редкостный ход Гарринчи. Верно говорят: великое - в простоте. В три шага обыграл Гарринча соперников и на четвертом ударил! Попади он, был бы потрясающий гол. Пеле на бегу что-то задорно кричит Гарринче.

Игра продолжается. Полтора-два тысяч пар глаз следят за мячом. Бывалые мастера его ловко подсекают, перебрасывают, останавливают, и он мечется по полю, оказываясь то на краю, то в середине, то у самых ворот.

И тут неожиданный свисток, без всякой причины. Что случилось? Карлос Алберто - капитан чемпионов мира берет мяч в руки. Ломаются строй игроков. Все идут к Гарринче. Вот и все. Прощай, Мане, радость народа! Гарринча пожимает протянутые ему руки и плачет, плачет, не таясь и не стесняясь, по-детски горючими слезами. На лицах вокруг меня тоже слезы. «Маракана» поет: «Гарринча, Гарринча, Мане, Мане». Ему отдают мяч, наверное на память. Гарринча не понимает и отказывается от подарка. А впрочем, мяч ему больше не нужен, пусть играют другие.

Недолгая церемония вручения Гарринче памятных подарков. Кто что дарит, понять трудно, ибо вокруг виновника торжества снова образовалась огромная толпа. Пробившись сквозь нее, советский тренер Алексей Парамонов от имени Федерации футбола СССР вручает ветерану русский электрический самовар. Гарринча принял этот дар за спортивный кубок и с минуту держит его над головой, словно победный трофей, с гордостью и удовольствием позируя

фотографам. При этом он говорит нам, что ему очень приятно получить русский сувенир на бразильском футбольном поле.

Кто-то вручает Гарринче бронзовую статуэтку футболиста, кто-то серебряный кубок. А один пожилой сеньор передает ему клетку с маленькой испуганной птичкой...

С трибун летят маленькие букетики цветов и, не долетая, падают в ров и на ограду из колючей проволоки. Перед тем как спуститься в люк, Гарринча обводит взором стадион, машет рукой. Прощай, «Маракана»! И исчезает в черном квадрате люка. На поле выходит вместо него Пауло Сезар - из новой плеяды игроков бразильской сборной. Теперь ему кидают мяч...

Что дальше происходило на поле, не столь уж важно. Помню, что один гол забил Пеле. Счет первого тайма 2:1 в пользу бразильцев сохранился до конца матча. Я все время думал о Гарринче. И мысленно шел с ним в раздевалку, в душ, опять в раздевалку.

Потом я еще раз увидел его воочию поздно ночью, когда он уходил со стадиона...

В пустую раздевалку приходят во время матча только травмированные или изгнанные судьей с поля игроки. Травмированным Гарринча туда приходил не раз, но, пожалуй, впервые ему пришлось оказаться там совершенно здоровым, задолго до окончания игры - шел ведь только первый тайм. Он предполагал, что матч прощания должен быть грустным, но не думал, что так невыносима будет тяжесть расставания с футболом.

Соглашаясь на этот бенефис, Гарринча хотел заработать, чтобы расплатиться с долгами, оплатить учебу дочерей. Гонорара как раз должно было хватить на все это. В последнее время он частенько оставался без денег. А зарабатывать Гарринча умел только футболом. И вот теперь, сидя в пустой раздевалке, он предавался невеселым размышлениям. В ушах все еще звучал гром приветствий родной «Мараканы».

А раньше все было не так. В раздевалке после матча ему всегда улыбались друзья, поклонники его таланта. Восторженные возгласы, дружеские похлопывания по плечу. Сколько тогда произносилось хвалебных слов! Ну а впереди ждала веселая ночь, когда по просторному спящему Рио неслись дорогие мощные машины с кондиционерами. Вели их друзья. Швейцары в ливреях распахивали тяжелые двери ресторанов. Всюду за всех и за все всегда платил он, великодушный и щедрый Гарринча. Шампанское, выдержанные в погребах испанские вина, пурпурные гигантские омары. В ресторанах Гарринча никогда не пил. Он танцевал самбу, слушал музыку, впитывал в себя слова болельщиков о том, что он опять играл лучше всех. Он никогда не чувствовал усталости - ни во время матчей, ни после. Даже проведя бессонную ночь, он утром приходил на стадион и бегал с мячом по жесткой траве.

...На лавке лежала программка прощального матча с его большим, во всю обложку нелепым портретом. Где нашли эту фотографию? Гарринча в костюме, при галстукe выглядел истуканом. Такие портреты вывешивают на стенах деревенских домов после того, как там побывает заезжий фотограф. Программку изготовили необычно большого формата, в половину газетного листа, и страниц на десять. Вдруг он обнаружил на обложке знакомые подписи - автографы своих товарищей, с кем играл в сборной и клубах.

Вот знакомая всем закорючка Пеле. Они вместе появились в национальной команде в 1958 году, хотя Гарринча был на несколько лет старше и уже выступал в международных матчах. Но в сборной они тогда, на чемпионате мира в Швеции, считались новобранцами. Гарринча вскоре стал кумиром публики, Пеле - главной надеждой. Играли они весело. Пеле, послушный и ловкий как котенок, в какие-то моменты быстрый как молния. Гарринча помнил его белозубую улыбку, добрый нрав, неутомимую жажду гола.

У юноши Пеле уже в 16 лет были крупные крепкие ноги, как у взрослого футболиста. Узкоплечий, с короткой стрижкой, он не выглядел красавцем, что-то странное было в его облике. Но, едва завладевал мячом, он сразу преображался, и становилось ясно - талант! И это в 16-летнем возрасте!

Болельщики «Сантоса» хорошо помнили Пеле совсем мальчишкой, поражающим всех своим скоростным дриблингом. С мячом и без мяча он бежал одинаково быстро, широким, приземистым шагом. Его ноги, толкавшие мяч, вытягивались в полушапгаге. Пеле еще в детстве опережал всех, мгновенно разделяваясь со многими преследователями. Обойти двух-трех футболистов команды-соперницы для Пеле никогда не составляло труда.

Он обладал еще одним достоинством: великолепно чувствовал поле, партнера, всегда появлялся именно там, где обострялась игра. Он забивал чудо-голы - с ходу, с лета, стоя спиной к воротам, отлично играл головой.

Подхватив мяч на подступах к штрафной площади, Пеле молниеносно обыгрывал одного, второго защитника и, устремляясь вперед, вступал в единоборство с третьим. Казалось, он вот-вот должен потерять мяч. В этот момент на помощь своим игрокам устремлялся вратарь. Ему не терпелось вмешаться в игру, он чувствовал и угрозу, и то, что преследуемый защитниками форвард с трудом удерживает мяч. Но, когда они сближались, Пеле неимоверным усилием обыгрывал еще и вратаря, а сам в изнеможении валился на траву. Лежа, он наблюдал, как мяч вкатывался в пустые ворота. Не было ни удара, ни навеса - просто мяч закатывался за белую линию. Так он забивал в матче при открытии стадиона в столице Бразилии, в игре с «Коринтиансом» на «Пакаэмбу» в Сан-Паулу. Никто не мог понять, как это ему удалось. (В прощальном матче Гарринчи второй гол он провел так же.)

Метко и сильно бил Пеле штрафные. Он мечтал забить мяч из центрального круга, но это ему, кажется, так и не удалось.

...Росчерк Ривелино. Одно время этого футболиста называли наследником Пеле. В Мексике в составе сборной Бразилии Ривелино стал чемпионом мира. С той поры это самый «дорогой» игрок в бразильском футболе. В последние два года он получал зарплату больше, чем Пеле и другие самые популярные футболисты страны. «На Ривелино», так же как и на Пеле, ходят зрители. А футбольный клуб «Реал» (Мадрид) в прошлом году предложил за Ривелино два миллиона долларов. Столько за бразильского футболиста еще не давал ни один профессиональный клуб. Ривелино остался в Бразилии и, наверное, не жалеет об этом. Среди кандидатов в сборную образца 1974 года, пожалуй, только он, Жаирзиньо да Луис Перейра имели твердую уверенность быть включенными в состав команды чемпионов мира. Остальным игрокам за это право надо было упорно бороться.

Выступая за сборную, Ривелино выполняет исключительно большой объем работы. Оттягиваясь назад, он нередко получает мяч непосредственно от своих защитников. Продолжая атаку, Ривелино идет разными путями к воротам. То он ищет себе пару - Лейвинью или Пауло Сезара, - чтобы вдвоем пройти первые оборонительные заслоны соперника, то применяет на высокой скорости затяжной дриблинг, в нужный момент посылая мячи вразрез между защитниками в зону непосредственной близости от ворот.

Чрезвычайно опасны дальнобойные удары Ривелино, его мастерское исполнение штрафных. Как и Пеле, Ривелино умеет использовать любое мгновение для стремительной атаки. В игре с парагвайцами на «Маракане» он забил гол, получив короткий пас от Жаирзиньо на подступах к штрафной. Удар был настолько неожиданным, что вратарь сборной Парагвая почти не шелохнулся, когда мяч пролетел над его головой в сетку. В серии контрольных матчей Ривелино оказался лучшим бомбардиром бразильской сборной и, что самое важное, действовал увереннее своих остальных товарищей, что говорит о его футбольной зрелости.

Однако «наследник Пеле» весьма скромно оценивает самого себя. Он отрицает мнение некоторых журналистов, что должен играть, как Пеле. Гарринче понравились его слова о том, что для него главная проблема не чувствовать груза забот, выступая в легендарной футболке под номером десять. Миф футболки Пеле, сказал тогда Ривелино, развеялся в тот день, когда Пеле решил распрощаться со сборной. Лично для меня, подчеркнул Ривелино, десятый номер на спине не представляет ничего магического. С неменьшим удовольствием я бы носил футболку сборной Бразилии и с другим номером. Ну, а надежда увидеть во мне нового Пеле, это, по меньшей мере, наивно. Так, как играл Пеле, уже играть не сможет никто.

...Витиеватая подпись вратаря Феликса. Вот уж кому больше всех доставалось на тренировках и в игре! Однако Феликс никогда не жаловался. Гарринча порой доводил его до слез. Он забивал ему подряд по десять пенальти. Затем бил в один и тот же угол ворот с линии штрафной. Феликс уже почти доставал мяч, но в последнее мгновение он где-то возле пальцев влетал в ворота. Затем Гарринча начинал свои коронные рывки с края. На высокой скорости врывался в штрафную и пушечно бил. Вратарь опять не мог поймать мяч. Бывали упражнения и посерьезнее. Гарринча просил кого-нибудь из партнеров навешивать мяч в штрафную, и, не дав ему приземлиться, вколачивал в сетку. Феликс метался, как пантера, из угла в угол. И все напрасно. Он вставал с земли мокрый от пота, с ввалившимися от усталости глазами и зло смотрел на Гарринчу. А тот снова подхватывал мяч и бил по нему что есть силы!

Как-то в конце тренировки они остались на поле вдвоем. Не заметили, как опустились сумерки. Играли до тех пор, пока их не позвал тренер. Феликс шутил за ужином, что в темноте Гарринча не забил ему ни разу, а если и забил раз-другой, то он просто не видел полета мяча.

...Подпись Жерсона. В сборной он сейчас футболист номер один. Так считает Гарринча, так думают многие. Жаль, Жерсон не смог выступить в прощальном матче. С таким партнером играть интересно и спокойно. Жерсон - человек надежный, мужественный. Гарринча не помнил, чтобы Жерсон получал когда-либо травмы, он всегда был в строю. Жерсона не нужно просить дать мяч, за ним надо лишь следить и предлагать себя. Как откроешься - так сразу передача, быстрая, точная, своевременная! Но он не только диспетчер. Когда атака идет с натугой, захлебываясь еще на подступах к штрафной площади, Жерсон берет на себя роль бомбардира. Его удары по воротам точны и неожиданны. Сколько раз он выручал сборную в решающих матчах!

...Четкая, размашистая подпись Жаирзиньо. В ней отражается его решительный, широкий характер. Жаирзиньо страстно любил футбол. Он плакал, когда тренеры в юношеских командах не ставили его на игры. Играл он радостно, красиво, с улыбкой на губах. Много забивал и как ребенок радовался каждому голу. Жаирзиньо, как и Гарринча, начинал в «Ботафого». Он был любимцем тренеров, так как внимал каждому их слову. Мужественно сносил обиды, спокойно воспринимал похвалу. Болельщики особо ценили его за смелость. Пожалуй, именно это качество вывело его в лучшие бомбардиры мексиканского чемпионата 1970 года. Тогда ему удалось забить голов больше, чем Пеле.

...Гарринча отложил в сторону программку, словно отогнал свои воспоминания о товарищах.

Все же самые трудные матчи в своей жизни он сыграл не в Швеции, а на следующем чемпионате - в Чили. Англичане перед игрой опасались бразильцев. Но виду не подавали. Наоборот, как писали газеты, они обещали обыграть бразильскую сборную. В одном из интервью английский футболист Флаувер сказал в адрес Гарринчи, что тот якобы играет однообразно, что его финты на правом краю всеми разгаданы и вообще он лично не воспринимает игрока с ногами разной длины. Гарринча читал это интервью. Слова англичанина задели его за живое.

На матч он вышел сумрачный. Едва началась игра, Гарринча то и дело уходил со своего места на правом краю, его тянуло на середину, словно магнитом. Тренер Айморе Морейра вскакивал со скамейки и кричал, требуя, чтобы он вернулся. Но Гарринча не слушал. Он атаковал по центру, обводя своими необъяснимыми финтами английских футболистов. Не раз попадался на его виртуозные обманные приемы и «критик» Флаувер. Еще раз, упрямо пройдя прямо по центру, Гарринча забил гол сильным крученым ударом.

В том матче он забил еще один гол - головой. А потом выдал отличный пас Вава, который принял мяч на голову, затем опустил на ногу и так сильно пробил, что вратарь Спринжет, хотя и коснулся мяча, не удержал его и упустил в ворота.

Англичане перед этим матчем с облегчением узнали, что на поле не выйдет травмированный Пеле. Однако с первых минут, как только Гарринча принялся таранить защиту английской команды по центру, как бы вместо Пеле, они поняли, что их надежды на успех лопнули.

После матча английские футболисты во главе с тренером Уолтером Уитерботтоном пришли в раздевалку бразильской команды и поздравили своих соперников с блестящей игрой. Они признали, что недооценили талант Гарринчи. Восторгаясь его игрой, шутили: откуда взялся такой дьявольски сильный форвард, да еще такой разносторонний, непредсказуемый?..

Почему-то эти давние воспоминания вдруг нахлынули сегодня. Гарринча вздохнул и стал укладывать свои нехитрые вещи в сумку.

Гарринча родился 18 октября 1933 года в Пау-Гранде. Мальчика зарегистрировали лишь десять дней спустя. Пьяный писарь поставил дату рождения 28 октября. Он же забыл записать и обязательное второе имя, что обнаружилось только спустя 15 лет, когда Манозл стал работать на фабрике «Америка фабрил» помощником прядильщика. Чтобы отличаться от остальных Манозлов дос Сантос, Гарринча сам присвоил себе имя Франциско.

(Из архива Бразильской конфедерации спорта)

НАЧАЛО

В Пау-Гранде всего три тысячи жителей. Городок раскинулся у подножия холма, неподалеку от Петрополиса, километрах в восьмидесяти от Рио-де-Жанейро. Там Гарринча и родился со своими необычными для футбола ногами. Отец считал, что сын пошел в дядю, тезку Манозла, который был кривоногим. До того как Гарринча нанялся на фабрику, он помогал родителям зарабатывать на жизнь, собирая в лесу дикие фрукты. В конце недели отвозил их на рынок. Торговал в основном тяжелыми пахучими бананами. По воскресеньям играл в футбол на стадионе текстильной фабрики. Сначала Гарринча выступал на месте правого полусреднего в детской команде Пау-Гранде. В нападении вместе с ним играли Пинсел и Свинге, отчаянные ребята. Иногда они затевали на поле такую карусель, что зрители диву давались. Гарринча обычно хитрил, лениво двигался по полю в ожидании мяча. Но как только Пинсел и Свинге начинали в центре свои штучки, тут же преображался и Гарринча. Кто-то сказал, что в эти мгновения на нем «шерсть вставала дыбом», - так он чувствовал приближение азартной атаки. Наконец мяч попадал к нему. И сразу в рядах зрителей, плотной стеной стоявших у кромки поля, возникало оживление, которое, по мере того как Гарринча, обыгрывая одного за другим двух-трех защитников, набирал скорость, нарастало, превращаясь в бурю восторга. Взрыв аплодисментов: Гарринча молниеносно посылал мяч в центр. Не зевайте, ребята! Свинге и Пинсел не зевали, они умели бить с ходу. А Гарринча бежал от ворот под восторженные возгласы болельщиков, опустив голову, глядя себе под ноги.

В то время Гарринча любил играть на месте правого полусреднего, откуда чаще удавалось забивать голы. Но когда он окончательно перешел на правый край нападения, его игра еще более определилась, приобрела выразительность.

Юный Гарринча быстро стал лучшим футболистом в округе, с 14 лет официально выступал в футболке под номером восемь, защищая бело-черные цвета клуба «Пау-Гранде». Играл против взрослых, обыгрывал защитников, которые были вдвое выше и старше его.

Молва об удивительном нападающем распространилась по всей округе. Дошла она и до Петрополиса, куда его стали приглашать играть сначала за «Крузейро ду сул», а затем за «Серрано» - самые знаменитые клубы этого города.

За полчаса поезд привозил его в Петрополис, где он играл по утрам в выходные. Затем полчаса в поезде на обратную дорогу, и к обеду Мане добирался домой. Таким образом, оставалась возможность сыграть в тот же день еще один матч в первой команде Пау-Гранде, что он делал с особым удовольствием. Дома он был признанным лидером. На стадион ради него приходил почти весь городок, включая молоденьких девушек, что особенно льстило футболистам. Уже тогда Гарринча более всего восхищал публику необычайным дриблингом. Он был неистощим на выдумки, вечно затевал что-то новое.

В 16 лет Гарринча впервые сыграл за основную, мужскую команду «Пау-Гранде» и забил «Крузейро ду сул» несколько голов. В следующем матче он отличился снова. Клуб «Серрано», в детских командах которого он раньше играл, потерпел поражение от «Пау-Гранде» с разгромным счетом 8:1.

Однажды, в начале 1953 года, Пинсел и Свинге впервые в жизни попали в Рио-де-Жанейро. Они приехали посмотреть дебют своего товарища, Гарринчи, в первой команде «Ботафого».

...Обычно юноша приезжает представляться в футбольный клуб Рио-де-Жанейро с рекомендательным письмом или же его знакомит с тренером кто-нибудь из известных футболистов. Тренер предоставляет ему минуту, чтобы поиграть с мячом, потом пробежать вдоль боковой линии поля и ударить по воротам. Если же шла тренировочная игра, то новичка просто

выпускали на поле, бросая, словно щенка, в пучину. Попробуй сыгрой хорошо рядом со знаменитостями, одни имена которых приводят в трепет.

Гарринча сначала пришел в клуб «Васко да Гама», не имея ни письма, ни знакомств, ни даже бутс. Заплатанные штаны, застиранная рубашка. Никто не обратил на него внимания. Так же безуспешно он побывал в «Флуминенсе» и «Сан-Кристоване». К тому же его ноги - одно колено выше другого - сразу бросались в глаза, вызвали иронические улыбки. Огорченный, он решил навсегда остаться прядильщиком и играть только в команде своей фабрики.

Но вмешался случай. Игрок резервного состава «Ботафого» Арати в один из выходных дней обедал у друзей в Пау-Гранде и был приглашен судить матч на фабричном стадионе. Арати стал свидетелем игры, в которой правый крайний забил четыре мяча. Не дав Гарринче даже отдышаться, он тут же повез его в клуб «Ботафого» на знаменитый стадион «Генерала Севериано», что рядом с казино «Урка» и известным во всей Бразилии яхт-клубом. Арати одолжил у друзей денег, купил Гарринче бутсы и гетры. Трусы и майку дал кладовщик команды Алоизио. Форма была явно с чужого плеча, заметно стесняла юношу. В таком виде он и предстал перед тренером Жентилом Кардозо.

«Ну, покажи, парень, что ты умеешь», - добродушно встретил его тренер. - Вот тебе мяч», - и с этими словами высоко подбросил его над Гарринчей. Не дав мячу коснуться земли, Мане ловко подкинул его себе на грудь, затем опустил на колено, снова - на грудь, на плечо, на голову. Это не было для Кардозо неожиданностью: жонглировать мячом в Бразилии умеет каждый подросток. Но скорость, с которой он выполнял все движения, удивила бывалого тренера. Жестом он направил Гарринчу на поле, где игроки «Ботафого» проводили разминку.

Там Мане сразу заметил своего кумира Нилтона Сантоса. Мелькнула дерзкая мысль: пробросить у него мяч между ног. Вскоре удобный момент представился, и, к удивлению очевидцев, Гарринча в мгновение ока обыграл знаменитого защитника. Этот трюк ему удался еще дважды. Когда игроки, закончив тренировку, покидали поле, Жентил Кардозо трижды звонко свистнул в свисток вдогонку Нилтону Сантосу. В ответ футболист, лукаво взглянув на Гарринчу, произнес: «Если этот малый окажется в другом клубе, я не смогу спать спокойно. Если же он закрепится у нас, тогда не будут спать защитники других клубов». Жентил Кардозо, услышав эти слова, снял кепку и шутливо протянул руку Нилтону Сантосу: «Похоже, что ты стал разбираться в футболе».

На другое утро, 30 июня 1953 года, Гарринча не пошел на фабрику. Десятью днями позже он выступал за команду дублеров «Ботафого» и забил три гола отвергшему его клубу «Сан-Кристован».

20 июля газета «У Глобу» во всю ширину спортивной страницы поместила заголовок: «Гауличо завоевал «Ботафого». Накануне вся фешенебельная торсида «Ботафого» наблюдала за его игрой против команды «Бонсусессе», завершившейся победой 6:3.

Тот матч молодой футболист запомнил надолго. «Ботафого» сначала проигрывал 0:1. Гарринче поручили пробить пенальти после того, как почему-то отказались бить более опытные игроки. Счет сравнялся. Затем он забил еще два гола с игры и показал такие замысловатые финты, каких завсегда на стадиона никогда не видывали. Гарринча уходил в раздевалку под радостный гул трибун.

Первое время в Рио-де-Жанейро никто толком не знал его имени. Иногда на трибунах новичка называли Гауличо, по кличке известного в Бразилии торговца лошадьми, иногда Гаррича, пропуская букву «н».

Прозвище Гарринча присвоили ему еще в детстве товарищи. Манозл страстно любил ловить птиц. Целыми днями он пропадал в лесах. Наиболее распространенная птица в Пау-Гранде называлась гарринчей. Он их ловил десятками. Сестра Тереза как-то сказала: «Тыловишь столько птиц, что и сам скоро станешь гарринчей». Умел он и подражать птичьему щебету. В округе вместо «щебетать» часто говорили «гарринчать». Так и стал он Гарринчей, Мане Гарринчей.

Тренировки в «Ботафого» для игроков основного состава не были изнурительными. Кардозо полностью доверял им и серьезно работал с командой только накануне игр. В остальные дни футболисты не спеша бегали, били по воротам, проделывали один-два трюка с мячом, и на этом тренировка заканчивалась. Затем потехи ради на поле разыгрывались легкие матчи. Защитники играли против нападающих, чернокожие против белых.

Один Гарринча поступал по-своему. Он появлялся на стадионе по вторникам, хорошо отдохнувший после воскресного матча. Сначала много бегал по полю, отрабатывал стремительные рывки с мячом, многократно повторял свои замысловатые элементы обводки. Делал он это с таким рвением, будто нарочно хотел себя измотать. Гарринча неизменно участвовал и в легких играх, поочередно выступая то за черных, то за белых, то за нападающих, то за защитников. В его манере играть проявлялось столько театрального, что на стадион в часы, когда футболисты тренировались, любители футбола приходили специально, чтобы посмотреть на Гарринчу.

Он обводил, бил из разных положений, с разных точек, даже с линии ворот. И попадал! На тренировках он никогда не отдыхал. Не хотел бездействовать как некоторые: полулежа на траве, лениво следя за перемещениями товарищей. Он постоянно стремился быть в средоточии игровых событий. Иногда, пользуясь размеренным ритмом тренировочных матчей, он подолгу держал мяч, обводя одного за другим всех игроков - и своих и чужих. Как-то Нилтон Сантос, которому надоело стоять без дела среди поля, пока Гарринча показывал свои трюки, ввел в игру под дружный хохот футболистов второй мяч. Гарринча тут же отправил свой в ворота и бросился отнимать новый мяч.

Порой он не приезжал в клуб по несколько дней, и многие думали, что он уже не вернется. Но накануне матчей Гарринча всегда появлялся как ни в чем не бывало. Такая практика в «Ботафого» была новостью. Но тренеры выжидали и не делали ему замечаний.

Обеспокоенный отсутствием Гарринчи, Макс Рибера, редактор печатного 16-страничного бюллетеня, который издается в клубе, не раз посылал кого-нибудь в Пау-Гранде разузнать, в чем там дело. Посланцы часто возвращались вместе с Гарринчей, и он привозил из родного городка какую-нибудь забавную историю, оправдывавшую его отсутствие. Несколько раз ездил туда и фотограф Мауриньо Сантос. Однажды он сделал в Пау-Гранде несколько снимков, запечатлевших Гарринчу в кругу друзей на рыбалке, на стадионе, у входа в бар Доди. В одной из газет поместили фотоочерк Мауриньо с описанием местной текстильной фабрики «Америка фабрил», построенной в начале тридцатых годов, поселка, состоявшего из нескольких зеленых улиц, клуба, где по воскресеньям показывали кинофильмы и хронику (восемьдесят процентов населения Пау-Гранде не умело ни читать, ни писать, а фильмы являлись основным источником информации «из большого мира»). Главное внимание, разумеется, фотограф спортивной газеты уделил стадиону, где гоняли мяч мальчишки, где делал первые шаги в футболе Гарринча.

Благодаря очерку Мауриньо игроки и болельщики «Ботафого» познакомились с маленьким Пау-Гранде, затерявшимся среди синих гор в департаменте Маже близ Петрополиса.

На фабрике работали многие жители городка и окружающих его селений. Дети, внуки, правнуки бывших рабов, населявшие район, шли на фабрику семьями. Уходить в Рио-де-Жанейро ради случайного заработка многие побаивались. Рабочие руки требовались и на фазенде, в большой помещицкой усадьбе, но там платили меньше. К тому же фабрика была производством с определенным рабочим днем, определенной зарплатой, что имело преимущество перед сельскохозяйственными работами от зари до зари. Да и всем казалось, что на фабрике работаешь «для себя», а на фазенде - на помещика. А подневольный труд был ненавистен.

Вместе с тремя приятелями, Свинге, Пинселом и Малвино, Гарринча, когда приезжал в Пау-Гранде, по утрам ходил на плотину ловить рыбу. Ловили на удочку, благо вдоль берега росло много бамбука и тростника и срезать длинное, крепкое удилице не представляло труда. Взрослые на ночь иногда ставили сети, и тогда озорники, придя пораньше, руками выбирали попавшуюся рыбу, жарили ее на костре.

За этим занятием и застал всю компанию Мауриньо. Ребята сначала испугались, увидев в таком глухом месте фотографа. Разговор в первые минуты не клеился. Но вот Гарринча снял с головы соломенную шляпу, закрывавшую от солнца смуглое лицо, и, приняв строгую позу, замер перед фотообъективом. Однако Мауриньо не спешил делать снимки. Ему сначала хотелось поговорить о футболе, о «Ботафого», поклонником которого он был с детства, выяснить, как относится к этому клубу и к футболу вообще этот чудак Гарринча.

«Люди добрые, - начал Мане, - давайте здесь ловить рыбу и не говорить о серьезных делах». - Он протянул фотографу початую бутылку кашасы, предлагая отпить из нее глоток.

Мауриньо все же сделал несколько фотографий, которые и стали основой первого газетного фотоочерка о Гарринче.

Отец Гарринчи Амаро Франциско дос Сантос, уроженец штата Алагоас, на досуге мастерил гитары. Он был первым сторожем на «Америка фабрил». Амаро слыл веселым человеком. Ему нравились праздники, для которых он имел обыкновение готовить крепкий напиток из кашасы с лимоном и медом. Называл его «пау де канела» или «качимбо», в зависимости от состава приправ. Обычно отец отпивал первый глоток, и затем бутылка шла по кругу, попадая и в руки сыновей. Гарринча лет в десять уже испробовал «качимбу».

Амаро был большой выдумщик, застрельщик веселых розыгрышей, всяческих забав. Любил с сыновьями поиграть в футбол или, нарядившись в белый балахон из простыни, пугать вечерами женщин. Он охотился на птиц и удил канисо - крупную рыбу, водившуюся в омуте у плотины, Манозл ему старательно подражал. Мальчик частенько убегал из школы. Из-за постоянных пропусков занятий не имел ни малейшего понятия о математике, слабо разбирался в истории и географии и не знал биологии. Буквы писал плохо, да и не стремился улучшить свое письмо. Умение писать нужно было ему лишь в тех случаях, когда появлялась необходимость поставить свою подпись. На этом его «писательская» деятельность заканчивалась. Но читать он любил. Детективные, приключенческие повести, изредка появлявшиеся в Пау-Гранде, он читал запоем. Как-то признался ребятам: «Если бы я не любил футбол, то, наверное, стал бы детективом и, может быть, имел бы в этом деле успех».

Манозл женился, когда ему исполнилось 19 лет, на Наир - девушке, которая работала в том же цехе на фабрике, что и Гарринча. Невесте едва минуло 16 лет. Отец, весельчак Амаро, недолго раздумывал, давая согласие на этот брак. «Если ты, мой сын, обещал девушке жениться, должен сдержать обещание», - сказал он, узнав, что у Наир будет ребенок. И Мане, не устраивая пышной свадьбы, обвенчался в местной церкви. Тогда он уже слыл лучшим футболистом не только Пау-Гранде, но и Петрополиса.

В первой игре за «Ботафого» против «Бонсусессе» на первенство штата Гуанабара Гарринча забил три гола и ушел с поля под одобрительные крики болельщиков, которые, надо сказать, сначала отнеслись к нему насмешливо. На верхнем ряду трибуны стадиона за Гарринчей взволнованно следили его друзья из «Пау-Гранде». Они остались довольны. «Пау-Гранде» мог гордиться своим «артиллерейро» (Артиллерейро - бомбардир (браз.)). Наблюдал за ним и знаменитый Нилтон Сантос, который в то лето долго болел и частенько во время матчей стоял за воротами. «Этот парень, - говорил он окружающим, - гений».

В Рио не знали, что в родном городке он давно считался идиолом, привык к этому и не собирался расставаться с этой привычкой на стадионах больших городов. Так сложилась его футбольная судьба, что он с самого начала был любимцем публики, радостью народа.

Первое время ему не нравилось выступать в гостях. Всякий раз, когда он забивал гол, болельщики местных команд грозили ему кулаками. Но однажды он забил фантастический гол.

- Находясь на краю, - вспоминал позднее Гарринча, - я забил гол почти с линии ворот. Я даже не поверил, что попал: мяч лежал в сетке, но его заслоняли штанга и игроки, которые пытались помешать мне забить его. Вот тогда никто кулаками уже не грозил.

В том нашем разговоре Гарринча рассказал еще и о другом - о своей идее перестройки классической системы «дубль-ве».

- Мне требовался большой простор для атаки, - рассказывал он, - и я предложил попробовать другую расстановку в сборной в одной из игр с европейской командой. Четыре-два-четыре или еще лучше четыре-три-три. Это - прочность обороны, быстрота паса и свобода для молниеносной атаки.

Бразильцы доказали, что в совершенстве освоили новую систему игры, и всегда имели для нее блестящих исполнителей.

Или вот такой случай.

В чемпионате Рио-де-Жанейро 1962 года «Ботафого» победила «Америку» 3:0. Гарринча был в тот день в ударе! Он немисливо финтил, обводил защитников и совсем замучил «четверку» - своего опекуна. Тот все время оказывался на траве. Публика хохотала. Наконец, не выдержав насмешек, незадачливый игрок, в очередной раз встав на ноги, затрусил к судье.

- Я ничего не могу с ним поделать, - пожаловался он арбитру. - Его ноги творят чудеса. Пусть он меня обходит, но не делает из меня паяца.

Все, кто находился рядом, слышали, что в ответ сказал судья:

- Иди играй, парень. Если он опять будет над тобой издеваться, я прогоню его с поля.

О своем решении судья громко оповестил Гарринчу. Услышав такое необычное предупреждение, Гарринча растерялся. Постояв несколько секунд, он подбежал к тренеру и попросил замены. Уже направляясь в сторону туннеля, ведущего в раздевалку, он вдруг получил мяч. Мгновенно исполнив замысловатый финт, Гарринча опять обошел обескураженного защитника и ударил по воротам, а сам под дружное одобрение стадиона скрылся в лоне туннеля.

После матча судья пришел в раздевалку команды «Ботафого» и извинился.

1955 год. 18 сентября. Выступая против национальной команды Чили, Гарринча впервые надел желтую футболку сборной Бразилии. Ничья, 1:1.

1957 год. Финал чемпионата «Кариока». Гарринча, выступая, за «Ботафого», буквально деморализовал «Флуминенсе» и привел свой клуб к званию чемпиона штата, которого команда «Ботафого» не завоевывала девять сезонов подряд.

1961 год. «Ботафого» с Гарринчей и Нилтоном Сантосом вновь выигрывает звание чемпиона штата Гуанабара (центр - город Рио-де-Жанейро).

(Из архива Бразильской конфедерации спорта)

«ПОВЕРЬТЕ МНЕ, ЛЮДИ!»

В начале 1957 года Гарринчу официально пригласили на сборы национальной команды Бразилии по футболу. Он еще не был ее основным игроком, хотя несколько раз сыграл за сборную. В то время место правого крайнего принадлежало Жоэлю, нападающему «Фламенго», который в 1953 - 1955 годах трижды в составе своей команды завоевывал звание чемпиона Рио-де-Жанейро. А это считается неоспоримым критерием футбольного мастерства. Гарринчу приглашали на роль дублера Жоэля в сборной перед ее поездкой в Лиму для участия в чемпионате Южной Америки. Во время этого турне он дважды заменял основных игроков. В первой игре, против Чили (Бразилия победила 4:2), Гарринча не выступал, но во второй и третьей, когда бразильская сборная обыграла команды Эквадора и Колумбии со счетом 7:1 и 9:0, он выходил во втором тайме и играл блестяще. В следующих матчах он опять сидел на скамейке запасных и недоумевал. В чем дело? Без него сборная Бразилии действовала неудачно. Так, по крайней мере, считал Гарринча, и его мнение подтверждают результаты тех матчей. Бразильцы проиграли сборной Уругвая 1:3 и еле-еле выиграли у команды Перу, забив один-единственный худосочный гол. В следующей игре они снова проиграли команде Аргентины, притом 0:3. Такой счет для Бразилии считается позорным.

Бразильская сборная осталась на несколько дней в Лиме. 13 апреля ей предстояло сыграть первый матч отборочного турнира чемпионата мира с командой Перу. В этом споре решался вопрос, какая из этих двух команд получит право представлять южноамериканский футбол на предстоящем мировом чемпионате в Швеции. И снова неудача. Бразильцы разочаровали миллионы своих поклонников, сведя матч вничью - 1:1. Всем стало ясно, что недавняя победа над перуанцами в чемпионате Южной Америки со счетом 1:0 досталась с таким трудом не случайно. Команда играла тяжело.

Гарринча вышел на поле с самого начала отборочного матча чемпионата с Перу, но на непривычном для себя месте левого крайнего не мог показать и половины того, что обычно показывал на правом краю атаки. Левый крайний Пеле получил травму, и Гарринча выполнял его роль. По мнению специалистов, он все же сыграл хорошо.

Неделю спустя в Рио сборная Бразилии вновь встречалась с перуанцами в ответном матче. Ей нужна была только победа. Публика заполнила «Маракану», желая поддержать своих футболистов в трудном и ответственном матче. Однако в тот вечер никто из зрителей не питал больших иллюзий, хотя пресса сделала, казалось бы, все, чтобы создать у игроков хорошее настроение. Сила противника, писали газеты, не должна внушать страха перед матчем. Играйте, мол, нормально, и победа будет обеспечена.

Гарринча появился в составе уже как основной игрок, на своем обычном месте, на правом фланге, а Жоэля поревели на левый. Первые минуты матча показали, что сборная Бразилии устала. Тяжелый длительный турнир вдали от дома и нервный отборочный матч в Лиме измотали игроков, и они долгое время не могли наладить игру. В нападении выделялся один лишь Гарринча. Он постоянно выигрывал единоборство с перуанскими защитниками, стремительно шел по краю с мячом, но товарищи его не поддерживали. Наконец, в самом конце игры, когда Манозл в одиночку решил пробиться по центру, его грубо сбили на подступах к штрафной площади, но «маэстро» Диди, своими разношенными бутсами демонстрируя чудо-технику, исполнил классический «сухой лист». 1:0 - долгожданная победа. «Гарринча и Диди открывают путь своей

команде в Швецию». Так писали об этом матче бразильские газеты, отдавая дань мастерству двух «негритос» (Негритос - негритят (браз.)). В конце всех репортажей их авторы требовали предоставить Гарринче постоянное место в сборной.

Сложные матчи с перуанцами показали руководителям бразильской команды, теперь уже вышедшей в финальную часть предстоящего чемпионата мира, что сборной требуются свежие силы. Именно поэтому в официальной заявке на поездку в Швецию появились имена Гарринчи и Пеле.

Перед поездкой на чемпионат в обновленном составе в двух товарищеских играх сборная Бразилии в июне 1957 года победила команду Португалии сначала на «Маракане» - 2:1, а затем и в Сан-Паулу - 3:0. Гарринча полновластно хозяйничал на правом краю атаки, в середине поля хорошо проявила себя новая пара полузащитников Зико и Диди. Похоже, что бразильская сборная постепенно находила игру. Имена Гарринчи, Диди, Пеле, Зико не сходили с уст болельщиков. Спортивные комментаторы спешили назвать свои «идеальные» составы. Тренер и журналист Жоан Салданья подсчитал как-то только в субботних газетах более сорока вариантов состава сборной.

А надо заметить, что в Бразилии приходится считаться с соблюдением «процента» в сборной белых и чернокожих, учитывать представительство клубов - местных грандов. К примеру, как бы ни выступала в канун мирового первенства популярнейшая команда «Фламенго», в составе сборной неизменно должно быть три-четыре ее футболиста.

...Давно известно, что бразильские футболисты очень нервничают перед игрой и в первые минуты игры. Порой нервозность и скованность мешали в ответственных матчах даже таким опытным мастерам, как Вава, Диди, Орландо, Беллини. Беллини вспоминал, что из его партнеров по сборной один лишь Гарринча сохранял невозмутимость.

На чемпионате мира 1958 года в Швеции Гарринчу, как Пеле и Зико, включили в состав на матч с советской сборной. В первых играх, против австрийцев и англичан, он не выступал. В тот момент бразильцы были особенно взвинченными. Сборная СССР успела себя хорошо зарекомендовать. Спортивная пресса расхваливала Яшина, Салькова, Иванова, Ильина. Словом, уверенности бразильцы не чувствовали.

Когда команды построились на поле стадиона «Уллеви» в Гетеборге, в шеренге бразильцев царил гнетущая тишина. Все будто окаменели. В этот момент Гарринча шепнул стоявшему рядом Нилтону Сантосу:

- Посмотри на судью с флажком, который поближе к тебе, - вылитый сеньор Карлитто.

Взглянув на судью, Нилтон Сантос невольно улыбнулся: сходство и в самом деле было удивительное. Нилтон сказал об этом другим игрокам, и тут все вспомнили известного чудака болельщика Карлитто Рочу. По шеренге пробежал смешок, снявший нервозность. А спустя несколько минут Гарринча смело повел своих товарищей в атаку, став центральной фигурой в том матче. Никто и не мог теперь представить, что бразильцы перед матчем были в угнетенном состоянии. Их победа (2:0) выглядела абсолютно уверенной.

Когда сборная Бразилии в ранге чемпиона мира возвратилась в Бразилию, Карлитто Роча уже знал, что он как две капли воды похож на заморского футбольного судью, и всем с гордостью говорил об этом.

1958 год. Швеция. Какими яркими были те незабываемые вечера футбольного лета! Гарринча впервые участвовал в мировом чемпионате, который проходил в северной стране, на берегу холодного моря. Улицы опрятных шведских городов продувались прохладными ветрами, от которых у бразильцев вечерами стыли руки, розовели щеки, краснели уши и носы. А светловолосые шведы разгуливали по паркам и скверам с непокрытыми головами, с расстегнутыми воротами блуз, с засученными рукавами, подставляя лицо, шею, руки бледному северному солнцу. Они радовались этому скромному теплу, катались на велосипедах, на катерах, в лодках скользили по широкому светлому озеру. Поначалу бразильцы чувствовали себя здесь одиноко.

Сборная Бразилии на чемпионат приехала раньше других команд. Организаторы разместили ее в одном из отелей пригорода Гетеборга, в Хиндосе. Тихий парк, тенистые аллеи, просторный дом с длинными коридорами. Через высокие окна в комнаты заглядывали ветви деревьев. Бразильцы отдыхали лишь первые два-три дня, необходимые для акклиматизации. А затем началась работа, постоянная, упорная, по несколько часов в день. Кроссы, пробежки,

стремительные старты на беговой дорожке, гимнастика, акробатика, плавание в бассейне. В озере купаться побаивались. Иногда под вечер подавали моторный катер, и некоторые игроки отправлялись на прогулку по озеру. Катер вел Диди. В позе заправского «черного адмирала» он стоял у руля, направляя судно между прогулочных лодок. Шведы дружески приветствовали бразильцев.

К началу игр в Гетеборг приехала первая группа бразильских туристов. В Хиндосе стало не так скучно. Вечерами бразильцы приходили в отель к футболистам и затевали маленькие карнавалы с песнями и танцами. Барабан отбивал такт самбы, кто-то запевал «Мою Бразилию», и зал заполнялся танцующими.

Но в десять вечера приходил тренер, строгий толстяк Феола, и все прекращал. Гарринча уходил из зала последним.

Дебют бразильской сборной был успешным. Три сухих гола в ворота австрийцев. «Мы их заставили танцевать вальс», - шутили бразильские болельщики. Вечером снова в отеле звенели гитары и барабан, привезенный с родины, отбивал ритм зажигательной самбы. Праздновали победу без крепких напитков, подавали только шведское пиво.

Затем последовала нулевая ничья с англичанами. Специалисты не считали ее плохим результатом. Однако для выхода в следующую стадию чемпионата требовалась победа над советской командой.

Русских побаивались. Бывалые игроки знали, что противник практиковал строгий академичный футбол. Сборная СССР рисовалась хорошо отрегулированной машиной, противостоять которой нелегко. Вспоминалась печальная традиция предыдущих чемпионатов - проигрыши решающих матчей. На что же рассчитывали? Высокая бразильская техника должна превзойти европейскую организованность. Так формулировалась стратегическая задача.

Тренер Висенте Феола, начальник команды Карлос Нассименто, президент Бразильской конфедерации спорта Жоао Авеланж старались избавить команду от неуверенности и апатии. Но их старания ни к чему не приводили, ибо не решено было главное: состав на предстоящий матч. Сначала делали ставку на белых. До последнего дня перед началом чемпионата в запасе числились Джалма Сантос, Вава, Гарринча и юный Пеле, который так и рвался в бой. Исключение сделали лишь для Диди, героя прошлого, швейцарского чемпионата мира, хотя месяц назад его кандидатура была под большим сомнением. Негр Диди недавно развелся с женой и собирался жениться на белой женщине. А это некоторым руководителям бразильского спорта казалось чуть ли не преступлением.

Обстановка в Хиндосе в ночь на 14 июня была как в лагере перед решающей битвой. Озабоченные, угрюмые лица, давящая тишина. Ужинали в молчании.

Руководители команды, врач Гослинг и психолог Карвальес после ужина сидели у телевизора. Показывали эпизоды матча Швеция - Венгрия, выигранного хозяевами турнира. Блистал правый крайний шведов Хамрин - кумир местной публики. Феола, глядя на телеэкран, стал громко комментировать эпизоды матча, всюду расхваливая игру Хамрина.

- Посмотрите, как он ведет мяч и как пасует. Он похож на игрока южноамериканской команды. Шведов будет трудно победить...

Феола явно хотел подчеркнуть, что хвалил Хамрина не только за индивидуальное мастерство, но, прежде всего за коллективную игру, а этого как раз якобы не хватало негритянским игрокам бразильской команды.

Рассуждения тренера неожиданно перебил Нилтон Сантос, стоявший поодаль.

- Смотри как мы будем играть, - сказал он. И, обращаясь к Феоле, добавил: - И кто будет играть. - Опытный футболист, с мнением которого считались все, затронул самую волнующую тему. - Сеньор Феола, - без тени смущения продолжал Нилтон Сантос, глядя на экран телевизора, - поверьте, Пеле и Гарринча сделали бы это лучше, хотя сеньор считает, что они неисправимые индивидуалисты...

Наступила гнетущая пауза. Феола продолжал смотреть телевизор, но чувствовалось, что слова Сантоса задели его за живое.

- Мне тоже кажется, что мастерство наших новобранцев, - зарокотал бас Авеланжа, - отнюдь не ниже, чем европейских звезд. - Он оглянулся на стоявшего позади Сантоса, словно ища у него поддержки. И вдруг увидел, что в сборе вся команда.

Авеланжа многие поддержали. Разгорелся спор. Феола утверждал, что доверяет только ветеранам. Его оппоненты выступали за введение в строй молодых. Пеле к тому времени уже успел забить в международных матчах с десятком красивых голов. Гарринча пришел в сборную с репутацией выдающегося игрока.

Телевизор был забыт, в дискуссию вступили почти все присутствующие. Многие считали, что Пеле и Гарринча сыграют лучше, чем Жоэль и Мацолла, дублерами которых их взяли в сборную.

В разгар спора обнаружили, что Гарринчи нет в зале. Администратор отеля сказал, что он полчаса назад попросил у него ключи от своей комнаты.

Через приоткрытую дверь из комнаты Гарринчи доносились звуки музыки. А сам он, обняв подушку, танцевал, напевая: «Никогда ты не была такой требовательной. Никогда не выступала так решительно против моей любви. Ты забыла, что я простой бедный парень...» Диск с записью «Амелии» композитора Атаулфо Алвеса, а именно эта песня звучала с пластинки, он привез с собой из Бразилии, проигрыватель купил здесь, в Швеции. Скучая по дому, Гарринча отводил душу, слушая родные мелодии. «Амелию» он заводил в самые грустные минуты. В лучшие минуты звучала песня «Я иду на Мараканазиньо».

- Пошли вниз. Там решается твоя судьба, - позвал его Вава.

- Моя судьба решена, - в тон мелодии проговорил Гарринча. - Если я останусь в резерве, жалеть не стану. Об этом пожалеет Бразилия. - Он посмотрел в темное окно, за которым шелестели листья, и добавил: - Поверьте мне, люди...

Двадцать дней назад во Флоренции сборная Бразилии играла товарищеский матч с местной «Фиорентиной», вице-чемпионом Италии. За итальянскую команду выступал приобретенный накануне бразильский форвард, правый крайний нападения Жулио Ботельо. Его отчислили из сборной из-за перехода в иностранный клуб. Гарринча претендовал в национальной команде на место Жоэля, одного из лучших нападающих «Фламенго».

В середине второго тайма сборная Бразилии выигрывала у «Фиорентины» 3:0. Игра шла монотонно, итальянцы явно смирились с поражением, бразильцы вяло доигрывали. Скучающие зрители стали покидать трибуны стадиона. Гарринча недоумевал: неужели его игра не понравилась итальянцам? Он подолгу водил мяч, убаюкивая защитников, а затем «взрывался», устремляясь к воротам. Все три гола бразильцы забили при его участии. Вот он снова издали начал атаку. Не спеша обыграл одного из нападающих в центре поля, вернулся на свою половину, снова пересек среднюю линию. Он словно нанизывал на невидимую нить своей импровизации одного за другим игроков противника. На трибунах заметили его маневры, раздались одобрителльные возгласы. Почувствовав поддержку зрителей, Гарринча ускорил темп, по-прежнему контролируя мяч. Вот он снова устремился в атаку на ворота, оставляя за спиной одного, второго защитника. Стадион изорвался аплодисментами. Тем временем Гарринча разделялся с очередным противником уже в штрафной площади. По мере того как Мане изобретал новые трюки, гул на трибунах превращался в рев. Итальянцы никогда не видели такого! А Гарринча уже раздумывал, как обыграть вратаря Сарти. Последний, не дожидаясь развязки, сделал потрясающий прыжок, но, не достав мяча, распластался на траве. На мгновение ворота остались пустыми. Зрители жадно ждали гола. Но Гарринча медлил, не спешил нанести завершающий удар. Он дождался приближения защитника Роботти, обыграл его и только после этого послал мяч в пустые ворота.

Удивительное мастерство бразильского форварда потрясло стадион. Тысячи людей приветствовали его стоя. А ведь все они были поклонниками своей «Фиорентины».

На следующий день газеты восторженно писали, что итальянцы увидели высочайшее произведение футбольного искусства, «достойное кисти Леонардо да Винчи».

- Я видел, как мяч катился в сетку. Один из итальянцев стоял у ворот, схватившись за голову. Зрители аплодировали мне, понимая, что этот гол я сделал специально для них, - рассказывал в тот вечер Манозл. Глаза его светились. Все поздравляли Гарринчу с прекрасной игрой. Лишь один человек остался недоволен Гарринчей. Это был Феола. На разборе игры он назвал его «неисправимым индивидуалистом», недисциплинированным игроком, которому он не может довериться в предстоящих матчах первенства мира. Такая суровая оценка обескуражила Гарринчу. Он даже подумал, что не стоит больше искушать судьбу и надо уехать домой. Но самовольно покинуть команду не мог и решил уйти в тень. «Амелия» едва утешала его.

Еще до поездки в Италию, перед тем как определить кандидатов на шведский чемпионат, Феола убедил тренерский совет, что Гарринча должен подвергнуться психологическому тесту. Тренер стремился узнать, умеет ли этот удивительный футболист владеть собой. Обследование состоялось в Милане, по пути в Швецию, где команда остановилась на отдых. Гарринча со смехом рассказывал друзьям:

- Они попытались заставить меня волноваться. Устроили настоящий экзамен, думая, что я не смогу выполнить их задание, и тогда в основном составе окончательно закрепится Жоэль.

Сначала доктор попросил меня нарисовать куклу. Я решил немного покуражиться над ним и нарисовал куклу с непомерно большой головой. Доктор Гослинг чуть не упал со стула, когда увидел мой рисунок. Он стал утверждать, что не бывает таких людей. Я его спокойно выслушал, а затем спросил: «Разве доктор не знает дурачка Куарентинья? Не зря на стадионе его зовут Головища. Значит, такие люди бывают?» Я не боялся их приговора, потому что мое пребывание в сборной зависело не от психологического теста, а от игры. Они считают, что я не умею вникать в тактические схемы, предлагаемые тренером. Я против мертвых схем на чертеже. Любая схема оживает на поле, как только я завладеваю мячом.

Предпочтение отдали Жоэлю. Он выступал в Милане против «Интера» и был заявлен на первые две игры чемпионата. Гарринча не скрывал огорчения, но терпеливо ждал своего часа.

...Около двенадцати ночи накануне игры со сборной СССР к Гарринче пришли Нилтон Сантос и Диди.

- Торто, - сказал Нилтон (Торто - кривоногий (порт.)), - готовься, завтра ты должен обыграть европейцев, чего бы это ни стоило.

Мануэл засветился радостью. Он выключил проигрыватель, обнял по очереди друзей и уверенно сказал:

- Вы-то знаете, что не подведу. Это будет красивый футбол. А теперь спокойной ночи, хочу спать.

О том, как сыграл Гарринча в матче против советской команды, написана не одна тысяча строк. Он удивил даже бразильцев, которые раньше никогда не видели, чтобы Гарринча играл с таким вдохновением. Быстрота, непредсказуемость действий, замысловатая обводка, пластичный, стремительный бег с мячом выделяли этого игрока среди всех, кто выступал в том матче. А его разумные, мягкие передачи партнерам!

На «Уллеви» находилось около двухсот бразильцев. Удивление, восторг, гордость - вот что они испытывали, любуясь игрой своего соотечественника-мулата.

Бразильская команда повела в счете, когда гол с подачи Диди забил Вава. Центральным нападающим снабжал передачами мяча Гарринча. Сразу после начального свистка судьи он бросился плести кружева своих неожиданных фланговых атак. Серией финтов он освобождался от опекунов, вытягивал на себя центрального защитника и отдавал мяч в центр. Диди и Вава постоянно угрожали воротам советской команды. Спасало мастерство Яшина. Вратарь, как и Гарринча, творил чудеса. Разница была в том, что бразилец, импровизируя, постоянно ставил перед защитой неразрешимые загадки, а Яшин эти загадки разгадывал. Однако все разгадать не удалось и ему. В середине второго тайма Вава с подачи Гарринчи забил второй, победный, гол.

После завершения чемпионата, когда в финале бразильцы со счетом 5:2 обыграли шведов, Гарринчу официально назвали лучшим правым крайним нападающим мира. Феола первым поздравил его.

Король Густав Адольф на стадионе торжественно вручил Беллини Кубок Жюля Риме - золотую статуэтку богини Nike, поздравил каждого бразильского футболиста с победой. Не было на чемпионате команды сильнее бразильской, не было игрока ярче Гарринчи!

Тренеры, руководители бразильской сборной не скрывали слез радости. Как дети плакали Беллини и Пеле. А Гарринча смеялся, подтрунивая над расчувствовавшимися товарищами, хотя понимал: это простительно мужчинам, завоевавшим с боя труднейшую победу.

Совершая круг почета по футбольному полю, игроки поочередно несли Золотую богиню. Гарринча нежно прижимал ее к груди, как младенца.

Во время официальных речей Гарринча шепнул стоявшему рядом Диди:

- Какой странный чемпионат: мы ни разу не проиграли. Хотя мы и не могли проиграть.

Диди внимательно посмотрел на товарища, лишней раз оценив твердость его футбольного характера.

На прощальном вечере, устроенном руководством ФИФА, Гарринча оказался в центре внимания, он был душой общества. Галантно ухаживал за шведками, говорил им комплименты, учил танцевать самбу, играть на тамбурине, повторять хором припевы танцевальных бразильских песен. Друзья недоумевали, как ему удается объясняться с ними. По-шведски он знал два-три слова, и уж наверняка шведские женщины не понимали португальского.

В тот год бразильцы увозили из Швеции сразу два дорогих сувенира: кубок Золотая богиня и...

Многие болельщики помнят коренастого, по-медвежьи грузного Марио Америко, массажиста сборной Бразилии по футболу. Более 30 лет он повсюду сопровождал бразильских футболистов, деля с ними все радости и печали. Через его крепкие руки прошло не одно поколение мастеров бразильского футбола. Он первым выбегал на поле, когда требовалась помощь пострадавшим игрокам, и последним уходил со стадиона после игры, убедившись, что его присутствие больше не нужно футболистам. Бритая до синевы, круглая, словно футбольный мяч, голова Марио Америко примелькалась зрителям за годы футбольных чемпионатов и международных товарищеских встреч сборной Бразилии. Он стал как бы живым атрибутом этой команды, ее талисманом, ее историей. Об одном случае из спортивной биографии этого человека любил вспоминать Гарринча...

В 1958 году после окончания финального матча шведского чемпионата исчез футбольный мяч, которым несколько минут назад игроки вели захватывающий поединок. Исчез прямо из рук арбитра Мориса Гигэ. Присутствующие на стадионе видели, как мяч, кем-то выбитый из рук судьи, покатился к трибуне. За ним бросился бразильский массажист и исчез вместе с мячом в туннеле, ведущем в раздевалку футболистов.

Штаб-квартира ФИФА владеет коллекцией футбольных мячей, которыми игрались финальные матчи всех чемпионатов мира. Нет в этой коллекции только мяча 1958 года. И лишь спустя 16 лет тайна похищенного мяча была раскрыта.

Вот что произошло тогда на чемпионате. Накануне финального матча, в котором хозяева турнира, футболисты сборной Швеции, и бразильские игроки должны были решить судьбу чемпионата, Марио находился в лечебном кабинете, массируя футболистов. Неожиданно туда вошел руководитель бразильской делегации, доктор* Пауло Машадо ди Карвальо (В Бразилии многих уважаемых и почтенных людей величают «доктор», с ударением на последнем слоге, что не имеет ничего общего ни с научным, ни с медицинским званием). Он загадочно улыбнулся и многозначительно сказал Марио Америко: «Завтра я должен получить от тебя подарок». Сказал и удалился, оставив массажиста в полном недоумении.

«Сеньор Пауло Машадо, - подумал Марио, - человек обеспеченный. У него все есть. О каком подарке может идти речь?»

Пауло Машадо ди Карвальо был известным человеком в бразильском футболе. Его уважали и футболисты и тренеры, а Марио Америко был обязан ему и работой, и доверием, и даже своим маленьким домиком в Сан-Паулу, который тот ему помог приобрести.

«Что он задумал?» Этот вопрос не давал покоя озадаченному массажисту. После ужина доктор Пауло наконец разъяснил свой замысел. «Я хотел бы, чтобы ты оказал мне услугу, - сказал он. - Ты должен похитить для меня мяч с финальной игры».

Так вот о чем шла речь! Почти всю ночь Марио Америко провел в раздумье: «Мяч с финальной игры чемпионата мира - святыня. Судья забирает его сразу после игры и затем вручает руководству ФИФА как музейную ценность. Это давняя традиция. Но если сеньор Пауло просит, значит, этим драгоценным сувениром должны завладеть мы, бразильцы».

Наутро Марио посвятил в свой план кладовщика команды Шико де Ассиза.

- Шико, сегодня ты займешь место на одной стороне поля, а я буду на другой. В конце игры тот, кто окажется ближе к мячу, должен выбежать на поле и схватить его. Будем подстраховывать друг друга.

За несколько минут до начала матча Марио засомневался: «А что, если наши проигрывают, сеньор Пауло?» Шеф перебил его: «Мы обязательно выиграем. И мяч должен быть нашим!»

- Игра, - вспоминает Марио Америке, - как и следовало ожидать, была трудной. Я, наверное, волновался больше других. Сначала повели шведы, потом бразильцы сквитали, и только когда счет стал 2:1, на душе полегчало. В самом конце матча Пеле головой забил великолепный гол, но столкнулся со шведским защитником и упал. Я бросился на выручку к лежащему на траве

Пеле. Несколько минут возился с ним, и когда тот уже был готов снова вернуться на поле, раздался финальный свисток. В эту секунду меня пронзила ужасная мысль: «Бог ты мой, а как же мяч для доктора Пауло?!» Вместе с Пеле я побежал на середину поля. Судья, окруженный помощниками, игроками, репортерами, организаторами, принимал поздравления, благодарил своих коллег. В левой руке он держал мяч, крепко прижимая его к бедру. Вокруг толпились футболисты, члены спортивных делегаций, фоторепортеры, представители ФИФА. Расталкивая их, я громко приговаривал: «Не трогайте судью, не трогайте судью!» - стараясь подойти к нему поближе. Он был очень весел, почему-то поблагодарил и меня. А когда, попрощавшись со всеми, повернулся спиной к нам и направился в раздевалку, я легонько кулаком стукнул по мячу и вышиб его из рук судьи. Мяч покатился по полю. Я бросился за ним, подхватил его и шмыгнул в небольшую щель в проволочной ограде, отделявшей футбольное поле от беговой дорожки стадиона. Разгневанный судья устремился следом за мной.

Помню, как я бежал вдоль трибун, не видя выхода. Бежал, понимая, что позади меня судья. Морис Гигэ служил во французской полиции и, наверное, хорошо знал правила погони. Болельщики наблюдали за нашим бегом и подбадривали меня криками. Мне казалось, что они симпатизировали мне.

Перебежав на другую сторону дорожки, я перепрыгнул через ограду и скрылся в люке, ведущем в раздевалку. Судья потерял меня из виду.

В коридоре у входа в раздевалку стояло двое полицейских. Я обомлел от страха. Но они узнали меня и пропустили, одобрительно похлопав по плечу. На мяч не обратили никакого внимания. Тем временем со стадиона донесся гул аплодисментов. Я никогда в жизни не слышал таких громких оваций.

Худшее было потом. Металлическая решетчатая дверь, преграждавшая путь в раздевалку, оказалась запертой на ключ. Решетка в три метра высотой казалась непреодолимой преградой. Схватив скамейку, я приставил ее к двери и вскарабкался по ней под самый потолок. Преодолев препятствие, благополучно спрыгнул вниз. Войдя в раздевалку, я обернул мяч в чистое полотенце и спрятал его на дне чемодана с медикаментами, словно бесценное сокровище. Только тогда я перевел дух. Затем взял наш бразильский мяч, завернул его в другое полотенце и положил в шкаф. Дело было сделано. Я возвратился на поле в тот момент, когда торжество подходило уже к концу. Король Швеции Густав Адольф передал Беллини, нашему капитану, золотую богиню Nike. Это была самая волнующая минута. Во время церемонии судья сердито смотрел на меня и делал выразительные знаки. Я же стоял как ни в чем не бывало и сохранял невозмутимый вид. Затем игроки направились в раздевалку.

Через некоторое время туда пришел и судья, сопровождаемый переводчиком. Переводчик по-испански попросил меня: «Дон Марио, у вас мяч судьи...» Я, естественно, сделал вид, что ничего не понял. «Мяч, мяч арбитра...» - жестами и словами пояснял мне переводчик. Я продолжал притворяться. На душе было скверно. В конце концов, он взял мяч, лежавший на полу, и протянул его мне. Я принял мяч и поблагодарил по-испански: «Грасиас, большое спасибо!» В этот момент подошел кто-то из бразильцев и стал объяснять мне: «Парень, он хочет получить свой мяч!» Я тихо ответил: «Оставь нас в покое, глупый ты человек. Я уже два часа знаю об этом». Затягивать игру дальше было нельзя, и я, улыбнувшись переводчику, достал из шкафа мяч и передал его арбитру. Они, удовлетворенные, удалились. Но спустя десять минут оба снова возвратились в раздевалку. «Дон Марио, - снова затараторил по-испански переводчик, - вы должны вернуть арбитру ЕГО мяч». Уж очень быстро они раскрыли подлог.

Тогда я пообещал по-испански, что вечером, во время ужина, верну им мяч.

На банкет идти не хотелось, но сеньор Пауло попросил меня отнести в зал большой ящик сигар, и мне ничего не оставалось, как пойти вместе со всеми на торжество. Там настойчивые просьбы вернуть мяч продолжались. Улучив минуту, когда мимо нас с подносом проходила официантка, я взял два бокала с шампанским и вручил один из них арбитру. Затем я преподнес ему ящик с сигарами. Время стремительно летело. Было уже за полночь. На мое счастье, все увлеклись фотографированием, и судья потерял меня из виду. Однако я отчетливо помню, как до этого он что-то сказал для меня переводчику, но тот отказался перевести эту фразу...

В ту памятную ночь никто не спал. Футболисты вышли на улицу. Я и Шико остались в раздевалке, лежали на груде одежды, прихлебывая виски, напевая веселые бразильские самбы. Мы мечтали о Бразилии, о встрече на аэродроме. За мячом доктор Пауло приходил не спешил.

«Успокойся, парень, - сказал он мне под утро. - Отдашь мне свой трофей в самолете».

За час до отлета мы все сфотографировались вместе с мячом. Для меня этот трофей был моим главным кубком.

В Бразилию мы прилетели благополучно и сразу оказались в объятиях друзей. А мяч? Он так и остался с нами, став единственным, которого по сей день недостает в коллекции ФИФА.

Впервые за всю свою историю Бразилия праздновала карнавал в июне, карнавал в честь победителей шведского чемпионата. В открытых лимузинах чемпионы мира, осыпаемые цветами, ехали по праздничным улицам Ресифе, Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу, других бразильских городов. Их чествовали как национальных героев. Гарринча танцевал и пел со всеми. Футболистов просили выйти из машины и несли их на руках.

Президент страны Жуселино Кубичек устроил в честь чемпионов правительственный прием в старинном дворце Катете. В приветственной речи, явно имея в виду негритянских спортсменов, он отметил, что победа была достигнута «единой бразильской нацией».

Затем торжества перенесли в отель «Пайсанду». Отец Гарринчи Амаро приехал с компанией друзей из Пау-Гранде. Все они разместились в открытом кузове грузовика и в пути так пели и веселились, что жители Рио-де-Жанейро сначала принимали их за чемпионов. Амаро торжественно получил из рук сына подарки - итальянскую фетровую шляпу и зонт.

Когда уже было за полночь, Гарринча вдруг взмолился:

- Люди добрые, мне здесь изрядно надоело. Лучше уехать отсюда в Пау-Гранде.

Грузовичок Амаро, набитый до отказа, резво мчался по ночным улицам Рио-де-Жанейро. Вскоре он выехал на авениду Бразил. Свежий морской ветер овеивал лица. Гарринча радостно улыбался. Ему не терпелось поскорее добраться до родного городка. Праздник продолжили в старом доме Амаро. Наир, беременная в четвертый раз, разбудив дочерей, была рядом с мужем. Затем все вышли на улицу. Доди никогда так рано не открывал свой бар. Звучала музыка - пел Нат Кинг Кол, пластинки с записью песен которого Гарринча привез из Швеции. Праздничная толпа росла с каждой минутой. И вот уже веселящиеся люди вслед за Гарринчей устремились к стадиону, вышли на площадь. Гарринча, окруженный толпой, жонглировал долларами, лирами, шведскими кронами. «Сегодня все могут пить бесплатно! - выкрикивал он. - За все плачу я!» Отец Амаро с гордостью слушал эти слова сына. «Качимбу», которую он готовил для всех, тоже пили бесплатно.

Повсюду раздавались крики: «Чемпион, чемпион!», «Слава чемпиону!». Громко звучали карнавальные песни. Фейерверк разрывал небо разноцветными искрами до самого рассвета.

В те годы любые матчи, в рамках чемпионата штата Рио-де-Жанейро или на уровне международных встреч сборной, казались Гарринче премьерой. Он готовился к ним тщательно, радуясь в душе очередной встрече с доброжелательной, шумной торсидой. Его не пугали ни чужие поля, ни дальние перелеты, ни духота жарких вечеров, ни полуденный зной. Не любил он играть только в дождливые пасмурные дни. В отличие от Пеле, который с детства привык гонять мяч на сыром песке пляжей родного Сантоса, Мане, выходя на сырое поле, всегда испытывал неудобство, словно модница, ступая на мокрый тротуар. Ему не нравились размокшие бутсы, набухший влагой тяжелый мяч. На мокром газоне Гарринча редко показывал свои замысловатые финты. Тренеры «Ботафого» знали эту причуду Гарринчи и иногда, если результат матча не играл весомой роли, позволяли ему выйти на поле во втором тайме.

Свой первый футбольный матч в Бразилии я смотрел под проливным дождем. Было это в 1969 году в Сан-Паулу на стадионе «Показмбу». В тот дождливый октябрьский вечер играли две знаменитые команды - «Сантос» с Пеле и «Коринтианс» с молодым Ривелино. Разыгрывалось первенство штата Сан-Паулу, и обе команды претендовали на право владеть Кубком. Несмотря на непогоду, трехтрибунный «Показмбу» был заполнен до отказа. Зрители, прикрывшись от дождя чешуей черных зонтиков, неистово болели за обе команды, сопровождая гулким завыванием «у-у-у» любой эпизод на поле. Было, отчего завывать. Игровая поляна превратилась в огромную сплошную лужу. Мне подумалось, что поговорку «дождь лил, как из ведра», должны были придумать бразильцы. В тот вечер она полностью оправдывала себя. Водопад, низвергавшийся с небес, заливал все и вся. Временами на стадионе стояла сплошная стена дождя. И, тем не менее, игра шла. Команды поочередно разворачивали наступление и держали оборону. Нападающие били по воротам, вратари парировали мячи. В середине первого тайма к неопишуемому восторгу

зрителей игроки «Коринтианса» забили гол. Что творилось на поле! Пока огорченные защитники «Сантоса» вылавливали мяч из сетки, восторженные паулистанс обнимались прямо в воде.

В той игре я впервые увидел, как забивает голы Пеле. За несколько минут до перерыва судья назначил штрафной в сторону ворот «Коринтианса». Произошло это в почти безопасной зоне, где-то у центрального круга. Бить штрафной вызвался Пеле. По тому, как он тщательно устанавливал мяч «на плаву», дважды, примеряясь к удару, отходил от него на длинную дистанцию разбега, не трудно было догадаться, что Пеле собирается бить прямо в ворота. С такого большого расстояния! Это стало понятно и игрокам «Коринтианса», которые в луже перед воротами спешно начали воздвигать «стенку». Стадион затих, и было слышно, как Пеле, шумно чавкая по воде, начинает разбег. Гулко, как из пушки, грянул удар. Мяч черным неудержимым ядром понесся к воротам. Вратарь изготовился к приему, всем своим видом показывая, что готов преградить путь мячу. Но в тот момент, когда надо было сделать шаг в сторону и закрыть угол ворот, он поскользнулся, заелозил по скользкому грунту ногами и не сумел помешать голу. Мяч на огромной скорости влетел в сетку ворот. Бил Пеле метров с сорока. Это был не гол, а «голище», как любил иногда говаривать Вадим Синявский.

Уникальным он оказался еще и по другой причине. В перерыве, когда дождь чуть ослаб, на поле вышло человек десять служащих в широких непромокаемых накидках с капюшонами и высоких сапогах. Длинными стальными пиками они пытались пронзить дерн, чтобы дать уйти затопившей весь газон влаге. Поковырявшись в земле минут десять, они поняли тщетность своих усилий и, ничего не добившись, удалились под трибуны.

Диктор-информатор сообщил, что из-за непрекращающегося дождя матч будет перенесен на другой день. Возможно, со спортивной точки зрения это было вполне правильное решение, но у болельщиков отняли самое главное лакомство - конечный результат игры. Голы, забитые в этом матче, были аннулированы. Так Пеле лишился замечательного гола, которого долго недоставало при подсчете первой тысячи забитых им мячей.

Несколько голов не были засчитаны и у Гарринчи, но он не помнил, чтобы из-за непогоды или по другим причинам матчи с его участием прекращались.

- На мою долю и без того выпало немало других несчастий, - так отвечал Манозл, когда его спрашивали о неучтенных голах или каких-либо иных казусах на футбольном поле...

1965 год. Гарринча практически выведен из состава «Ботафого». Послужной список футболиста: 12 лет выступлений за эту команду, 579 матчей, 249 голов. Многократный чемпион штата, двукратный обладатель Кубка страны.

(Из архива Бразильской конфедерации спорта)

ЭЛЗА

В шестидесятых годах, когда Гарринча был уже очень популярным футболистом, на подмостках бразильской эстрады расцвела слава модной певицы, мулатки, исполнительницы бразильской самбы Элзы Суарес. На карнавалах известная школа самбы «Мангейра» с Элзой во главе выигрывала немало призов. Ее Песни «Красавица кариока», «Независимая молодежь» и другие любили все. Они звучали с пластинок, их исполняли по радио. Их пели на улицах, на пляжах, в ресторанах и кафе.

Элза родилась в бедной семье тружеников. Ее мать была прачкой. Дочь, крепкая, стройная девчушка, носила матери в жестяном баке воду, преодолевая крутой склон горы, на вершине которой лепились жалкие лачуги фавел. Элза отличалась веселым нравом и очень любила петь. Иногда ее голос был слышен по всей округе. Она знала слова всех популярных карнавальных песен и вечерами перед домом, где собирались подруги, нередко изображала одна целый хор, пританцовывая и исполняя песни, как это делали на карнавалах известные в Рио-де-Жанейро самбистки. Девчонкой ее приглашали на семейные праздники, свадьбы, крестины, торжественные вечера, где она после своего незамысловатого шоу наедалась досыта.

Как-то подруги пригласили ее в кафе - там она стала петь свои веселые ритмичные песни. И однажды произошло чудо. В кафе случайно зашел аргентинский импресарио, который угадал в Элзе большой талант. Он увез ее в Буэнос-Айрес. Из Аргентины Элза вернулась уже известной певицей.

В жизни Гарринчи Элза сыграла важную роль. В годы их супружества произошел закат футбольной карьеры Мане, его стали преследовать травмы, появились долги, ему пришлось расстаться с родным клубом «Ботафого». Элза была рядом, как могла, поддерживала его. Казалось, Гарринча должен был смириться, забыть свою утраченную славу, заняться другим делом. Но футбол властно тянул его на зеленые поля стадионов.

Летом 1972 года, когда Гарринча без успеха отыграл несколько матчей за «Оларию», Элза пригласила меня с женой в гости. Их дом стоял на горе, на южной окраине Рио-де-Жанейро, окруженный высоким каменным забором. Район еще только осваивался, и хозяева новеньких особняков, опасаясь грабежей, ограждали свои участки неприступными стенами.

На веранде дома, уставленной множеством клеток с птицами, нас ждал Гарринча. Вот тогда-то мы еще раз убедились, что свое прозвище он получил вполне заслуженно. Через всю жизнь он пронес любовь к птицам, а вместе с ней и свое необычное прозвище.

Манозл показал нам своих пернатых любимцев, а затем заговорил о футболе. Работа в «Ботафого», где ему предложили заниматься с детьми, не клеилась. То, что Гарринча показывал ребятам, у них не получалось - уж слишком замысловаты и необычны были его финты. За десять лет изменился и бразильский футбол. Игра стала более рациональной, более коллективной, возросли скорости, и на обработку мяча оставались доли секунды.

- Тренер из меня не получается, - сокрушался Манозл.

Элза видела, что муж обеспокоен, пыталась помочь ему по-своему. Она сняла в аренду ресторан, где стала выступать с ансамблем, а Гарринче отвела роль администратора. Каждый вечер Мане ходил в ресторан, встречал у входа гостей, беседовал с ними, а затем, когда уже было за полночь, провожал их домой. В те вечера, когда транслировались футбольные матчи, ресторан работал без администратора: Гарринча сидел у телевизора. Элза сердилась, журила мужа, но у Манозла от этого интерес к новой работе не повышался.

В один из вечеров в «Ла бока»*(широко открытый рот (исп.)), так назывался ресторан, взявший себе символ Элзы Суарес, приехали мы. Встречая знакомых, Гарринча немного оживился, но наотрез отказался от рюмки водки: по традиции мы принесли в подарок хозяевам ресторана бутылку «московской».

- Я спортсмен, - гордо сказал Мане, - спиртного не пью. - И, немного подумав, добавил: - Еще буду играть.

Такое заявление сорокалетнего Гарринчи нас немного удивило, хотя произнес он эти слова настолько твердо, что хотелось ему верить. Формально он сдержал слово - вышел спустя полгода на зеленое поле «Мараканы» в тот праздничный вечер своего бенефиса, но это был последний футбольный вечер в его жизни на главном стадионе страны.

В ресторане мы много говорили о футболе, о бразильской сборной, о предстоящем очередном чемпионате мира. Гарринча верил в успех своей национальной команды, хотя в его словах звучали грусть и, пожалуй, зависть к тем, кто играет за сборную.

Тогда снова зашел разговор о его карьере тренера. Первый опыт работы с детьми научил кое-чему Манозла. Гарринча рассуждал теперь по-иному, говорил, что вместе с индивидуальными занятиями с юными игроками нужно готовить команду в целом, ибо футбольная стратегия выходила на первый план. Однако теперь работу ему уже никто не предлагал. Гарринча чувствовал себя обиженным.

Клуб «Ботафого» переживал тяжелые дни. Администрации нечем было платить зарплату даже игрокам команды мастеров. Тогда приняли решение продать Жаирзиньо за границу, что позволило избавиться от футболиста, получавшего третью зарплату в стране. За него дали миллион долларов, но денег едва хватило, чтобы расплатиться с долгами. Конечно, в ту пору руководителей клуба не очень-то волновала судьба Гарринчи.

Тогда он обратился с предложением к «Васко да Гама», но, как и в юности, в этом клубе его отвергли. Отчаявшись найти работу в Рио-де-Жанейро, Гарринча поехал в Сан-Паулу. Там его встретили дружелюбно, но вакансии тренера в клубных командах «Коринтианса», «Сан-Паулу», в детской спортивной школе при стадионе «Паказмбу» не оказалось. В «Сантос», к Пеле, он не поехал. Гарринча разослал в другие города письма, визитные карточки с адресом и телефоном. Возвратившись домой, он часами просиживал у телефонного столика, но аппарат молчал, как пустые трибуны стадиона.

В перерыве между отделениями концерта Элза пришла в зал, присела за наш столик. Она не разделяла стремления мужа возвратиться к футбольной деятельности. Гарринча сидел молча, насупившись, слушал жену и всем своим видом выражал несогласие. Его по-прежнему тянуло на зеленый газон, к мячу, к футболистам. Он считал, что там - его жизнь. Два чемпионата мира, на которых его называли лучшим, пятнадцать лет выступлений за сильнейшие бразильские клубы давали основание считать, что Гарринча, став тренером, мог бы еще принести пользу футболу. Однако этого не произошло. Футбольные клубы, как и на заре его спортивной карьеры, отвернулись от него. Забыли о нем и старые товарищи. Впрочем, последних он не винил. Нильтон Сантос на футбольные гонорары купил в Рио-де-Жанейро аптеку. Надеялся с ее помощью прожить остаток дней безбедно, но не выдержал конкуренции. Аптека долго стояла закрытой на углу близ авениды Копакабаны, пока ее не купил какой-то торговец.

Подобное произошло и с Жаирзиньо. Его привлекли пошивочные мастерские, куда футболист вложил деньги. Он неплохо пел, играл на гитаре. Изображение поющего Жаирзиньо с гитарой в руках было помещено на вывесках его мастерских. А потом яркие краски поблекли под дождем, потеряли свою привлекательность, а дело, которым занялся было Жаирзиньо, перестало приносить доход. В тридцать лет он отправился на заработки за рубеж.

Полтора миллиона бразильцев играет в профессиональных и полупрофессиональных клубах. Большинство из них не знает иной профессии. Но век футболиста короче, чем даже век балерины. Ясно, что далеко не многим удастся пробиться в классные команды, где футболиста ожидают популярность, деньги и уважение болельщиков. Однако всем, как только возраст переваливает за тридцать, приходится заканчивать футбольную карьеру. И если ветеран не имеет никакой другой специальности, кроме футбола, ему приходится туго. Профессиональные футболисты, закончив выступать в великих командах, быстро всеми забываются. Остается надеяться на собственную предприимчивость либо на счастливый случай. Счастье, естественно, выпадает редко кому. Вот и коротают свой век забытые футбольные знаменитости без денег.

Гарринча сидел сумрачный. Его обуревали мрачные мысли. Оживился лишь тогда, когда импресарио Жозе Аленкар, известный в Рио-де-Жанейро идеалист, прожектер и неудачник, стал развивать свою идею футбольного шоу Гарринчи. Аленкар предлагал Манозлу выступать на стадионах мира перед началом или в перерывах футбольных матчей и показывать зрителям свое футбольное искусство.

- Выступление, - горячо развивал свою мысль Аленкар, - должно занимать от силы 15 минут. Но за это время Гарринча, используя в качестве своих партнеров дублеров местных команд или юных футболистов, должен продемонстрировать обработку мяча, обводку, каскад финтов, элементы жонглирования и удары по воротам. Есть же в Америке баскетбольное шоу «Торонто глоб троттерс»! - убеждал Аленкар. - Почему бы не быть футбольному спектаклю Гарринчи?

При слове «спектакль» Гарринча поморщился.

- «Глоб троттерс» - целая команда, дюжина игроков, - высказал сомнение Манозл. - У них все отрепетировано, расписано по секундам. А с кем я буду репетировать? В каждом городе с новыми партнерами? Разве только с тобой, друг Аленкар?

Мы посмотрели на щуплого, худощавого импресарио с темными кругами под ввалившимися глазами.

- Можно подобрать для твоего шоу футболистов в любой стране, - не унимался Аленкар, - ездить с ними по городам. А потом создать и свою собственную команду. Дашь работу людям.

- Дело, конечно, благородное, - пытаюсь не обидеть Аленкара, спокойно возражал Манозл, - дать людям работу. Но, мне кажется, совершенно бесперспективное. Кто будет смотреть такое шоу? В каждой стране есть свои виртуозы. - И, повернувшись в нашу сторону, спросил напрямую: - А у вас, в Советском Союзе, показали бы такое шоу?

Я не знал, что ответить Гарринче, смутно воображая его выступления перед матчем где-нибудь в Ереване или Тбилиси.

- А кто будет организовывать такие выступления? Госконцерт, Федерация футбола или дирекция стадионов?

Аленкар ответил в запальчивости, что все организует он сам. И не хотел слушать никаких возражений.

Гарринча умолк, потеряв интерес к разговору. Он прекрасно понимал, что футбол - не цирковое представление и не концертное шоу. Футбол - игра, яркая, живая, непредсказуемая. И как бы ни расписывали заранее по минутам матч тренеры, футбольное действие всегда будет оригинальным, неповторимым, непохожим одно на другое, даже загадочным. Это привлекает зрителей.

В полночь мы прощались с Гарринчей в пустом зале ресторана. Элза, готовясь к ночному выступлению, ушла в гримерную, и Манозл, оставшись наедине с нами, признался:

- Я не могу себя представить без настоящего футбола.

Ему, как мне показалось, хотелось уехать с нами в Рио, к ночному прибою, что вечно шумит у песчаных берегов бухты Гуанабары, к освещенным электрическими прожекторами ночным футбольным площадкам на берегу пляжей Леблona и Кopaкaбaны, где и поздно вечером играют в футбол на теплом жестком песке команды юношей и ветеранов.

Но он не хотел обижать Элзу и остался, ни разу не улыбнувшись нам на прощание.

А мы уехали в ночной Рио, мерцающий огнями пестрых реклам, автомобильных фар и уличных фонарей, в теплую звездную ночь, повисшую над самым футбольным из городов мира.

...Копакабана, ты в сердце моем.
Копакабана, тебе славу поем.
Мяч и море - твои вечные атрибуты...
(Песня)

КОПАКАБАНА

Если кто-то думает, что центр футбольной жизни в Рио-де-Жанейро находится на стадионе «Маракана», тот глубоко заблуждается. Главный футбольный «бомон» собирается на пляже Копакабана, шестикилометровой подковой вытянувшемся вдоль океанского залива. Пляж опоясывает широкая авенида Атлантика, по которой нескончаемым потоком мчатся автомобили. Вдоль нее - лотки с мороженым, ледяными освежающими напитками, горячим кофе, сосисками. Тысячи машин с утра выстраиваются в ряд на прилегающей к пляжу гигантской автостоянке. Сюда подходят туристские автобусы. Все они привозят людей на пляж. В погожие воскресные дни на горячем песке Копакабаны собирается до трехсот тысяч человек - любителей моря и солнца.

Пляж в том виде, в каком он пребывает сейчас, возник сравнительно недавно. Еще в конце шестидесятых годов он занимал узкую прибрежную полосу, на которую накатывались огромные изумрудно-пенистые океанские волны. Но и тогда на пляже играли в футбол, волейбол, теннис, бадминтон.

В 1969 году началась грандиозная реконструкция пляжа. К берегу подвели огромные землеройные машины, и они принялись намывать гигантские массы песка со дна океана. У него уже в который раз отнимали новое пространство. На отдельных участках оно достигало двухсот метров в ширину. Не понимая, что с ним происходит, океан, пытаясь вернуть утраченное, яростно набрасывался на берег, посылая на мокрый песок трехметровые накаты разгневанных волн.

Пляж стал намного больше, а позади него тоже почти вдвое расширилась скоростная магистраль, по которой поток машин помчался уже в обе стороны.

Между заасфальтированными мостовыми соорудили десятиметровую нейтральную полосу, уложив ее мелким мозаичным камнем белого и черного цвета. На ней вскоре появились ультрасовременные бензоколонки государственной бразильской нефтяной компании «Петробраз», информационные туристские бюро, службы сервиса. Вдоль «подковы» расширили тротуар. По нему стало удобнее ходить, бегать, прогуливаться, ездить на велосипедах. Просторный тротуар позволил зрителям будто с трибуны наблюдать за игрой футбольных команд, соревнующихся на площадках, расположенных практически по всей длине пляжа.

Футбольные площадки Копакабаны, наверное, самые дешевые в мире. Все оборудование составляет двое деревянных ворот стандартных размеров, глубоко вкопанных в сыпучий грунт. Перед важными матчами на ворота навешиваются сетки. Вратари босыми пятками рисуют свои площадки, защитники намечают контуры штрафных, а нападающие делят поле пополам средней линией. Вот все и готово. Для игры на аренах Копакабаны достаточно иметь футболку и трусы. Ни гетр, ни тем более бутс не требуется. Чаще всего во время матчей «диких» команд футболисты гоняют мяч, имея на себе одни плавки. Естественно, все играют босиком. В обуви ходить по пляжу, не то что бегать, довольно трудно. Песок жесткий, сухой, сыпучий. Океанская вода до него не доходит.

Наиболее интересные игры проходят по воскресеньям. С утра площадки занимают команды желающих просто поиграть часок-другой в футбол. Соревнуются и стар и млад. В составах игроков порой бывает больше, чем предусмотрено правилами. Играют и по тринадцать, и по пятнадцать человек с каждой стороны. Не все умеют одинаково быстро бегать по песку, и многие ограничивают свою сферу деятельности условной зоной. Например, нападающие располагаются поближе к воротам соперника, игроки средней линии - в центре, защитники - у своих ворот. Однако устоять на одном месте, дожидаясь мяча, никому не удается. Песок быстро накаляется на солнце. Невольно побежишь, чтобы не сжечь подошвы. Десятки ног в погоне за мячом месят, взрыхляют поле, перемешивая верхний накаленный слой песка с глубокими, более прохладными и влажными. В целом получается вполне терпимо. Главная забота - не увязнуть в сыпучем грунте. Впрочем, местные мальчишки бегают по песчаному полю с той же скоростью, что и по траве. Мне неоднократно приходилось видеть, как срывались в сторону авениды Атлантика мелкие воришки, утащившие у зазевавшейся красавицы сумочку. Поймать их, бросившись вдогонку по песку, никому еще не удавалось. Не менее стремительно бегут вдоль

пляжа с тяжелой ношей на плечах босоногие торговцы, предлагая отдыхающим все, что нужно для загара и против загара, для утоления жажды. Иногда, плавно покачивая на голове огромным блюдом с очищенными ломтями ананасов, дынь, папайи, манго, медленно проплывает тучная негритянка - продавщица овощей и фруктов.

Пространство между двумя воротами загорающие стараются не занимать. Они знают, что их все равно вскоре прогонит мяч. К полудню, когда солнце укрепится в зените и дальше уже не станет мочи продолжать игру, футболисты наперегонки побегут к морю, с разгону бросаясь в тяжелую пенистую волну. У кромки океана вскоре вновь затеются мини-футбольные баталии, во время которых игроки весело будут шлепать по набегающим волнам прибоя босыми ногами.

После обеда солнце начинает постепенно опускаться к островерхим вершинам гор, окружающих город, цепляясь за крыши двадцатиэтажных зданий, выстроившихся стеной вдоль авениды Атлантика. Наступает время выхода на поля Копакабаны настоящих, организованных команд, участвующих в розыгрыше городских или районных Кубков. Вот тогда появляются зрители. Играть в таком матче для юноши, подающего надежды, весьма престижно. Тысячи глаз наблюдают за ним с тротуара, и, кто знает, быть может, среди этих наблюдателей, а такое бывает почти каждое воскресенье, присутствуют и тренеры великих команд. Они ходят на Копакабану искать таланты. Заметив способных ребят, тренер приглашает их на пробу в свой клуб. Ради такого счастливого события стоит потрудиться, погонять мяч что есть мочи, показав зрителям свое мастерство, силу и ловкость. Иностранцы специалисты всегда искренне удивляются, когда узнают, что техникой футбола в бразильских клубах никто никогда не занимается. Юные футболисты познают эту технику еще в детстве, на пляжах, пройдя там настоящую школу. Кстати, 13-летний Пеле тоже был замечен на пляже в портовом городе Сантос, где и получил приглашение в команду популярного клуба, в котором затем играл почти двадцать лет.

Чем же так привлекателен футбол для бразильских ребят? Конечно, эта игра нравится детям своим особым спортивным смыслом, огромной популярностью. В футболе раскрываются многие качества молодого спортсмена. Еще в «дикой» команде он познает законы товарищества, учится мужеству и отваге. Это, так сказать, спортивная сторона дела. Но есть и другая, которая манит бразильских ребятшек на футбольные поля, заставляет их часами возиться с мячом, бегать изнурительные кроссы. В Бразилии футбол - это еще и профессия, которая может принести не только славу, но и деньги, обеспеченное будущее. И ради того, чтобы стать футбольным профессионалом, молодой бразилец готов трудиться без устали.

Зеленые футболки против желтых, синие против белых. Вот и мелькают они на песчаных полях Копакабаны дни, месяцы и годы. Босыми ногами бразильские юноши пытаются свое счастье.

Под вечер на Копакабанае появляются солидные, взрослые команды. Трудно понять, то ли это соревнование дублеров, то ли спортсменов крупных колледжей. Кто бы там ни был, все играют по-настоящему, с азартом, то есть в той манере, в какой играют в футбол вообще все без исключения бразильцы, независимо от того, состязаются ли они для своего удовольствия или борются за Кубок страны.

Постояв, понаблюдав за игроками с полчаса, замечаешь, что реакция зрителей здесь совсем иная, чем на «Маракане» или «Ботафого» во время официального матча. На Копакабанае нет предпочитаемых зрителями команд. Болеют исключительно за сам футбол, за отдельных игроков, отличившихся в обводке, пасе или ударе по воротам. Аплодисменты, возгласы одобрения вызывают эпизоды, а не перевес в счете той или иной команды. Впрочем, о счете порой никто и не знает, зато знают игрока, который забил два или три гола. Игра таких футболистов тут же обсуждается, сравнивается, окрашивается эпитетами. В обмене мнениями участвуют совершенно незнакомые друг другу люди, объединенные общим интересом к футболу. На пляжные матчи ходят, чтобы насладиться самим футболом, поэтому мало кто знает, за какую награду сражаются футболисты.

Бывает, что на футбольную площадку выходят в новеньких отглаженных футболках команды подростков. Появляются такие команды благодаря настойчивости и энтузиазму их организаторов, решивших от «дикого» футбола перейти к организованному. Начинают такие энтузиасты с того, что выходят под вечер на Копакабану собирать деньги на покупку футбольной формы и мяча. Если вы презентовали этим предприимчивым юношам сотню-другую крузейро, вас торжественно заносят в список добровольно оказавших содействие рождению команды. Сколько проживет такая команда, сколько она проведет «официальных» матчей, с кем она станет состязаться, никто пока не знает. Главное - выйти на песок Копакабаны в форме, сыграть с такой

же «полудикой», только что организовавшейся группой сверстников, привлечь внимание публики, а все остальное - дело будущего. Но как бы ни сложилась дальше судьба вновь созданной команды, ребята никогда не забудут той памятной первой игры, где они стремились показать настоящий бразильский футбол, с голами, трюками, энтузиазмом и непременным уважением к зрителям. Таков закон Копакабаны, а вернее сказать, всего бразильского футбола.

Поиграв в детстве год-другой на песке Копакабаны, подросток приобретает подвижную эластичную стопу, крепкий подъем, тренированные икры - это позволяет ему затем на зеленых полях делать с мячом что угодно.

Гарринча в юные годы не играл на пляжах, но потом, став знаменитым, нередко наблюдал среди заинтересованных зрителей за игрой юных футболистов, зорко следя за умелыми и быстрыми игроками.

Но вот горячее солнце окончательно зашторят горы, и над Копакабаной сгустятся сумерки. Вдоль авениды Атлантика вспыхивают неоновые фонари. Свет их желтыми полосами ложится на ближайшие футбольные площадки. Дневной зной медленно уступает место влажной морской прохладе. С океана веет запахом рыбы, йода, водорослей. На футбольную арену торжественно, как на цирковом параде, выходят седые ветераны. Они сначала подолгу разминаются, показывая удивительное жонглирование мячом, а затем начинают свой, особый футбол, неторопливый и тонкий. В таких матчах можно увидеть знаменитых футболистов сороковых - пятидесятих годов. Грациозно, как павлины, передвигаются они по полю, демонстрируя завидную технику и восхищая зрителей остроумными передачами, выверенными ударами по воротам. Это уже футбол для гурманов. За ним наблюдают чуть снисходительно, с улыбкой.

Я как-то опоздал к матчу, в котором играли Гарринча и Загало. Возбужденная зрелищем публика валом валила после игры, как с «Мараканы». Многие повторяли имя Гарринчи, с удовольствием обсуждая только что показанную им игру.

- Неужели и на песке Гарринча оставался виртуозом? - не удержавшись, спросил я одного их прохожих.

- О, еще каким! - воскликнул в ответ незнакомый бразилец. - Он снова удивил всех своими коронными рывками, пушечными ударами по воротам. Вы знаете, - смеясь добавил он, - один его мяч молнией пронзил ворота и улетел в океан!

Гарринча везде оставался Гарринчей - игроком, всегда приносившим людям радость своим футболом.

Бразильский футбол исключительно богат талантами. Попроси любого ценителя этой игры назвать лучших бразильских футболистов - и сразу услышишь с десятков имен, в разные годы защищавших цвета сборной Бразилии, не раз восхищавших своей игрой трибуны стадионов мира. Но в этом списке наверняка не будет Фио - любимца Копакабаны.

Так уж сложилась его спортивная судьба, что он мало известен за пределами своей страны. И все же можно понять композитора Жоржи Бена, избравшего Фио героем своей песни, посвященной футболу. Фио - человек яркого футбольного дарования, и наблюдать за его игрой истинное удовольствие. Песня так и называется «Фио маравилья» - «Прекрасный Фио». В названии песни скрыта доля доброй иронии. У Фио чрезмерно большие, торчащие в разные стороны два передних зуба, из-за чего красавчиком его не назовешь. Но эпитет «прекрасный» относится не столько к его внешности, сколько к его великолепному футбольному умению. В жизни это удивительно общительный, милый и симпатичный парень. Его обаяние проявляется повсюду: когда он стоит перед объективом фотоаппарата или дает интервью по телевидению, когда беседует с болельщиками или репортерами. Но особенно он хорош в игре. Широкогрудый, высокого роста, он, словно пританцовывая, движется по сыпучему песку, оживленно жестикулируя длинными руками, весело подбадривая товарищей, одобряя их действия или подсказывая им, куда передать мяч. Его фигура расслаблена, она - будто кукла на веревочках. Порой кажется, что Фио выпадает из игры. Но это не так. Он внимателен к партнерам, постоянно готов включиться в борьбу, принять мяч, сделать предложение в атаке.

Вот мяч, словно прилипнув, замирает у его ног. И тогда начинается очередной маленький спектакль, которого всякий раз с нетерпением ждут зрители. Изящным пируэтом, мгновенно развернув свой могучий корпус, Фио уходит от ближайшего преследователя. Его черная голова высоко поднята, а ноги плетут замысловатый танец: то подбрасывают мяч, то чуть отпускают его от себя. Всем видом - глазами, улыбкой, направлением корпуса - Фио зовет товарищей вперед. И

тот, кто угадывает его замысел, получает изящный, точный пас. «Спектакль» длится считанные секунды, но в эти мгновения Фио успевает показать столько выдумки, находчивости, ловкости, так легко и непринужденно творит свое чудо, что редкий эпизод с его участием не вызывает аплодисментов.

В футбольный клуб «Фламенго» Фио пришел уже взрослым, сложившимся футболистом. Вместе с Пауло Сезарем они в течение двух сезонов представляли замечательный тандем, умело взаимодействуя, остроумно выводя друг друга на острие атаки. Фио предпочитает комбинационную игру, щедро питая нападающих мячами из глубины поля, но не теряется, оказавшись сам на ударной позиции. Его удар всегда неожиданный, хлесткий и меткий. А какой блестящий гол он забил на 33-й минуте второго тайма команде «Атлетико»! Не гол, а песня! Впрочем, эта фраза как раз и взята из песни Жоржи Бена, посвященной Фио. В ней композитор воспел замечательное футбольное искусство Фио, его добрый нрав, честное служение футболу.

В команде «Фламенго» Фио играл два сезона, а потом его снова потянуло на горячий песок Копакабаны, к «диким» матчам, подготовка к которым не требовала ежедневных тренировок, лагерных сборов, не разлучала с друзьями. Фио не стремился стать профессионалом. Играя в «Фламенго», он даже не заключил контракта и получал деньги только за выигранные матчи. Он, как и Гарринча, слыл бессребреником. И больше всего на свете ценил солнце, море и личную свободу.

Много удивительного можно увидеть за день на спортивных аренах Копакабаны. Взять, к примеру, «футбольный волейбол». Эта игра тоже собирает зрителей. На волейбольной площадке располагаются по шесть игроков. Мяч разыгрывается на три удара. Игра ведется через обычную волейбольную сетку, подвешенную на двух столбах на стандартной высоте. Но играют - ногами! Разрешается, впрочем, как и в футболе, принимать мяч головой. Нужно забить мяч на площадку соперника, найти на ней самое уязвимое место. Мяч подолгу парит в воздухе, когда особо умелые фут-волейболисты, поймав его в воздухе, сильно посылают мяч на сторону соперников, добиваясь потрясающего эффекта. Бывают трюки и посложнее. Чего стоит тройной перепас головами или удары в падении! Зрители восторженно аплодируют виртуозам.

О Копакабанах сложены песни. В одной из них «знойный мяч» сравнивается с солнцем, к которому тянутся людские сердца.

Множество спортивных трофеев завоевал за время своей блестящей карьеры футболиста Манозл дос Сантос Гарринча. Дважды был обладателем кубка Золотая богиня. (Агентство ЭФЕ, Испания)

1963 год. Уже будучи дважды чемпионом мира, Гарринча, следуя советам Элзы Суарес, впервые при возобновлении контракта с «Ботафого» попросил более высокую зарплату. Раньше он всегда подписывал чистый бланк контракта, получая затем лишь половину среднего заработка футболистов («остальных баранов», как говорил Гарринча) «Ботафого».

Патронат клуба с раздражением встретил справедливое требование популярного футболиста по достоинству оценить его мастерство. Новый контракт, подписанный спустя четыре месяца, составили только при непосредственном вмешательстве банкира Жозе Магальяэса Линса, ценившего талант Гарринчи и изредка покровительствовавшего ему.
(Журнал «Плакар», Бразилия)

ДВАЖДЫ ЧЕМПИОН

VII чемпионат мира по футболу 1962 года должен был состояться в Чили.

В начале шестидесятых годов в Европе еще мало знали эту страну и совсем плохо - чилийский футбол. Но уж таков устав ФИФА: проводить чемпионаты мира по футболу поочередно то в Европе, то в Америке. На сей раз жребий оказался благосклонным к Чили - одной из одиннадцати стран Южной Америки.

Узкой лентой вытянулась она на четыре с половиной тысячи километров вдоль Тихоокеанского побережья с севера материка до заснеженных берегов пролива Бигл на юге. Белые вершины Анд, уходящие под облака, зеленые виноградники по склонам гор, бурные пенистые реки. Футбол давно перешагнул через Анды, сделав восемь миллионов чилийцев поклонниками этой игры. В Сантьяго, Винья-дель-Мар, в Арике люди дружно ходили на семидесятитысячные стадионы, яростно поддерживая нравившиеся им команды.

Но весной 1960 года, за пятнадцать месяцев до торжественного открытия чемпионата, Чили подверглась страшному землетрясению. Разрушения поразили страну с севера на юг, ввергнув чилийскую нацию в пучину глубокой экономической депрессии. До футбольных ли чемпионатов народу, пострадавшему от стихийного бедствия? Приближался 1962 год, а руководство ФИФА все еще не знало, сможет ли Чили принять мировой чемпионат. Наконец руководители ФИФА снарядили в Сантьяго представительную делегацию, чтобы получить от правительства Чили подтверждение, что чемпионат будет проведен в этой стране, или услышать отказ. Члены делегации посетили стадионы, осмотрели гостиницы, встретились с президентом. И хотя часть работ, связанных с проведением чемпионата, еще оставалась незавершенной, появилась надежда, что VII первенство мира по футболу состоится именно в Чили.

Спустя месяц после визита делегации президент Республики Чили Хорхе Алессандро направил в штаб-квартиру ФИФА официальный ответ: «Чили готова принять чемпионат». Председатель Чилийской федерации футбола Фернандо Диттборн писал: «Нам необходим мировой чемпионат как воздух, потому что это единственное, что может помочь нации возродить дух...» Диттборн умер, не дожив до открытия футбольного праздника, хотя успел сделать все, чтобы игры начались в назначенный срок.

Бразильцы связывали с чилийским чемпионатом немалые надежды. За четыре минувших года они не утратили репутации сильнейших в мире, сохранив в рядах национальной сборной опытных ветеранов и талантливых молодых игроков, возмужавших после победы в Швеции. Пеле и Гарринча играли теперь ведущие роли в сборной. Правда, во главе команды не было старого опытного футбольного мудреца Висенте Феолы.

Сборная Бразилии прилетела в Сантьяго загодя. Из самолета футболисты вышли одетые по-зимнему, в тяжелых драповых пальто, шерстяных шарфах и фетровых шляпах - почти все члены делегации были облачены в ту самую одежду, в которой летали на чемпионат мира в Швецию. В таком необычном для них одеянии они выглядели забавно, что сразу привлекло внимание фотографов, дежуривших в аэропорту чилийской столицы. В тот же вечер снимки обладателей Кубка Жюля Рима появились на первых страницах газет.

Делегация прилетела в Сантьяго на том же четырехмоторном самолете, на котором четыре года назад летела в Швецию. Вел машину прежний пилот Бругнер.

Накануне отъезда во дворце «Алворада» в новой столице Бразилиа спортсменов принимал президент Жоао Гуларт. Звучали напутственные речи, проводились исторические параллели, смысл которых сводился к одному: Бразилия должна повторить шведский успех. Футболисты и руководители команды заверяли, что не пожалеют сил ради новой победы. Футбол снова вторгся в политику.

Ни один из ста миллионов бразильцев не сомневался в возможности повторения триумфа, хотя многие понимали: быть фаворитом труднее, чем находиться в тени. Понимали это и тренеры. Они полагали, что главными конкурентами в борьбе за первенство остаются команды Уругвая и Аргентины, которым во всех подробностях была известна игра бразильской сборной, слабые и сильные стороны отдельных ее футболистов. С уругвайцами и аргентинцами за минувшие четыре года бразильцы встречались не раз. И если бы Уругвай и Аргентина к началу чилийского чемпионата смогли бы удержать в рядах сборных своих лучших игроков, часть которых выступала за команды Европы, борьба за «кубок землетрясения» обострилась бы втрое. К европейским командам относились с почтением, но без опаски, полагая, что в Чили ни одна из них

не сможет выступить в полную силу. Так заранее создавался морально-психологический климат, нацеливавший футболистов Бразилии на успех.

Мировой футбол за последние четыре года прошел большой путь, найдя много нового как в развитии атаки, так и в построении защитных линий. Тогда большинство футбольных команд Европы разрабатывало тактику игры, направленную на оборону своих ворот, что вступало в противоречие с наступательными тенденциями, господствовавшими на чемпионатах мира 1954 и 1958 годов.

Первые игры чилийского чемпионата показали, что итальянское защитное «каттеначио» становится не только модным вариантом, но и ведущей стратегией. В штрафной площади иной раз скапливалось столько игроков обороны, что даже самым быстрым и искусным нападающим пробиться через этот заслон становилось не под силу. К тому же при единоборстве защитников с форвардами нередко нарушались правила. Никогда еще на мировых чемпионатах не регистрировалось столько несчастных случаев, как в Чили. Три футболиста выбыли из розыгрыша Кубка Жюля Риме с переломами ног. Английского арбитра Кена Астона унесли с поля на носилках в середине игры, он не мог оставаться на поле из-за разрыва ахиллова сухожилия. В матче с командой Чехословакии, который проходил в городе Винья-дель-Мар на небольшом уютном стадионе «Эль Саусапито», заполненном приветливой публикой, в зоне, не представлявшей угрозы для ворот, Пеле откидывал мяч партнеру, готовясь к атаке. Вдруг, громко вскрикнув, он упал, застонав от боли, схватившись за поврежденное колено. На этом завершились его выступления в Чили. Матч пришлось доигрывать вдесятером: регламент чемпионата не позволял замен. Бразильцы с большим трудом сохранили ничейный счет.

Чилийский турнир поставил рекорд ссор и драк на поле, удалений за грубую игру и за пререкания с судьями. Такой футбол не мог дать чилийским зрителям ожидаемого эмоционального заряда, необходимого, как считалось, для гигантских усилий по восстановлению полуразрушенной страны.

...Оставалось 16 минут до окончания встречи Бразилия - Испания. Испанцы, в рядах которых блистали такие выдающиеся игроки, как вратарь Аракистаин, защитник Пачин, крайние нападающие Хенто и Пойро, стремились довести матч до победы. Еще в первом тайме Абелардо забил гол. Испанцы с воодушевлением продолжали наступать. Вратарь Жильмар сделался самой заметной фигурой в штрафной площади бразильской сборной. Пеле - на трибуне, он нервно следил за игрой. Всем было видно, как он кусает ногти и дрожит, обливаясь потом. Пеле был одет в толстый белый свитер, ведь погода в тот день стояла прохладная.

Загало настойчиво продолжает преследовать в середине поля испанского нападающего, уверенно владеющего мячом. Из последних сил бразилец настигает противника и буквально вырывает у него из-под ног мяч. Не теряя ни секунды, Загало устремляется к испанским воротам. Рядом с ним Амарилдо - дублер Пеле. Вот они оба в штрафной. Загало, атакуемый двумя испанскими защитниками, успевает сделать навес на набегающего Амарилдо, и тот сравнивает счет. Игроки бурно выражают свою радость, им восторженно аплодируют товарищи, сидящие на скамейке запасных, гром аплодисментов раздается на трибунах, где расцвели желто-зеленые цвета бразильских флагов. Радуются бразильские журналисты в ложе прессы. Гол чудодейственным образом подействовал на настроение всего стадиона. Чилийские зрители начинают болеть за южноамериканскую команду, хотя почти на протяжении всего матча поддерживали испанцев.

Если результат 0:1 выводил из розыгрыша Кубка мира бразильскую сборную, то ничья была катастрофой для испанцев. Начав с центра, они всей командой устремляются на ворота Жильмара. Опасность нависает, давление испанцев нарастает с каждой секундой. Бразильцы снова прижаты к воротам. Вот-вот последует развязка. Диди решает использовать в игре последний шанс. Он пасует мяч Гарринче. «Мане, теперь все зависит от тебя!» - кричит вслед мячу Диди. Гарринча откликается на призыв и начинает свой неистовый танец на правом краю поля. Он проходит вперед, делая вид, что там затевает атаку, затем резко меняет направление, финтит, то убыстряя бег, то замедляя. Обыграв испанского игрока, который отчаянно бросился его атаковать, он проходит середину поля. Теперь на Гарринчу бросаются сразу двое. Опасно. Манозл на мгновение расстается с мячом, оставляя его партнеру. Освободившись от опеки, снова получает мяч. Товарищи прекрасно понимают маневры Гарринчи, поддерживая его игру. Испанцы в нерешительности, нервничают и совершают ошибки. Бразильские болельщики восторженно поддерживают своего кумира. Не скрывают восхищения и чилийцы, которые, затаив дыхание, следят за каждым движением футбольного кудесника. Остаются четыре минуты до конца матча.

Гарринча по-прежнему контролирует мяч, увертываясь от наскоков испанцев. Вот он снова на своей половине поля. Испанские игроки не решаются его преследовать, выжидают. На секунду игра как будто замирает. Останавливается и Гарринча. Всем своим видом он показывает, что ждет соперника, и при его приближении вдруг резко начинает разбег. На высокой скорости он проходит всех, кто пытается прервать его стремительный бег. Он доводит мяч до самой линии ворот, входит во вратарскую площадку и, обыграв еще одного защитника, мягко отдает мяч назад. Подбежавший Амарилдо направляет мяч в ворота. Бразильцы потом скажут, что Гарринча «положил пирожное прямо в рот» Амарилдо. 2:1! Удивительная победа!

Линия международного телеграфа между Винья-дель-Мар и Бразилией заполнена приветственными восторженными телеграммами. В отеле, где живут бразильские футболисты, непрерывно звонит телефон. Телефонистки, не прерывая связи, лишь переключают номера бразильских абонентов. Похоже, что вся Бразилия на связи с Чили. И почти в каждой телеграмме поздравления, слова благодарности Гарринче. Телеграфируют, звонят родные, друзья, политические деятели, журналисты. Бразильские радиостанции передают специальные программы, посвященные футболу. В небольшом отеле «Эль Ретиро», где проживает бразильская команда, всеобщее ликование. Звучат тамбурины, сурдос, трубы, гитары. Настоящий карнавал, карнавал в честь Гарринчи и его товарищей! Здесь собрались все, кто находился на стадионе в секторе бразильцев. Футболисты, члены технической комиссии, тренеры, болельщики, журналисты, объединившись, празднуют победу. В разгар веселья в зале появляется Элза Суарес с группой самбистов, которые представляют в Чили во время чемпионата бразильское национальное искусство. Самба, отбивая веселый ритм, увлекает всех. И никому не тесно в уютных залах маленького отеля!

Звучат приветственные тосты, звенят бокалы с красным чилийским вином. Главный виновник торжества Гарринча танцует, поет со всеми, забыв о матчах, о футболе, о славе. Вот он протискивается к бару. Присел у стойки. На устах - лукавая улыбка. Его окружают друзья. Он в центре внимания. «Бывают ли более счастливые минуты в жизни?» - проносится сладкая мысль.

- Люди добрые, - говорит он, - я давно не видел такого блестящего выступления, как только что показала нам Креола. Настоящая самба настигает нас даже здесь, в Чили.

К стойке подходит Элза, сверкая белозубой улыбкой, в умопомрачительном наряде, с бубном в руке. Их знакомят. С этой минуты Гарринча не отходит от нее ни на шаг. Они вместе танцуют, поют. Мане постоянно шутит, и креолка громко смеется. Потом она снова поднимается на импровизированную эстраду, и Гарринча усаживается у нее.

- Загало, - кричит он танцующему в зале товарищу по комнате, - сегодня ты ночуешь один. Я переезжаю в отель самбистов!

Все смеются, думая, что Гарринча шутит.

Веселились за полночь. Затем компания перебирается в соседний отель. Празднество сотрясало бравурными звуками самбы ночной Винья-дель-Мар. Руководители команды, разделяя всеобщее веселье, решили, что в эту ночь можно забыть о режиме. «Нервная разгрузка нужна всей команде», - рассуждали они.

Гарринча возвратился в свой отель утром, усталый и влюбленный. Бурно начавшийся роман захватил его целиком. О Манозле и Элзе заговорила вся бразильская сборная. Тренерам нужно было спасти положение, чтобы сохранить единство команды, боевое настроение и дисциплину. Ведь сборную любой ценой надо довести до заветной цели - во второй раз завоевать звание чемпионов мира по футболу. Все понимали, что сделать это с грустным, травмированным Пеле и сияющим от любви Гарринчей будет нелегко.

Однако руководителям сборной удалось сохранить порядок в команде и избежать скандала, вызванного «делом Гарринчи».

Члены технической комиссии запретили обсуждать поведение Гарринчи, чтобы слухи о нем не дошли до Наир и дочерей. А чтобы Гарринча перестал отлучаться из своего отеля для свиданий с Элзой, пригласили ее переехать к футболистам, предоставив ей такую роль «мачехи» в команде. Все при этом делали вид, что ничего особенного не случилось. Таким «финтам» вне поля мог позавидовать и сам Гарринча.

Но любовь сотворила с ним великое чудо. За четыре дня он провел две самые лучшие игры в своей жизни, доказав на футбольном поле, как возвышает большое, настоящее чувство.

Против англичан в четвертьфинале Гарринча вновь сыграл вдохновенно. Скорость, высочайшая техника, превосходное понимание футбола, помноженные на страстное стремление к

победе, привели зрителей, журналистов - всех, кто наблюдал за ним в том матче, в восхищение. Об игре Гарринчи восторженно отзывались даже соперники. Газеты называли его «великим волшебником мяча».

«То, что он выделывал с мячом своими кривыми ногами, не смогли бы повторить руками даже баскетболисты», - написала одна чилийская газета. Он забил два гола и создал еще с десяток голевых ситуаций. Он хозяйничал не только на правом краю. Его появление в центре, а также на левом фланге приводило в смятение английскую защиту. Он действовал на всем огромном футбольном поле. Рывки по двадцать-тридцать метров с мячом совершенно не утомляли этого удивительного футболиста. Когда атака захлебывалась, он быстро возвращался назад и снова набрасывался на мяч.

Первый гол был забит головой. Гарринча ловко вышел между двумя защитниками на перехват навесной передачи и, подпрыгнув на полметра, ударил головой по мячу с такой силой, что вратарь даже не успел среагировать. Вообще-то Гарринча играл головой довольно редко. Он как-то жаловался, что не любит принимать мяч на голову. Еще мальчишкой ему пришлось ударить головой по очень тяжелому, мокрому мячу, и в тот момент он чуть не потерял сознание, настолько болезненным оказался удар. С той поры он предпочитал играть ногами.

Второй гол оказался красивее первого. Гарринча принял мяч, оказавшись на месте левого полусреднего и сразу рванулся вперед. Защитники, ожидая его непредсказуемых финтов, пятясь, отступали назад, стараясь закрыть подходы к штрафной площадке. И в тот момент, когда Гарринчу стали атаковать, он сделал точный пас Вава. Тот мгновенно «выстрелил» метров с двадцати пяти и, увидев, как мяч влетает в ворота, высоко подпрыгнул, затем закрыл лицо руками и обессиленный опустился на колени. Чуть позже он подбежал к Гарринче и поднял его на руках. Так он воздавал должное удивительному мастерству своего товарища.

Третий гол Гарринчи. На подступах к штрафной он вдруг без всякой подготовки резко подсек мяч, и тот, описав красивую дугу, влетел в угол ворот. Рассказывая читателям об очередном триумфе бразильского форварда, одна лондонская газета писала на следующий день: «Мы думали, что «сухой лист» доступен лишь одному Диди, но Гарринча показал изумленной публике, что в совершенстве владеет этим сложным ударом».

На пресс-конференции английский тренер Уолтер Уитерботтом признался, что ошибался раньше, когда говорил: «Гарринча игрок финта, мастер скоростного дриблинга - и только, откровенный индивидуалист».

- Я ошибся, - сказал теперь Уитерботтом, - сегодня он доказал, что может делать на поле то, что совершенно недоступно для других игроков. Это фантаст от футбола, гениальный импровизатор. Его игра настолько удивительна и необычна, что мне остается только спросить: «С какой планеты приехал Гарринча?»

Когда Гарринче передали эти слова знаменитого английского тренера, он покраснел, смущенно улыбнулся и сказал:

- Эта планета зовется Бразилией.

Он пошел на свидание с Элзой, испытывая чувство глубокого удовлетворения, как художник, завершивший свой шедевр. Этот матч принес Гарринче всеобщее признание. Футбольный мир назвал его непревзойденным артистом, кудесником, волшебником.

- Я удивлен не меньше англичанина, - говорил он Элзе и ее друзьям, в кругу которых он застал ее. - Я тоже не могу объяснить, что происходило со мной на поле. На меня что-то снизошло. Как будто чей-то голос приказал мне вдруг уйти с правого края и играть в центре, делать то, что обычно положено делать Пеле. Я сначала испугался, но потом решил повиноваться этому наваждению. Я чувствовал такую силу и легкость, какой у меня никогда не было, и делал то, что мне подсказывал этот голос. Остальное вы видели, люди добрые.

Три дня спустя сборная Бразилии впервые выступала на центральном стадионе в Сантьяго в полуфинале против хозяев чемпионата - футболистов сборной Чили. Ажиотаж вокруг матча был настолько велик, что бразильская газета «У глобу» сравнивала его с обстановкой, какая бывает сразу после объявления войны. Чилийцы связывали с матчем самые дерзкие надежды, несколько преувеличивая возможности своей национальной команды. Бразильцы, хорошо понимая, что предстоящий поединок будет сложным, тщательно готовились. Пеле по-прежнему оставался на скамейке запасных.

Чилийцы верили в свой успех. «С Пеле или без Пеле мы обыграем «Нескафе»! Это был один из многих лозунгов, появившихся в Сантьяго в канун матча. Написанный на многометровых

полотнищах, он украшал не только трибуны стадиона. За день-два до матча этот лозунг появился на стеклах автомашин и автобусов, на стенах и балконах домов. Предстоящая игра представлялась спором двух наций. В таких условиях многое зависело от судейской бригады. Возглавлял ее перуанец японского происхождения Артуро Ямасаки, которого Гарринча окрестил японцем.

На поле центрального стадиона чилийская команда вышла задолго до начала матча. Зрители стоя приветствовали своих любимцев. Бразильцы появились в тот момент, когда перуанский судья стал уже посматривать на секундомер. Их встретил невероятный свист и улюлюканье чилийских болельщиков. Стоя среди товарищей, Гарринча перебирал ногами, как горячий конь перед забегом, и бесстрашно посматривал на тесные ряды зрителей, словно искал среди них знакомых.

Надо отдать должное чилийским футболистам. Команда по праву снискала себе уважение зрителей. Сборная Чили победила на пути в полуфинал команды Швейцарии, Италии, Советского Союза и рвалась к финалу. Имея такие победы, чилийские спортсмены смело вышли на поединок с чемпионом мира, в составе которого по-прежнему преобладали ветераны. Вратарь Жильмар, защитники и игроки средней линии Джалма Сантос, Мауро, Зозимо, Диди, Нильтон Сантос, Загало перешли роковой для футбола возрастной рубеж - 30 лет. Гарринча и Вава подходили к нему. 22-летний Пеле оставался вне игры, и лишь Амарилдо, который должен был выйти на поле вместо него, представлял молодое поколение бразильских мастеров. Все это позволяло чилийским болельщикам с оптимизмом обсуждать шансы своей сборной на победу. К тому же специалисты прогнозировали возможную неудачу бразильцев, так как в матчах, где решалась судьба мирового первенства, сборная Бразилии, бывало, проявляла неуверенность и проигрывала. Многие, правда, не учитывали «фактор Гарринчи», блестящая игра которого обеспечивала бразильцам одну за другой победы в чилийском чемпионате. Гарринча играл, по меньшей мере, за двоих - за себя и за Пеле. Однако все сходилось на том, что матч Бразилия - Чили по значимости, по уровню противостояния и престижности становился равным финалу.

Первые десять минут игра шла крайне нервозно, перевеса не имела ни одна из сторон. Бразильские футболисты, правда, вскоре заметили пристрастие «японца», действия которого были явно на пользу чилийской команде. Бразильцы незаслуженно получали замечания, и это их, естественно, раздражало. Игра многократно прерывалась по пустякам, что сбивало с быстрого ритма бразильских футболистов. А стадион ревел.

У чилийцев выделялись Эйзагирре, Рохас, братья Санчесы, центральной Торо. Они отчаянно нападали на каждого бразильца, владеющего мячом. Игра постепенно превращалась в футбольную битву. Сбивают с ног Загало, толкают в спину Вава, и тот ошибается в передаче. Прихрамывая, морщась от боли, передвигается по полю Амарилдо. Но судья Ямасаки делает вид, что не замечает грубой игры чилийцев.

Гарринча уходит от преследователя на левый фланг. Рядом Загало. В зону трусит Амарилдо. Втроем на одном краю делать нечего. Мане быстро перемещается в центр, стараясь хоть на время избавиться от назойливого опекуна. И в этот момент Нильтон Сантос бросает мяч Загало. Амарилдо режет угол, но рядом с ним двое чилийцев. Зачем Загало пасует туда? Дублеру Пеле трудно принять передачу и он, взмыв в воздух, исполняет ногами знаменитый «велосипед» и перекидывает белый мяч Гарринче.

- Люди добрые, - делился послематчевыми впечатлениями Мане, - я почувствовал в то мгновение, что нужно бить левой, и ударил, не дав мячу коснуться травы. Он влетел в незащищенный вратарем Эскутти правый угол ворот. Я тут же бросился благодарить Амарилдо за сообразительность и ювелирную передачу.

Но бразильцы не дали ему добежать до Амарилдо, устроив на поле кучу малу.

Бразилия повела 1:0. Чилийские болельщики на некоторое время пали духом, что позволило бразильцам успокоиться, приобрести уверенность. Такому голу нет цены! Гарринча это прекрасно понимал и снова запутывал опекунов, которых теперь, как ему показалось, стало двое.

Однако впереди была почти вся игра. На 32-й минуте снова на левом краю поля бразильцы начинают атаку. Гарринча пока в засаде. Вава перебрасывает мяч с ноги на ногу, усыпляя бдительность чилийских защитников, а сам исподволь следит за перемещениями товарищей. И как только Гарринча делает рывок, тут же посылает ему мяч через головы обороняющихся. Манозэл молнией выскакивает на передачу и головой забивает второй гол! Игра могла быть сделана еще в первом тайме, но Жильмар зевает дальний удар Торо. Со счетом 2:1 футболисты и судьи уходят на перерыв, оставляя надежду чилийской торсиде.

«Пауза, - размышлял про себя Гарринча, - в такой игре нужна только соперникам». Он не стал снимать влажную футболку, лишь потуже перешнуровал правую бутсу. На колене свежая ссадина. Но доктор занят Амарилдо. У парня вконец разболелась нога. Почему «японец» так медлит со свистком? Наконец все встают и не спеша выходят из раздевалки. Чилийская команда тоже медлит. А из люка, что ведет на поле, слышится нарастающий рокот многотысячной толпы: чилийцы все еще верят в успех.

Гарринча рад, что снова в игре. Теперь он на своем привычном месте, на правом краю. Получив мяч, сразу начинает дриблинг. А где же опекуны? Фигуры чилийских защитников мелькают как тени. Никто из них не успевает ему помешать. Кто там в центре из наших? Он замечает бегущего неподалеку игрока в желтой футболке и тут же адресует ему мяч на голову. «Это - Вава! Это означает гол!» - весело думает Гарринча и видит, как мяч вонзается под перекладину чилийских ворот. Вава незамедлительно пробил головой. 3:1!

Ямасаки наконец-то вынужден всерьез вмешаться в игру и, подтверждая свои симпатии к чилийской команде, назначает в ворота бразильцев пенальти... Ну что ж, пусть этот пенальти будет на его совести. 3:2. И еще полчаса до завершения матча.

Чилийские болельщики призывают свою команду идти вперед. Все - и на трибунах, и на поле - понимают, что судьба матча должна решиться в ближайшие минуты. Наступают тяжелые для бразильцев четверть часа, четверть часа отчаянного прессинга чилийской команды. Наконец, очередная контратака сборной Бразилии. Гарринча намеренно машет рукой, привлекая к себе внимание, просит мяч. На поле разыгрывается забавная сцена. Мане в окружении трех-четырех защитников. Все они готовы помешать ему принять любую подачу, а мяч летит прямо к нему. И в тот момент, когда он начинает снижаться, Гарринча пригибается к самой земле, позволяя мячу беспрепятственно лететь дальше. Вся группа остается не у дел, а Вава, спокойно завладев мячом, увеличивает счет - 4:2.

Теперь время работает на бразильцев. Перуанский судья нервно мечется по полю, беспрестанно свистит, назначая штрафные в сторону бразильских ворот. Он старается, похоже, больше самих чилийцев. И как последний шанс - удаляет с поля Гарринчу...

В течение всего матча Гарринча подвергался нападениям, даже когда не владел мячом. Особенно ему доставалось в первом тайме - тогда чилийцы еще рассчитывали на успешный исход матча. И всякий раз «японец» оставлял без внимания эти нарушения правил. Игра катилась к логичному завершению, побеждал сильнейший. После очередного наскока Гарринча еле уберег ноги, в который раз оказавшись на земле. И тогда он решил дать сдачи. Вместо того чтобы отлежаться секунду-другую на зеленом газоне, Манозл быстро поднялся и побежал за обидчиком Рохасом. Чилийский футболист испугался и бросился наутек. Гарринча настиг беглеца в несколько прыжков и в шутку, все это видели, легонько дал ему пинка под зад. Сценка, достойная шутника Карлитоса Рочи. Многие чилийцы засмеялись. Гарринча и Рохас остановились, готовые пожать друг другу руки. И в этот момент судья Ямасаки приказал бразильцу покинуть поле. Чтобы не разразился скандал, на поле выбежали тренеры, и Айморе Морейра, обняв Гарринчу, словно добрый папаша, удерживая провинившегося сына от новых шалостей, повел его к люку. И вдруг над ними просвистел увесистый камень, брошенный с трибуны злой рукой.

Удаление с поля не казалось Гарринче большим позором. С кем не бывает! Тем более что решение об удалении было принято необъективным судьей. Но камень?! Более горькой обиды Манозл не испытывал за всю свою футбольную жизнь. Неизвестный чилийский зритель, бросивший камень, глубоко оскорбил человека, который всегда играл на радость публике. Быть предметом охоты на поле - с такой участью Мане давно смирился. Но как можно было бросить в него камень, когда он всегда старался угодить зрителям, показать им виртуозную игру, этого Гарринча понять никак не мог и горько переживал случившееся. Он покидал поле впервые в жизни разочарованный и в футболе, и в зрителях.

На другой день провинившийся футболист предстал перед дисциплинарной комиссией ФИФА. Удаление с поля считалось чрезвычайным происшествием и требовало тщательного разбора. После обсуждения эпизода комиссия неожиданно пришла к единому мнению: считать удаление Гарринчи с поля грубой судейской ошибкой, разрешить футболисту выступать дальше в чемпионате мира. Впервые «мстителя» признали невиновным. Справедливое решение несколько успокоило Гарринчу. Но забыть злополучный «чилийский камень» он так никогда и не смог. Гарринча считался и в бразильском, и в мировом футболе подлинным рыцарем, одним из самых дисциплинированных игроков, среди таких спортсменов, как, скажем, англичанин Стенли

Мэтьюз, который, как известно, на закате своей футбольной карьеры удостоился высшей почести королевы - титула «сэр», заслужив его как своей игрой, так и корректным поведением на поле.

Решение дисциплинарной комиссии позволило Гарринче выступить в финальном матче против чехословацкой команды. Любопытно, что чилийские зрители встретили его появление на поле овацией. Они не хотели расставаться с Гарринчей - этой легкой, быстрокрылой футбольной птицей. Команда Гарринчи, победив сборную Чехословакии со счетом 3:1, стала во второй раз подряд чемпионом мира.

- Я понимал, - говорил позднее Гарринча, - что в финальной игре публика ждала красивого футбола, и я старался показать ей такой футбол. Во время финального матча не слышалось ни свиста, ни улюлюканья. Как в театре, раздавались только аплодисменты - то громче, то тише. Аплодисментами проводили и чехословацкую команду, завоевавшую серебряные медали.

Накануне чилийцы обыграли сборную Югославии, обеспечив себе третье место в мировом футболе.

Хозяин маленького ресторанчика в центре Сантьяго, куда нередко заходили бразильские и аргентинские журналисты, сеньор Виторио вечером 17 июня, после окончания финальной игры, повесил на дверях своего заведения небольшую табличку, которая гласила: «Бразильские посетители, друзья Гарринчи, сегодня получают чилийское вино бесплатно».

Каждому посетившему ресторанчик «другу Гарринчи» сеньор Виторио дарил маленький чилийский флажок. Эти флажки он заранее приготовил, очевидно, для другого финала... Впрочем, он говорил клиентам, что искренне переживал за Гарринчу, за бразильскую сборную.

Английская газета «Дейли миррор» опубликовала статью своего корреспондента из Сантьяго, в которой он, подводя итоги чемпионата, писал: «Главный игрок мира не Пеле, а Гарринча!» С таким мнением единодушно согласились и организаторы VII первенства, официально объявив Гарринчу лучшим футболистом планеты.

Побывав в Рио-де-Жанейро, не забудьте посетить такие достопримечательности города, как пик Корковадо, гора Пан-де-Асукар и крупнейший футбольный стадион мира - «Маракана». На его трибунах сердца двухсот тысяч болельщиков бьются в едином ритме...
(Из бразильского туристского справочника)

«МАРАКАНА»

Каждый футбольный стадион в день больших матчей приобретает праздничный вид. Возбужденное настроение болельщиков чувствуется еще на дальних подступах к трибунам - в переполненных вагонах метро, автобусах, в такси, где умещаются вместо четырех семь-восемь пассажиров, среди пешеходов. И пусть до начала матча еще полчаса, шаг зрителей к турникетам, пропускающим их на стадион, быстрый, пружинистый, размашисто-веселый. Ведь впереди ожидает захватывающее зрелище с совершенно непредсказуемым исходом. Конечно, в глубине души каждого болельщика теплится надежда на победный результат в предстоящем матче для его любимой команды. Ему грезится, что центрфорвард, который в прошлой игре забил удивительный гол, снова протаранит защиту и красиво пошлет мяч в верхний угол ворот. И скрытая радость от одного такого предположения заставляет убыстрить шаг. Болельщик хотел бы передать форварду свое возбуждение и хоть часть переполняющих его в этот момент могучих сил.

Гарринча любил играть на «Маракане». Он любил его зрителей, отзывчивых, доброжелательных и веселых. Любил грохот барабанов с «архибанкиды» * (Архибанкида - верхний, более дешевый ярус трибун на бразильских стадионах, с бетонными скамейками), оглушительную реакцию на гол. Он никогда не слышал на поле, что кричали ему товарищи после забитого мяча. Все слова заглушал мощный рев трибун. И это не мешало ему. «Маракана» всегда была для него родным домом, в котором он привык переживать и горечь поражений, и радость побед.

Однажды, возвращаясь из дальней поездки, двукратный чемпион мира Нильтон Сантос, взглянув из иллюминатора на проплывающую под крылом самолета огромную чашу «Мараканы», сказал сидевшему рядом Гарринче:

- Взгляни туда, Торто. Вот он, омут наших страстей.

Трудно придумать более удачное сравнение. Действительно, вот уже много лет - столько, сколько правит футбольным миром Его Величество стадион «Маракана», - на нем вечно бурлят самые разнообразные чувства игроков и болельщиков: радость, восторг, тоска, тревога, ужас и разочарование. «Маракана» до сих пор держит рекорд посещаемости одного матча. Стадион - мировой рекордсмен по проведению международных турниров за последние тридцать пять лет. Наконец, «Маракана» владеет печальным рекордом смертей от инфаркта среди посетителей.

Стадион Марио Фильо - свидетель жестоких поражений и фантастических побед. Бразильцы хорошо помнят горький урок, преподанный уругвайцами в финале розыгрыша Кубка мира 1950 года, когда многие заранее праздновали победу Бразилии. В тот грустный июльский вечер люди, переполнявшие архибанкиду, покрытую черным траурным пеплом от сожженных газет, плакали. До сих пор еще жив в памяти многих тот несчастный гол уругвайца Хигиа, перечеркнувший надежды бразильских болельщиков, собравшихся на стадионе, а может быть, и всей Бразилии. Так печально в тот роковой пятидесятый год футбол «отметил» рождение самого гигантского стадиона в мире, построенного «на радость народа».

Бразильцы считали, что в поражении виноват префект Рио-де-Жанейро Мендес де Мораис, который произнес на официальной церемонии открытия «Мараканы» излишне хвастливую речь и якобы сглазил игру. Ночью после поражения от сборной Уругвая бюст префекта, установленный у главного входа на стадион, разгневанные болельщики разбили на куски.

Впрочем, уместно вспомнить и другие, приятные эпизоды славной истории «Мараканы», и в самом деле построенной на радость народа.

Свой лучший «сухой лист» маэстро Диди, к великому удовольствию публики, исполнил именно на «Маракане», став первым, кто забил гол на знаменитом стадионе. Произошло это тоже в 1950 году.

В славное лето 1962 года Гарринча, вернувшись в Бразилию второй раз с Кубком Жюля Риме, вывел в чемпионы родной клуб «Ботафого», разгромивший в финале чемпионата «Кариока» могучую в тот год, непобедимую команду «Фламенго» со счетом 3:0. Никогда еще Мане не показывал на стадионах Бразилии столь мощной и яркой игры. Финал был проигран «Фламенго» уже в середине матча. Тогда «Маракана», восхищенная игрой замечательного футболиста, скандировала: «Гарринча, ра-ра-ра! Гарринча, ура-ура!»

15 ноября 1969 года публика плакала от счастья вместе с Пеле, забившим свой тысячный гол. Случилось это на «Маракане»! За всю историю футбола ни один нападающий не добивался

столь высокого результата. За пять последующих после памятного события лет, выступая на стадионах Бразилии и других стран. Пеле сумел забить еще 282 мяча, доведя свой суперрекорд до 1282 голов! «Маракана» - свидетельница многих из них.

Весной 1974 года впервые на Маракане появился 20-летний нападающий «Фламенго» Зико. Тонкий дриблер, скорый на ногу форвард. Его молниеносные решения на передней линии атаки, хладнокровие и смелость сразу завоевали симпатии зрителей. Зико прочили большое футбольное будущее и не ошиблись. Рожденный на «Маракане», он уверенно принял эстафету славных бразильских футболистов прежних поколений и достойно пронес ее по стадионам мира.

В периоды, когда сборная Бразилии играла без привычного блеска, но все же сохраняла свои позиции на вершине футбольного Олимпа, бывали моменты, очень радовавшие болельщиков. В 1972 году во время розыгрыша Кубка независимости в финальном матче, проходившем на стадионе «Маракана», внезапно из толпы защитников португальской сборной вынырнул Жаирзиньо и, опередив на мгновение всех, забил головой победный гол, еще раз подтвердив славу бразильского футбола.

Чемпионат мира по футболу 1974 года не принес ожидаемого триумфа сборной Бразилии. Четвертое место, завоеванное экс-чемпионами мира в ФРГ, специалисты и любители футбола оценили как весьма скромное достижение. Чем же объяснить, что одна из сильнейших футбольных команд мира, хранительница золотой богини Nike, признанная законодательница мод выступила столь невыразительно на западногерманских полях?

При внимательном изучении списка футболистов сборной Бразилии, с учетом ее выступлений в серии контрольных матчей в канун чемпионата и семи официальных встречах первенства мира, приходишь к выводу, что экс-чемпионы Мира не располагали на этот раз привычным созвездием футбольных талантов. Дома остались такие знаменитости, как Тостао, Карлос Алберто, Герсон, Брито, получивший травму в самый канун чемпионата Клодоальдо. Наотрез отказался вернуться в сборную Пеле. Замены этим высококлассным мастерам тренеру сборной Марио Загало найти не удалось. К тому же бледнее, чем четыре года назад, выступали Жаирзиньо и Пиатца. Впервые за последние двенадцать лет лучшая команда мира утратила авторитет сильнейшей. В окончательном составе, предложенном технической комиссией на утверждение Бразильской конфедерации спорта для участия в первенстве мира было только четыре игрока экстра-класса (Ривелино, Л. Перейра, Жаирзиньо и Ф. Мариньо). Раньше таких игроков в составе сборной было неизмеримо больше. Напомню их имена:

1958 год. Вава, Диди, Гарринча, Нильтон и Джалма Сантосы, Загало, Беллини, юный Пеле.

1962 год. Те же Вава, Диди, Гарринча, Загало, Пеле, Жильмар, Амарилдо...

1970 год. Пеле, Жаирзиньо, Тостао, Герсон, Карлос Алберто, Клодоальдо, Ривелино...

Накануне чемпионата мира 1974 года уверенным и спокойным выглядел только Марио Загало, старший тренер сборной, от рассуждений которого о силе бразильской команды скорее веяло фатализмом, чем оптимизмом. Он упрямо отказывался омолодить команду и включил в нее утративших былой блеск ветеранов и бесперспективных новичков, которым симпатизировал сам.

Помнится, накануне отъезда сборной в Европу после матча с парагвайцами Загало отказался объяснить корреспондентам, почему он предпочитает молодому Энеасу весьма заурядного Пауло Цезаря-2-го (из «Палмейраса»), а опытному и стойкому полузащитнику Адемиру да Гийа юного Дирсеу из «Ботафого».

- Они мне нравятся больше, - упрямо твердил он.

Обсуждая состав команды, специалисты хватались за голову, журналисты разводили руками. Но Загало оставался непреклонен. Он единственный, кто не просил Конфедерацию спорта включить в сборную Пеле, хотя «король футбола», как прежде, удивлял и радовал любителей футбола неувядаемым мастерством.

Сборную 1974 года отпускали на чемпионат без пламенных напутствий. Холодно, без особых эмоций встретили ее дома и по завершении чемпионата. Закончив выступления в ФРГ двумя поражениями, команда Загало бесславно возвратилась на родину, растеряв даже ту небольшую долю доверия, какую имела в сердцах болельщиков до поездки в Западную Германию. Игра экс-чемпионов, в которой делалась ставка на прочную оборону, затяжной розыгрыш мяча и неожиданную контратаку, оказалась бесперспективной и разочаровала любителей футбола. Бразильскую сборную сравнивали со старым дилижансом.

И вот минул год. Еще в апреле в Бразилии снова заговорили о сборной. И начал этот разговор молчаливый, внешне степенный и замкнутый новый тренер национальной команды Освальдо Брандао. Он заявил, что в подготовительный период двери в сборную открыты для всех. Брандао официально расширил число кандидатов до 45 человек, создав две сборные: «Паулистас» - из игроков футбольных клубов города Сан-Паулу и «Кариокас» - из футболистов Рио-де-Жанейро. За последних стал выступать Ривелино, проданный в начале сезона в команду «Флуминенсе» - в один из самых богатых футбольных клубов страны.

Вспоминается беседа с одним из редакторов бразильского спортивного журнала «Плакар» Аристелио Андраде о кандидатах в сборную образца 1974 года. Обсуждая дружину Загало, он говорил, что на места, которые занимают три четверти команды, могут с успехом претендовать еще несколько сот футболистов...

И вот теперь, приглашая в сборную, Освальдо Брандао не скрывал, что сейчас главная задача тренеров - поиск молодых талантов, которыми всегда был славен бразильский футбол.

- Без звезд первой величины, - заявил он в одном из интервью, - сборная Бразилии не сможет выйти из кризиса.

Судя по всему, новый тренер начинал с попытки вернуть утраченное доверие.

- Для меня сейчас не существует ни основных, ни резервных игроков, - говорил он. - Это главная позиция. Она и станет основой, на которой мы намерены формировать новую команду. Каждый кандидат должен сначала своей игрой завоевать признание публики, заслужить доверие тренеров, а уж потом считать себя игроком сборной.

В своем первом интервью Брандао обратился к журналистам с вопросом:

- Кого бы вы хотели увидеть в рядах сборной? - И сам дал ответ: - Уверен, что сейчас никто не решится назвать стопроцентный состав.

Журналисты пытались сначала откликнуться на заявление старшего тренера дискуссией, но волна споров, не успев подняться, затихла, не получив поддержки у тренеров, бывших игроков сборной и других специалистов.

Но вернемся к клубам, где тренерскому совету предстояло искать скрытые резервы сборной. Несомненно, в последние годы сильнейшей клубной командой Бразилии стала «Палмейрас» из Сан-Паулу, чемпион 1975 года. Из личной «вотчины» тренера О. Брандао за национальную сборную играют Леан, Л. Перейра, Адемир да Гийа, Лейвинья и другие футболисты. «Палмейрас» владеет тремя титулами чемпиона страны из пяти, имеет длинную скамейку хороших футболистов. В 1974 году, оказавшись без «сборников», он на равных боролся за призы чемпионата и лишь во второй части турнира пропустил вперед главных конкурентов.

Болельщики Рио-де-Жанейро, традиционно разделенные на два основных клана - «Фла» и «Флу» - сторонников «Фламенго» и «Флуминенсе», когда в 1974 году чемпионами Бразилии неожиданно стали футболисты «Васко да Гама», забыли о клубных распрях и все вместе праздновали победу земляков. Их особенно радовало, что впервые за небольшую историю национальных чемпионатов одна из команд Рио сумела успешно противостоять натиску «паулистов» и ведущим клубам из других футбольных городов страны. У «Васко» отлично сыграли Андраде - в воротах, Мойзес - в защите, Заната - в полузащите, Роберто и Жоржи Карвоэйро - в нападении. В игре последнего иногда просматривались игровые идеи и манера Гарринчи: оригинальный финт, постоянная нацеленность на ворота, неожиданный пас партнерам. К тому же Жоржи прекрасно бегают, обладает огромной работоспособностью. Чем не кандидат в сборную? Однако в команде Загало ему места не нашлось.

Долгое время в самой футбольной державе мира не разыгрывались чемпионаты страны. Лучшие бразильские футболисты оспаривали только Кубок Бразилии. Осенью 1971 года на «Маракане» состоялся финал первого национального чемпионата.

Мы, несколько советских журналистов, направлялись в тот день на стадион, ожидая увидеть нескончаемые толпы людей, возбужденных предстоящей игрой. Ведь впервые в истории Бразилии разыгрывалось звание чемпиона страны. Я к тому же испытывал понятное любопытство: в тот теплый осенний вечер мне впервые предстояло побывать на «Маракане». По пути на стадион мы с удивлением заметили, что оба туннеля, виадук и скоростные магистрали, по которым наша машина мчалась на матч, оказались свободными, и мы доехали намного раньше, чем предполагали. Жидкий ручеек зрителей тянулся к кассам. Свободно взяв билеты, мы поднялись на полупустую трибуну. Интересы к этому матчу бразильская торсида почему-то не проявляла.

- Еще не привыкли, - коротко сказал нам сидевший неподалеку бразильский журналист. - Главным турниром в Рио-де-Жанейро по-прежнему остается чемпионат штата, в котором состязаются такие команды, как «Фламенго», «Ботафого», «Флуминенсе», «Васко да Гама» - гранды бразильского футбола. А что интересного можно увидеть в игре, даже финальной, нового турнира таких команд, как «Гойас» или «Атлетико минейро», в которых нет звезд первой величины?

Случилось так, что в финале чемпионата страны вообще оказалась лишь одна представительница Рио - «Ботафого». Это, несомненно, снизило интерес к решающему матчу, который действительно не оставил яркого впечатления. Футболисты «Ботафого» и «Атлетико минейро», оспаривающие звание чемпиона, играли бесстрастно, что нивелировало разницу в классе двух команд. Победили гости, представители третьего по величине и экономическому значению города страны - Белу-Оризонти, футболисты «Атлетико минейро» (1:0). «Маракана» не знала, в актив или пассив заносить этот невыразительный, однако престижный для футбольной истории матч. Мы тоже уходили неудовлетворенные игрой, хотя уносили с собой впечатление, что побывали на значительном сооружении. Уже тогда посещение «Мараканы» включалось в программы туристских экскурсий наравне с восхождением на пик Корковадо или гору Пан-де-Асукар - главными достопримечательностями города.

Как-то на зеленом газоне «Мараканы» проходил даже знаменитый бразильский карнавал. Но это случилось лишь однажды. Все остальные события, состоявшиеся на стадионе, связаны неизменно с футболом.

Вокруг поля «Мараканы» нет беговых дорожек, и представители других видов спорта не могут там соревноваться. Но у огромного стадиона есть младший брат - спортивный зал «Мараканазиньо», что в переводе означает «Мараканчик», вмещающий 19 тысяч зрителей. В нем регулярно проводятся соревнования баскетболистов, волейболистов, гимнастов, что отнюдь не уменьшает спортивного значения «Мараканы».

Популярность знаменитого бразильского стадиона настолько велика, что, когда в Югославии в 1973 году построили новую футбольную арену, ей присвоили имя «Маракана».

Журналисты, интересно пишущие или рассказывающие по радио и телевидению о бразильском футболе, не менее популярны в стране, чем звезды футбола.

Если вы придете на стадион «Маракана» без портативного радиоприемника, вы потеряете как минимум 50 процентов удовольствия от матча. Футбольный репортаж - это та ароматная и острая приправа к главному блюду - футбольной игре, без которой ее вкус теряет свою прелесть. Пулеметная дробь комментатора, ведущего репортаж, время от времени прерывается десятисекундными размеренными комментариями, которые мастерски выдает Жоан Салданья, подключениями прямо от кромки поля интервью репортеров рангом ниже, взятыми у игроков, что выходят на замену или покидают поле. Слушатель, он же и зритель, наблюдая с трибуны изменения в команде, тут же узнает по радио о причине замены, тактической новинке тренера, самочувствии игрока. Иногда болельщик может услышать вот такое.

- В чем причина замены? - вопрос репортера запыхавшемуся футболисту.

- Каприз тренера! - звучит в эфире рассерженный ответ.

Или:

- В прошлый раз тебя заменили и команда проиграла. Вдруг проиграют и сегодня? - спрашивает репортер.

- Стану незаменимым, - шутит находчивый футболист.

Ну а если в ворота влетает мяч и стадион взрывается от восторженного рева, в эфире раздается пронзительный голос Марио Вианы:

- Гол зако-о-нный!!!

Впрочем, этот резонер не упустит случая покритиковать судью или его помощника, высмеять незадачливого футболиста. И тогда в эфире звучат его гневные: «Ба-а-анщик!», «Ли-и-ипа!» или «Обма-а-н!».

...Финальный матч чемпионата Бразилии 1974 года. На стадионе «Маракана» «Васко да Гама» и «Крузейро» в присутствии ста пятнадцати тысяч зрителей должны были решить в своем поединке его судьбу. Минут за пятнадцать до объявленного в газетах начала матча сотни репортеров и корреспондентов с микрофонами, фотоаппаратами, кинокамерами и миниатюрными передатчиками появились на зеленом газоне стадиона. Это обычный ритуал. Затем выходят судьи, и минут через десять-пятнадцать основные виновники торжества - футболисты. В небе рвутся

ракеты, сыплется дождь конфетти, на трибунах полощутся флаги команд. И в этом треске и шуме репортёры начинают свою работу. Вопросы, ответы, прогнозы, пожелания. Чего только не услышишь в эти предматчевые минуты по радио!

Но на этот раз главный арбитр матча, известный Армандо Маркес, и два его ассистента не спешили. Судьи появились на поле только тогда, когда в одном люке, откуда выходят футболисты, показались черные футболки с белой косой полосой - форма игроков «Васко да Гама», а в другом - все в белом футболисты «Крузейро». Почему же опоздали судьи? Почти все радиокomentаторы передавали в эфир рассуждения на эту тему. Мнение большинства таково: чтобы проучить, точнее, приучить футболистов не задерживаться в раздевалках и начинать матч вовремя.

Итак, белые и черные, почти как в шахматах... Это сравнение родилось не случайно, ибо игра вначале велась не спеша, как в шахматном матче. Футболисты подолгу раздумывали над каждым ходом, поочередно отвечая на выпады друг друга. Затем постепенно начало вырисовываться преимущество «Крузейро». Мятежный Дирсеу Лопес, которого Загало так и не взял в сборную, в паре с Палиньей прокладывают широкие коридоры в рядах защитников «Васко». Однако прицельно пробить по воротам им не удастся. Алфинете, Мойзес и Мигел ложатся под удар, преграждая путь мячу. Игроки «Васко» отвечают долгими тягучими атаками, демонстрируя бразильский футбол вчерашнего дня. И вдруг, словно кто-то перевел рычаг скорости! Футболисты в черном задвигались быстрее, мяч перелетает с фланга на фланг, устремляется в свободные от игроков участки поля, а за ним на всех парах мчатся футболисты. Следуют дальние навесы, прострелы, удары с ходу, в падении, без подготовки. «Маракана» ревет! На лицах зрителей восторженные улыбки. Мой сосед вскакивает с места, кричит, размахивает руками, а усевшись, поворачивается то ко мне, то к соседям сзади, восклицая: «Вот это футбол!» Футбол и в самом деле хорош! Вперед идут защитники. 14-я минута. Фиделис с угла штрафной площадки передает мяч Жоржиньо, тот обыгрывает Вандерлея и низом, чуть назад сильно пасует в ноги Адемиру. Неожиданный удар последнего точен - 1:0!

- Го-ол зако-о-онный! - констатирует Марио Виана таким тоном, словно он сам, а не игрок «Васко» забил его в ворота.

Второй тайм начинается в том же темпе, словно перерыва не было. Ни секунды раскочки. Те же молниеносные атаки, длинный неожиданный пас, стремительные проходы игроков по краям поля. В такой манере теперь действуют и игроки «Крузейро». Оба вратаря все время в игре. От нервного напряжения у Андраде, голкипера «Васко», сводит ноги. Он плюхается на траву и зовет на помощь судью. Армандо Маркес жёсткими жестами приказывает ему встать и продолжать игру. Прихрамывая, Андраде возвращается в ворота. В этот момент «Крузейро» сравнивает счет. Правый защитник, «сборник» Нелиньо, пушечным ударом издали вбивает мяч в сетку. Отчаянный прыжок Андраде не спасает положения. 1:1. Теперь ликуют болельщики «Крузейро». Они занимают целый сектор северной трибуны. Несколько тысяч человек специально приехали на матч из Белу-Оризонти, привезя с собой флаги, транспаранты, оркестр и, конечно, ракетницы. Сектор болельщиков «Крузейро» шумит, трещит, ухает. Победно трепещут бело-голубые стяги.

Андраде все же добился, чтобы ему оказали помощь. Матч прерывается. Футболисты переводят дух.

Давно замечено, что настырным, настойчивым футболистам в игре везет. Правый фланговый «Васко» Жоржи Карвоэйро (Жоржиньо) борется за все, даже, казалось бы, безнадежные для него мячи. И не унывает. Порой удивляешься, зачем он мчится к лицевой, когда мяч ее уже почти коснулся? У него восхитительный финт. Вступая в единоборство с защитником, он левой ногой отталкивает мяч на два-три метра в сторону и тут же, отпрыгнув, оказывается рядом с мячом, оставляя в одиночестве растерявшегося защитника.

Разряжая обстановку, кто-то из игроков «Васко» бьет высоко и далеко вперед «кому-нибудь» на выход. Кому же, как не Жоржи! Он тут же бросается вдогонку за мячом, хотя с трибун видно: вратарь «Крузейро» к мячу намного ближе. И действительно, за границей штрафной площади Витор первым настигает мяч. Решение логичное: выбить мяч ногой подальше в поле. Но Жоржи тут как тут, и мяч, попав ему в плечо, свечой взмывает в воздух. Оба по инерции еще проскакивают несколько метров в разные стороны, Жоржиньо тормозит первым, подбирает мяч и без помехи направляет его в пустые ворота. Победный гол «Васко»!

Марио Виана громогласно объявляет миру, что гол забит совершенно правильно.

- Ошибка вратаря, - бесстрастно комментирует Жоан Салданья и вдруг весело добавляет:
- Но и Жоржиньо молодец! Выиграть такой мяч!

Молодец не только Жоржиньо. Вратарь Андраде дважды спасает ворота «Васко». Но мяч не задерживается у него в руках. «Все вперед!» - машет он своим игрокам. Мигел, Алфинете, Фиделис понимают: остановиться, уйти в защиту сейчас нельзя и продолжают поддерживать атаки своих нападающих. И снова Жоржи Карвозейро борется за безнадежные мячи...

Финальный свисток судьи возвещает, что «Васко да Гама» становится чемпионом.

В эфире опять звучит уверенный баритон Салданьи:

- Это первая команда Рио-де-Жанейро, выигравшая Национальный кубок - главный трофей чемпионата, - констатирует он. - Выигрыш трудный, но почетный.

Ночной Рио бушует. Сигналят клаксоны автомашин, звенят тамбурины, громяют барабаны. Болельщик «Васко» танцует самбу, празднуя победу. Из радиоприемников несутся знакомые трели футбольного репортажа. Это повторяются записанные на пленку самые драматические эпизоды матча, возвращая нас на зеленый газон выдавшего сотни захватывающих поединков стадиона «Маракана». Слышится голос Салданьи: «Заметили вы ростки нового, темпового, атакующего футбола? Разумеется. От этого победа «Васко» радостнее вдвойне».

Весной 1984 года мне снова довелось побывать на «Маракане». Наша съемочная группа телевизионного фильма об очередном бразильском карнавале прибыла в Рио-де-Жанейро перед самым его началом. И поэтому хлопоты, связанные с аккредитацией, получением разрешения на съемку, пропусков с магической надписью «Проход всюду» заняли все оставшееся до карнавала время. И все же, когда соседи по отелю на Леблоне, где мы остановились, собрались в один из вечеров съездить на футбол, мы охотно присоединились к их компании.

«Маракана» в те дни переживала большие трудности. Тридцать пять лет простоял стадион практически без ремонта, выдерживая нашествия многотысячных полчищ возбужденных людей. Мы увидели, что трибуны покрылись угрожающей коричневой ржавчиной, которая проникла сквозь толщу бетона. Кое-где отвалилась штукатурка, обнажив проржавевшие опоры.

Матч не был интересным, хотя проводился в рамках очередного тура чемпионата страны, и зрителей оказалось мало. «Фламенго», не так давно утратившая лидера атаки Зико, проданного за четыре миллиона долларов итальянскому клубу «Удинесе», не обладала особой силой, хотя и лидировала в подгруппе «Б» на предварительной стадии чемпионата. На стадионе в тот вечер собралось всего 10662 «публико пагантес» - так в Бразилии называют зрителей, купивших билеты. Об этом, как всегда в начале второго тайма, объявил диктор стадиона. Но сравнительно небольшая группа поклонников «Фламенго» твердо верила в успех своей команды, встречавшейся с лучшим представителем в высшей лиге от штата Гойяс - командой, носившей имя родного штата. Игра показала, насколько богат талантами бразильский футбол. Конечно, в короткий срок «Фламенго» не могла найти достойной замены Зико и еще двум-трем ветеранам, недавно покинувшим команду. И, тем не менее, в заметных игроков уже успели превратиться атакующий полузащитник Мозер, защитник Жуниор, нападающий Жоан Пауло. «Маракана» по-прежнему дышала страстью, настойчиво требовала от футболистов хорошей игры.

Однако в тот вечер «Фламенго» вопреки обыкновению долго оставалась глухой к призывам торсиды. Только пропустив два гола, один в первом тайме, другой - во втором, футболисты в красно-черных полосатых футболках наконец-то оживились и начали быстрые организованные атаки на ворота гостей. Вчерашний юниор Жоан Пауло, приземистый шустрый крепыш, во втором тайме, ловко обыграв почти всю защиту «Гойяса», забил красивый гол, чему радовался пару минут, забавно кувыркаясь на поле и увертываясь от объятий товарищей. Не остановившись на достигнутом, он продолжал рваться по левому краю, подбрасывая, словно поленья в огонь, хорошие передачи в центр атакующих рядов «Фламенго». Одну из его передач хорошо использовал Андраде. Счет стал 2:2. Теперь на поле кувыркались уже двое, к великой радости десяти тысяч зрителей. Столь буйное выражение восторга после забитых голов, очевидно, отняло немало сил у форвардов. И матч так и закончился вничью, обеспечив «Фламенго» лидерство в подгруппе и позицию «инвикто» - непобедимой в сезоне команды.

Я и мои друзья долго ждали своего автобуса у ворот стадиона, обсуждая ход матча. С нами были и бразильские туристы, приехавшие на карнавал из других городов страны. Все они оказались поклонниками «Фламенго» - команды, имеющей огромную популярность в Бразилии и целую армию болельщиков, что приблизительно приравняет клуб к московскому «Спартаку».

Бразильские туристы говорили о том, что «Фламенго» показала в целом хороший футбол, а отдельные игроки команды заслужили право быть включенными в национальную сборную. Бразилия готовилась к серии отборочных матчей предстоящего мексиканского чемпионата мира, и вопрос о кандидатах в главную команду страны волновал всю торсиду. Назывались имена Жуниора, Мозера, Жоана Пауло. «Маракана», как всегда, выдвигала и благословляла футбольные таланты. (В дальнейшем молодые игроки «Фламенго» состава 1983 - 1984 годов заняли достойное место в сборной Бразилии и помогли ей выйти в финал XIII первенства мира.)

И все же мы уезжали со стадиона с грустью. Пустые, запущенные трибуны говорили о потере бразильцами прежнего интереса к футболу. Кризисная экономическая ситуация в стране, задолжавшей иностранным банкам к тому времени почти сто миллиардов долларов, отражалась и на профессиональном футболе. Денег на ремонт стадиона не было.

«Маракана» терпеливо и тихо ждала лучших времен...

И вдруг мне вспомнился тот удивительный футбольный праздник, проводившийся на гигантском стадионе 18 декабря 1973 года в честь проводов Гарринчи...

Время давно перевалило за полночь, и усталые мальчишки, стайками сидевшие на каменном бордюре тротуара, по-куриному поджав босые ноги, клевали носами. Что они ждали в столь поздний час? Давно погасли башенные прожекторы. Постепенно редел людской поток, растекавшийся со стадиона.

Под трибуной стоял огромный, сверкающий, с ярко освещенными окнами новенький автобус «Лейланд». Из него лилась музыка. Сверкая белозубой улыбкой, у дверей суетился Пеле. Кого-то подзывал, с кем-то громко переговаривался. Приглашал в автобус. Его дорогая, из тончайшего шелка рубашка переливалась золотом. Такие рубашки в Рио-де-Жанейро покупают только богачи. Продаются они в дорогах «ботиках» по цене, превышающей стоимость шерстяного или тергалового костюма.

К Пеле подходили помолодевшие после игры ветераны, садились в автобус. По-кошачьи, в два прыжка, впрыгнул в открытую дверь Жаирзиньо. За ним гордо и степенно, чувствуя, что на них устремлены взгляды восхищенных болельщиков, поднялись легендарные «сборники». Пеле по-отечески похлопывал товарищей по плечу. Вот вошел в автобус Марио Загало. Улыбнулся шоферу, сел на свое привычное место в первом ряду. Беллини через окно раздавал автографы.

Среди футболистов не было только Гарринчи. Возможно, он давно уже там, в автобусе, слушает льющуюся из репродуктора мелодию? Нет, сквозь прозрачные стекла не видно его смуглого лица.

Мне, как «старожилу» Рио-де-Жанейро, необходимо было в тот час помочь советским тренерам собрать наших футболистов. В полутемных ночных коридорах «Мараканы», как две капли воды похожих друг на друга, порталах, ведущих к выходу, новички, да еще без знания языка, могут легко заблудиться. Я вылавливал в толпе советских футболистов и направлял их к нашему автобусу. Ну а когда все оказались в сборе, как это часто бывает после многолюдных зрелищ, обо мне забыли. Автобус, взревев мотором, быстро «отчалил» от «Мараканы». Ехать мне было не на чем: свой редакционный «фордик» я оставил в центре города у отеля, где жили советские футболисты, так как на стадион приехал вместе с командой.

Городские автобусы, обвешанные пассажирами, привыкшими уезжать после больших матчей именно таким способом, один за другим уплывали в город.

Нет худа без добра: тут я увидел Гарринчу. Знакомые бермуды* (Бермуды - короткие брюки), резиновые шлепанцы на босу ногу, темная майка. Кончиками пальцев он придерживал пластиковую сумку (такие в гастрономах дают для покупок), очевидно, с принадлежностями для душа. Но меня поразило не его внешний вид, а его одиночество. Почему Гарринчу не пригласили в тот роскошный автобус, увозивший Пеле и других знаменитостей на званый ужин?

Гарринча остановился, взял протянутый заспанным негритенком блокнот. Оставил в нем свою подпись, затем подписал другой листок бумаги. Больше охотников за его автографами в ту ночь не нашлось. Из темноты подкатил старенький, выдавший виды «фольксваген». Открылась дверца, и Гарринча, нагнув голову, сел в машину. «Фольксваген» тут же отъехал, оставив дымный след из выхлопной трубы. Он увозил в ночь героя «Мараканы», лучшего футболиста планеты, увозил словно в небытие, подальше от толпы, которая два часа назад устроила ему оглушительную овацию. Все это произошло так буднично и быстро, что я даже опешил. Несколько секунд над местом, где только что стоял «фольксваген», еще витал мистический дымок. «Не почудилось ли?» - промелькнула мысль. Так уходит со стадиона в день своего

торжественного бенефиса мог только Гарринча - скромный, простой, немного чудаковатый Мане, совершенно не тщеславный человек, гений футбола.

Возможно, он не хотел быть среди старых товарищей на собственных «поминках» и предпочел затеряться в толпе. Зачем ему этот званый ужин, если он уже успел потерять самое главное в своей жизни - футбол?

В 1975 году закончилась моя бразильская командировка, и я потерял связь с Гарринчей, Элзой Суарес. Спортивная зарубежная печать рассказывала о Пеле, который продолжал выступать за американский «Космос», заниматься бизнесом, сниматься в кино, затеял бракоразводный процесс. О Гарринче нигде не говорилось ни слова. Теперь мы знаем: те годы были самыми мрачными и печальными в его жизни.

1964 год. Гарринча лишь статист команды «Ботафого». Постоянная боль в колене заставляет его отказаться от игр в чемпионате Рио-де-Жанейро. Руководство клуба незамедлительно штрафует его на половину зарплаты. Сделать операцию колена не разрешают. Лишь в октябре, несмотря на мнение руководителей и медицинского персонала «Ботафого», ему удастся сделать операцию больного колена.

1966 год. Гарринча продан «Коринтиансу» за 220 миллионов крузейро. Он вышел играть за команду 2 марта в розыгрыше Кубка страны. «Коринтианс» проиграл этот матч «Васко да Гама» со счетом 0:3. Второй столь печальный результат в жизни Гарринчи.

Игра Мане разочаровала публику.

(Из архива Бразильской конфедерации спорта)

ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Операция колена самого знаменитого в мире, сделанная бесплатно спортивным хирургом Марио Тоуриньо из футбольного клуба «Америка», прошла успешно.

Через неделю Гарринча начал ходить, а через месяц приступил к тренировкам. Наконец, спустя еще несколько дней он вышел на поле в черно-белой полосатой футболке «Ботафого», как всегда, под седьмым номером, явно соскучившийся по футболу. Несмотря на лишний вес, он уверенно отыграл первый тайм и вместе со всеми спустился на перерыв в раздевалку. Присев на скамейку, привычно снял мокрую от пота футболку, расшнуровал бутсы. Но, нагнувшись, вдруг почувствовал знакомую боль в колене. Поднялся, босиком прошелся по холодному кафельному полу, пытаясь расслабить ноги. Боль не проходила. Тренер заметил его маневры. Пришлось признаться, что снова разболелось колено. Шеф, озабоченный нулевым счетом, заменил Гарринчу молодым футболистом и повел команду наверх, продолжать игру.

Раздевалка опустела. Гарринча заглянул в кабинет массажиста, приоткрыл дверь в коридор. Вокруг ни души. Впервые он почувствовал страх. Вспомнились самые тяжелые матчи, когда он держался только на уколах. Тогда, чтобы не кричать от боли, он брал в рот полотенце. Прихрамывая - нога продолжала ныть, - направился в душ. Долго стоял под струями прохладной воды. На поле к игрокам запаса, сидевшим под прозрачным навесом, он вышел уже в самом конце игры. И даже не глянув на табло, сразу понял по тому, как притих стадион, что у «Ботафого» игра не клеилась. Сумрачные лица товарищей, потухшие глаза, устремленные на поле. Требуемой турнирной ситуацией победы не получалось. Запасные игроки потеснились, освобождая ему место. Молча присел на край скамейки, и в это мгновение по стадиону прокатился оглушительный тяжелый стон. В ворота «Ботафого» влетел мяч. Сидевшие рядом молодые игроки, закрыв в отчаянии глаза, все, как один, схватились за голову. Чемпионат был проигран.

Гарринча не вернулся в раздевалку, сразу уехал со стадиона. Вечером позвонил массажисту, попросил приехать. Но тот обещал встретиться с ним лишь завтра. Нога болела всю ночь, не давала спать. Наутро он сам поехал в госпиталь.

Приговор врача суров и однозначен. Прекратить игры, на неделю в постель. Затем еще пару недель продолжать лечение в госпитале. Рушились все планы, под сомнением оказывался новый контракт с клубом.

Руководители команды с заметным неудовольствием предоставили ему еще один отпуск, разумеется, без выплаты процентов от матчей.

Инъекции, пункции, ледяные компрессы, которые делались ежедневно почти в течение целого года, лишили колено привычной гибкости. Гарринча плохо чувствовал мяч, не мог вести его по полю так стремительно, как прежде. На опасном тридцатилетнем рубеже, критическом для каждого мастера, Гарринча утратил способность «взрываться» для молниеносного рывка. Все это он понял, выйдя из госпиталя. В отношениях с руководством команды возник холодок. На него стали смотреть невидящими глазами. Он стыдился появляться в команде.

Предстояла поездка в Италию. Ему обещали по десять тысяч крузейро за игру, но лишь в том случае, если Гарринча будет продолжать делать уколы. Руководство клуба наивно полагало, что Манозл утратил скорость, стремясь поберечь от боли прооперированную ногу. Он один знал, что это не так. Просто колено стало совсем чужим. И все же он поехал. Играл и удивлялся сам себе. Итальянская публика освистывала каждый его промах, полагая, что спад в игре заморской знаменитости объясняется зазнайством. Гарринча переставал быть самим собой.

Возможно, нужно было отказаться от этой поездки, продолжить лечение, воспользовавшись паузой в национальном чемпионате. Но ему предложили, и он, благодарный за доверие, поехал. Он еще не понимал, что руководство «Ботафого» пригласило его в Италию, не столько из доверия, а главным образом ради рекламы. На матчи бразильской команды с легендарным Гарринчей приходило больше зрителей, что увеличивало сборы, которые и были основной целью зарубежного турне. О спортивной стороне таких матчей мало кто задумывался в «Ботафого».

- Когда мы вернулись в Бразилию, мне заплатили гроши, чуть больше стоимости банана, - жаловался Манозл товарищам. - Говорили, что сыграл слабо.

Он серьезно стал подумывать об уходе из команды.

Неудачи на поле подействовали на него угнетающе. Он впал в отчаяние. Друзья советовали сменить обстановку. Вместе с Элзой Гарринча уехал на остров Гобернадор. Но там, в

тиши безлюдных морских пляжей и скал, ощущал себя очень одиноким, и это вскоре стало невыносимым. Никто из знакомых на острове не появлялся. Он пристрастился к кашасе, прикладываясь к бутылке по нескольку раз в день в надежде забыть свои горести, отвлечься от тяжелых проблем. Для выплаты алиментов Наир пришлось заложить дом на острове.

Газеты писали, что Гарринча, сделав без разрешения руководства клуба, с которым имел контракт, операцию колена, тем самым осложнил турнирное положение «Ботафого», которое оставалось шатким. Всю вину за неудачи клуба взвалили на Гарринчу. О возобновлении контракта не могло быть и речи. Вынужденное расставание с «Ботафого», с которым он был связан двенадцать счастливых лет, совсем выбило его из колеи. Гарринча не находил себе места, думая, что с уходом из «Ботафого» он навсегда расстанется с футболом, которому отдал не только многие годы жизни, но и свою душу. Целый год ушел на тяжелые переживания, надежды и разочарования. Наконец, в начале 1966 года, Гарринча был продан в «Коринтианс» - один из ведущих футбольных клубов штата Сан-Паулу.

Гигантский город встретил Гарринчу фейерверком. Болельщики пришли на вокзал, куда он прибыл, со знаменами и с песнями проводили его до гостиницы на авениде Сан-Жоан. Радужная встреча оказала благотворное действие на Гарринчу. Все было как в прежние славные времена. Он немного успокоился. Газеты писали, что Гарринча эмоционально возродился для нового взлета. «Коринтианс», утративший в последнее время часть публики, разочарованной его игрой, приглашая Гарринчу, стремился вернуть ее на стадион. Команда, как и Гарринча, остро нуждалась в деньгах.

Перед самым переездом Маноэла в Сан-Паулу его пригласили участвовать в чемпионате мира, который должен был состояться в Англии. Бразильская конфедерация спорта, ее руководитель Жоао Авеланж, учитывая прежние большие заслуги Гарринчи, считали своим долгом предоставить ему возможность поехать на мировое первенство. Конфедерация могла позволить себе этот благородный жест, чего нельзя было ожидать от профессиональных клубов.

Гарринча серьезно отнесся к приглашению участвовать в чемпионате мира, прекратил выпивки, начал рационально питаться, вернулся к интенсивным физическим занятиям. Заманчивая мечта выиграть для Бразилии в третий раз Золотую богиню увлекла его.

До отъезда в Англию он сыграл несколько матчей за «Коринтианс».

В Англии Гарринче была уготована роль туриста. Его выпустили на поле всего два раза, и то ненадолго. В тяжелом матче с португальцами был потерян Пеле, вновь, как и в Чили, получивший серьезную травму. А после проигрыша венграм сборная Бразилии вообще утратила надежду на успех. Гарринча улетел вместе со всеми на родину, не дождавшись окончания чемпионата.

Он снова повел жизнь затворника. Недели проводил один в бунгало на даче. Под кроватью валялись пустые бутылки из-под кашасы. Он пристрастился к виски, вкус которого узнал в Англии. Гарринча с ужасом понимал, что больше никогда не сможет восхищать людей своим мастерством, не будет в одиночку выигрывать матчи, что приводило в восторг болельщиков не только Рио-де-Жанейро, но и многих других городов мира. Никто не будет скандировать его звучное имя: «Гар-рин-чча! Ра-ра-ра, Гар-рин-чча! Ча-ча-ча». Ночами он вскакивал с постели, просыпаясь от этих криков, которые ему теперь лишь снились.

Иногда, встречаясь с друзьями за рюмкой кашасы, он спрашивал: «Как люди могли со мной сделать такое?» Он все еще считал, что, если бы в Англии ему дали сыграть в матче с Португалией, его результат мог быть иной. Гарринчу снисходительно слушали, вспоминая бледные матчи «Коринтианса» с его участием, успокаивали: «Ты свое уже сделал, Мане, в Швеции и Чили». Он, соглашаясь, кивал головой и вновь наполнял свою рюмку.

Наступил 1968 год. 35-летний Гарринча снова в поисках футбольного клуба. «Коринтиансу» не удалось поправить свое финансовое положение. Зрители не вернулись на стадион, и Гарринча больше не был нужен клубу. Он мечется по стране. Выступает в товарищеских матчах то за «Португезу» в Рио-де-Жанейро, то за «Бангу» - невесть какие команды. Неожиданно устремляется в дебри далекого штата Гойяс. В том же году Гарринча впервые выступает в зарубежных командах. Сначала сыграл несколько матчей в Боливии, затем заключил контракт с колумбийской «Атлетико Барранкилья».

Барранкилья - большой портовый город на побережье Карибского моря, имеющий торговые связи чуть ли не со всем миром. Изумруды, золото, контрабанда - эти слова будто витали

в воздухе, когда Гарринча шел по узким портовым улочкам. Маклерам, торговцам и докерам Барракильи футбол представлялся забавным развлечением, не больше. И все же стадион на десять тысяч мест в день его первого выступления за колумбийскую команду был заполнен до отказа. Зрители встретили выход Гарринчи стоя. Все они пришли на звезду. Разочарование последовало быстро. Убедившись, что звезда светит тускло, не показывает былой ловкости, проворства и мастерства, что даже знаменитый дриблинг не получался у Гарринчи на сочном зеленом газоне колумбийского стадиона, болельщики принялись его освистывать. Так он и ушел под свист. Сверху ему вслед летели помидоры и яйца.

Провал в Колумбии кумира бразильского футбола заставил Бразильскую конфедерацию спорта отвечать на вопросы журналистов. Они спрашивали: «Как можно было отдать Гарринчу, гордость бразильцев, на осмеяние в чужую страну?» Дискуссия кипела неделю. А потом как-то разом все забылось. На северные районы Бразилии налетел мощный ураган, и газеты бросились подсчитывать убытки этого края.

Спустя некоторое время о Гарринче вспомнили вновь. Руководство бразильского спорта торжественно отмечало десятилетие первой победы сборной Бразилии в розыгрыше Кубка Жюля Риме. Среди приглашенных не оказалось Гарринчи... «Забывчивость» организаторов торжества нанесла футболисту столь же чувствительный удар, как и злополучный камень на чилийском стадионе. Газеты с возмущением писали о недопустимом отношении руководителей бразильского футбола к герою шведского и чилийского чемпионатов. Но что толку, если Гарринча не участвовал в торжестве?

Конфедерация оправдывалась: Гарринча, мол, в тот момент находился за рубежом и не мог присутствовать на празднике. Мане огорчился, наверное, больше всех. И не потому, что не попал на празднование. В «забывчивости» он увидел свою полную и безоговорочную отставку от футбола.

Слухи, связанные с личной жизнью Гарринчи, один нелепее другого, время от времени появлялись в печати. Обсуждались его отношения с Элзой, дочерьми, старыми знакомыми. Возле его дома постоянно дежурили фоторепортеры, любопытные. В газетах писали, что он якобы поссорился с Элзой, ушел из дома. А как-то в канун карнавала одна утренняя газета сообщила, что Мане и Элза... покончили с собой. Чтобы опровергнуть нелепое сообщение, Гарринча все утро позировал у ворот фотоаппаратам.

Неудачное выступление в Колумбии наконец забылось, и он снова устремился на поиски контракта с каким-нибудь клубом в Рио-де-Жанейро.

Поседевший, постаревший, но еще бодрый Жентил Кардозо, его первый профессиональный тренер, руководил «Васко да Гама», в котором тогда бурно расцветал талант Тостао. Он дружески встретил Гарринчу, повел его с собой на поле, где шла тренировка. Вдвоем они молча наблюдали за молодыми игроками. Время от времени Жентил строго покрикивал: «Скорость, ребята, скорость!» - хотя игра и так шла в очень быстром темпе.

Когда игроки вдоволь набегались, Жентил сказал Гарринче:

- Сейчас эра скоростного футбола. Ты ведь не сможешь, как они? Приходи завтра, разомнешься с ребятами, - прощаясь, все же пригласил Манозла Жентил Кардозо.

На другое утро Гарринче была назначена встреча с импресарио уругвайского клуба «Насиональ», остановившегося на несколько дней в Рио, и на стадион «Васко» он не поехал. К тому же он понимал, что Жентилу нужны быстрые молодые игроки, ветерану в команде места не найдется.

Переговоры с представителем уругвайского, а затем аргентинского футбола не дали конкретных результатов. Никто ничего ему не обещал. И тогда он впервые поехал на Гавеа, на старый однострибунный тренировочный стадион «Фламенго», в команду, которой симпатизировал с детства.

На Гавеа к нему подходили футболисты и тренеры, жали руки. Загало по-дружески его обнял. Расспросил о делах. Все думали, что Гарринча приехал в клуб скуки ради. Располневший - двенадцать килограммов лишнего веса, в модной шерстяной рубашке - подарок Элзы ко дню рождения, он был похож скорее на спортивного инспектора, чем на безработного футболиста. Лишь один Роберто Гомес Педроса, тренер команды, понял настоящую причину его визита и попросил подождать конца тренировки.

Когда игроки «Фламенго» разъехались по домам, Гомес Педроса взял в руки секундомер и предложил Гарринче пробежаться вдоль поля с мячом. Ему вдруг вспомнилось, как тот начинал

много лет назад на «Ботафого». В шерстяной рубашке, в узких новых брюках Манозэл, неловко подталкивая мяч, двинулся по полю к воротам. Тренер наблюдал за ним.

- Плохо, очень плохо, Мане. Куда девалась твоя прежняя скорость? Если хочешь вернуться на поле, срочно сбрасывай вес.

И Гарринча уже в который раз решил снова начать тренировки. За два месяца ему удалось похудеть на одиннадцать килограммов. Строгий режим сделал свое дело. К тому же Элза знала счет калориям и держала мужа на диете балерины. В декабре 1968 года, в конце футбольного сезона, он был включен в состав «Фламенго». Правда, на игру против «Васко» Гарринча так и не вышел, хотя болельщики, а их собралось на стадионе тысяч шестьдесят, требовали его на поле. После матча огромная толпа терпеливо ждала его у ворот «Мараканы».

В следующем сезоне он все же сыграл свои первые и последние 45 минут за «Фламенго» и больше уже никогда не появлялся в ее составе.

Теперь он не переживал так, как раньше. Отказали в одном клубе - пытался найти другой. С первым дивизионом распрощался навсегда. Появляясь в качестве зрителя на матчах команд третьей категории, в которых в основном играли любители, он получал приглашения и охотно их принимал, ехал в любые места, где предоставлялась возможность надеть футболку с седьмым номером. Взял себе за правило после матча заходить с новыми товарищами в первый попавшийся бар и отмечать победу или поражение. Захмелев, снова начинал верить в возможность своего триумфального возвращения на «Маракану». Он представлял, как зрители выкрикивают его имя, а он отвечает им, как прежде, великолепными финтами и голами. Когда проходило опьянение, Гарринча с трудом осмысливал действительность.

Как-то вечером в воскресенье, возвращаясь после очередной игры за команду второй лиги, он встретил своих старых поклонников, которым вполне серьезно заявил, будто только что отыграл матч на «Маракане». Гарринча не учел, что игра транслировалась по радио и все знали, что его имя в репортаже не упоминалось. В минуты спора Гарринча становился крайне раздражительным, агрессивным и успокаивался лишь после первой рюмки.

Алименты Наир и дочерям он платил, только когда ему об этом напоминал суд. Повестки приходили каждые шесть месяцев. Он постоянно был без денег. Матчи за вторую лигу приносили скудные заработки. Чтобы расплатиться с долгами, Гарринча заложил имущество, а выплачивать алименты было нечем. Были объявлены конфискация и распродажа. Первой ощутимой потерей был дом на острове Гобернадор, затем другой дом, на улице Боржес де Медейрос, рядом с озером Родриго де Фрейтас. Сумма, установленная после конфискации, не попала целиком в руки Наир, большая часть денег растворилась по пути, оседая у адвокатов, представлявших обе стороны.

В марте 1968 года Гарринча был осужден по приговору суда на 90 дней тюрьмы за уклонение от уплаты алиментов жене и дочерям, но освобожден под выкуп, который внес за него банкир Магальяэс Линс.

Положение еще больше ухудшилось после автомобильной катастрофы в апреле 1969 года на шоссе Дутра, в которой погибла Розалия Гомес, мать Элзы. Катастрофа произошла по пути из Пау-Гранде, где Гарринча провел десять минут, чтобы навестить дочерей. После встречи с ними он направился прямо в бар Доди, где выпил с друзьями. Потом он признал на суде, что, возвращаясь поздно вечером, был немного навеселе и, вероятно, лучше ему было не садиться за руль. Трудно объяснить, зачем Гарринча взял с собой в Пау-Гранде Элзу, ее дочь Сару и тещу.

Трагедия привлекла внимание всех газет. «Форд-галакс», управляемый Гарринчей, ударился о старый грузовик, который медленно ехал по шоссе с потушенными фарами. Розалия умерла мгновенно. Гарринча, Элза, Сара и шофер грузовика отделались ушибами и ссадинами. «Форд-галакс» - полностью разбит.

Газетчики обрушили на Гарринчу поток обвинений. Ему припомнили все: и позорное выступление в Колумбии, и игры в полулюбительских командах, и увлечение спиртным. Ни один из репортеров, критикуя бывшего кумира, не написал о том, почему же дважды чемпион мира оказался в столь плачевном состоянии. Никому не пришло в голову, что, скитаясь по стадионам, Гарринча искал заработок, чтобы прокормить себя и свою семью. Гордость не позволяла ему оставаться на иждивении жены. Газеты лишь «делали материал» на тему неудачной супружеской жизни знаменитости, взяв в качестве примера бывшего футбольного идола.

Суд приговорил его к двум годам заключения. Гарринча избежал тюрьмы, так как Элза Суарес и другие родственники погибшей не возбуждали уголовного дела. Приговор оказался условным. Гарринча лишь уплатил штраф за нарушение правил дорожного движения.

Автомобильная катастрофа и смерть тещи нанесли Манозлу новую моральную травму. Элза считала, что им лучше на некоторое время покинуть Бразилию. У нее были подписаны контракты на выступления в Европе, которые начинались в Италии. Она предложила Гарринче вместе с артистами ее шоу уехать в Рим. Элза обратилась к друзьям с просьбой посодействовать через бразильское посольство в Италии устроить мужа на временную работу в римское отделение Бразильского института внешней торговли на должность стендиста в демонстрационном зале. Сделать это удалось. Обязанности Гарринчи оказались легче легкого. Он должен был изредка появляться на футбольных праздниках, проводимых в Италии, как пропагандист бразильского футбола, оставаясь одновременно сотрудником отделения института торговли, раздавая автографы, беседуя с посетителями, угощая их бразильским кофе. За это полагалась тысяча долларов в месяц. А Элза могла бы выступать в итальянских ресторанах и кабаре, увеличивая семейный заработок.

Популярность бразильской музыки в Италии постоянно росла. Этому способствовали гастролы Жука Чавеса и Роберто Карлоса, которые в шестидесятых годах побеждали на фестивалях в Сан-Ремо. В Италии с огромным успехом гастролировали, когда туда собрались Манозл и Элза, два других выдающихся бразильских композитора и певца Жоржи Бен и Шико Буарке де Оланда.

Отъезд Манозла и Элзы случайно совпал с отлетом в Европу сборной Бразилии, руководимой Жоао Салданьей. Команда готовилась к чемпионату мира в Мексике и в январе 1970 года направлялась на контрольные матчи в Испанию и другие страны. Аэропорт «Галеао» в Рио-де-Жанейро, как всегда в такие дни, выглядел празднично. Сотни болельщиков приехали проводить футболистов, и Гарринча неожиданно попал в знакомую обстановку. Он был весел, охотно позировал фотографам, раздавал автографы. Элза радовалась за мужа. Журналисты просили его дать характеристику обновленной национальной команде. Гарринча похвалил Жаирзиньо, Герсона, Тостао и выразил уверенность, что бразильская команда победит на мексиканском чемпионате. Обещал журналистам, как только обоснуется в Риме, прислать открытку со своим адресом.

Служба в Бразильском институте торговли его разочаровала. Выступлений на футбольных праздниках не предвиделось, а часами слоняться по демонстрационному залу, где рекламировались станки и образцы бразильской обуви, общаться с людьми, которые не имели о нем ни малейшего представления, ему быстро надоело. К тому же институт не собирался ему платить обещанную тысячу долларов, а меньшей зарплаты явно не хватало, чтобы спокойно прожить в Италии.

Отправляясь в Европу, Гарринча лелеял тайную надежду заключить контракт с богатым итальянским клубом и поиграть год-другой за рубежом. Поэтому, когда в апреле 1970 года он получил предложение от португальской «Бенфики», продолжать работу стендистом стало для него вовсе бессмысленным. Элза согласилась вместе с ним поехать в Лиссабон. Португальские газеты тогда писали; «Гарринча оживит наш футбол». Но спустя неделю пришло письмо из «Бенфики», в котором ее руководители, извиняясь, сообщали, что не могут заключить контракт с Гарринчей, «так как португальский футбольный рынок временно закрыт для иностранных игроков». У предусмотрительной Элзы нашелся запасной вариант. Еще в Риме она получила приглашение провести летний сезон в Пальма-де-Мальорка - на чудесном острове в Средиземном море, чтобы выступать там со своим шоу в известном ресторане «Барбарелла». И супружеская чета направилась в Испанию.

Вскоре они любовались пальмами, украшавшими набережные, и дышали сладким средиземноморским воздухом. Остров в те дни заполнили западногерманские, шведские, датские туристы.

Ресторан «Барбарелла» с ночным бразильским шоу стал центром всеобщего увеселения. Элза умело вела программу, прямо со сцены обучая белокурых гостей ритмическим движениям классической самбы.

- «Грингос»* (Грингос - так Гарринча называл всех белых иностранцев) так увлеклись танцами, что на террасе сломали две пальмы, - как-то под утро оживленно делилась она своими впечатлениями с мужем.

Гарринча, сидя за столиком в центре зала, спокойно ее слушал, потягивая коктейль.

В конце программы Элза со сцены поблагодарила от себя и от имени Гарринчи всех присутствующих, вызвав бурю аплодисментов. Гарринча чуть привстал, улыбнулся, быстро

поклонился публике и снова сел. В этот момент у его столика появился высокий светловолосый парень. Он попытался обнять Манозла, громко выражая восторг, в который его привел концерт Элзы, и радость от встречи с Гарринчей.

Неожиданно он опустился на колени и поцеловал ноги Гарринчи. Потом взял с соседнего столика букетик цветов и вручил его смущенному Манозлу. Затем, не в состоянии успокоиться, он стал совать в сумку Элзы деньги. Когда Мане решительно воспротивился этому, швед попытался сунуть несколько купюр в карман Гарринчи. Выглядело все это очень комично. Гарринча вынимал деньги из сумки Элзы и своего кармана и возвращал их своему нетрезвому поклоннику, а тот категорически от них отказывался. Борьба завершилась ничьей. Парень присел за их столик, чтобы выпить за здоровье бразильцев. Он неважно изъяснялся по-испански, однако Гарринче удалось понять, что молодой швед в 1958 году, еще мальчиком, видел две победы сборной Бразилии на первенстве мира и с тех пор не может забыть футбольного искусства Гарринчи. Взволнованный от того, что находится за одним столом со своим кумиром, парень повторял одну и ту же фразу: «Бог меня простит. Но ты - мой бог, самый важный бог, потому что ты - бог футбола!»

На другой день Гарринча вышел поиграть в мяч со служащими отеля. Он вспоминал ночное происшествие, бегая по зеленой лужайке гостиничного дворика. И хотя он сам и его партнеры играли в сандалиях и тапочках, Мане показывал свои финты, ловко обыгрывал соперников, забивал голы. Наигравшись, все направились в бар, выпить по стакану пива. Стоило Гарринче забить пару голов, как у него поднималось настроение, появлялось желание раскрыть душу.

Возвратились в Италию. Манозл не вернулся на работу в отделение института торговли, так как считал, что ему не хватает времени на тренировки, необходимые для хорошей спортивной формы. Гарринча все еще ждал своего часа. Но сохранять форму мешали итальянские привычки: стаканчик вина перед обедом, стаканчик вина - после, бутылка - за ужином. Иногда пил вино в течение всей ночи. Все это не нравилось Элзе, работавшей без выходных одновременно в двух ресторанах. Она ревновала мужа, который вел праздный образ жизни, хотя никаких оснований для этого не было. Вспыхивали частые, к счастью, короткие ссоры. Огорчали и письма дочерей. Наир заставляла их присылать отцу длинные отчеты об их тратах, из которых он узнавал лишь о своих новых долгах бывшей жене.

Элза Суарес после успешных выступлений по итальянскому телевидению в программе Жука Чавеса «Специально для вас», пропагандировавшей бразильскую музыку, получила приглашение записать несколько передач на французском телевидении. Предстоящая поездка во Францию была как нельзя кстати, так как парижский клуб второго эшелона «Ред Стар» проявил интерес к контракту с Гарринчей.

По пути в Париж они остановились в Мадриде. Местное телевидение попросило Гарринчу прокомментировать прощальное выступление Пеле 18 июня 1971 года за бразильскую сборную.

«Я считаю, что Пеле мог бы выступить еще на одном мировом чемпионате за национальную сборную. Сожалею, что он уходит. Он по-прежнему играет очень хорошо и нужен команде» - эти слова Гарринчи затем повторили многие телекомментаторы Америки и Европы. Репортаж удался. Гарринча не скрывал радости, говорил, что чувствует себя, как после удачно сыгранного матча. Он спрашивал у Элзы, у бразильцев, смотревших передачу, как он справился с ролью комментатора? Элза вся сияла, наконец-то она видела мужа удовлетворенным другой, не менее интересной работой, чем футбол. Она уверяла Манозла, что он провел первый в своей жизни телерепортаж превосходно.

- Люди добрые, - рассуждал Гарринча в кругу знакомых, - пожалуй, я впервые по-настоящему увидел футбол, притом полностью всю игру. И я не завидовал игрокам. Я был вместе с ними там, на поле «Мараканы». Играл, советовал, подсказывал и радовался, когда угадывал их ходы. Интересный получился футбол!

Глубокая складка перечеркнула его смуглый лоб, когда он вспомнил, что Пеле больше не будет выступать за сборную. «Мог бы еще играть», - с грустью повторил он слова, сказанные во время репортажа. Возможно, в тот момент он думал не только о Пеле.

Вечером за ужином Мане и Элза обсуждали план путешествия в Париж. Несмотря на вновь набранные 79 килограммов, Гарринча чувствовал себя, как птица перед полетом. «Ред Стар» обещал заключить контракт на три месяца. Гарринча мог получить немалую сумму - около 15

тысяч долларов. Ему предлагалось сыграть роль приманки зрителей в шести товарищеских матчах клуба. Элза шутила: «Теперь ты сможешь мне купить норковую шубу». Оба казались счастливыми.

- Я понимаю французов, - говорил Манозл. - И знаешь почему? Потому что они согласились понять меня. Это будет классный аттракцион. Они захотят продлить со мной контракт еще на несколько месяцев... Я выйду на поле, как артист в оперетте. Публика будет смеяться и плакать.

Смеялась пока только Элза. Давно она не видела Манозла таким добродушным и забавным.

В Париже в честь Гарринчи устроили несколько приемов. «Ред Стар» стремился получше подать свой новый «товар», чтобы затем, во время игр, сорвать изрядный куш. Гарринчу пригласили на стадион позировать перед фотоаппаратами. В спортивном костюме он жонглировал мячом, показывал финты. С пулеметной скоростью щелкали затворы фотоаппаратов. Когда съемка закончилась, Манозл остановился у края поля и сказал, глядя на мяч, который нес в руках:

- С легким сердцем я оставляю людям вот этот мяч, зеленое поле, голы и солнце. Играйте в футбол, люди добрые!

Эти слова, прозвучавшие как завещание, напечатали в нескольких газетах.

Французские зрители тепло приветствовали его в первом товарищеском матче «Ред Стара». Как и планировалось, он повозился с мячом минут десять. А неделю спустя в «Пари-матч» появилось сообщение о том, что в связи с пересмотром графика международных товарищеских встреч «Ред Стар» отказывается от Гарринчи и тот вместе с Элзой Суарес возвращается в Италию.

В Милане его ждал, наверное, последний подарок в жизни. Итальянская федерация футбола проводила прощальный матч Льва Яшина, и Гарринча вместе с Колуной, Эйсебио, Хенто, другими знаменитыми ветеранами принял участие в этой игре. Пятьдесят тысяч человек с восхищением наблюдали за великолепным спектаклем блестящих мастеров футбола. Шел сентябрь 1971 года.

Три месяца спустя Гарринча и Элза вернулись в Бразилию. В аэропорту их никто не встречал. Знакомые поговаривали, что супруги приехали в Рио на рождественские праздники, а затем вернуться в Европу, где их якобы «ждали большие заработки» и новые контракты. В редакции спортивного журнала «Плакар», впрочем, распространилась другая версия. Они вернуться в Европу, если одолжат деньги, чтобы купить билеты на самолет. Эта версия больше походила на правду...

Народ, породивший карнавал, самый яркий в мире, способен создать и самый яркий в мире футбол.

(Газета «Непшпорт», Венгрия)

КАРНАВАЛ

Рождественские праздники прошли незаметно. Наступил новый, 1972 год. Вскоре Гарринча получил приглашение от руководства школы самбы «Мангейра» принять участие в конкурсном отборе песни-гимна для предстоящего карнавала. Приближался февраль - разгар бразильского лета. Рио полыхал жарой. На пляжах возле футбольных площадок и ресторанов гулко стучали барабаны, звучали тамбурины, бренчали гитары, пели трубы. Подготовка к карнавалу захватила Копакабану, Ипанему, Фламенго и другие места, где отдыхали люди. Репетировали каждый вечер. Люди выходили на улицы из душных домов на зов зажигательной музыки.

Гарринча присутствовал на отборе и вместе со всеми проголосовал за «Кариока танцует самбу». Это была поистине народная песня с ритмичной, незамысловатой, легкой в исполнении мелодией. В канун карнавала «Кариока» зазвучала с пластинок, ее постоянно исполняли по радио. Песню запели. Так заранее ковалась победа «Мангейры».

О бразильском карнавале каждый рассказывает по-своему, но любой рассказ всегда ведется в превосходной степени. Двадцать пять тысяч музыкантов и танцоров готовились выступить в те жаркие ночи 1972 года на знаменитой «пасарелле де самба»* (Пасарелла де самба - коридор самбы; улица, по которой проходит все карнавальное шествие). Сотни оркестров разучивали новые мелодии.

Карнавал, как считал Гарринча, единственное массовое зрелище, которое может сравниться с футболом. Как и во время матчей, карнавал может собрать сто, сто пятьдесят тысяч зрителей. Как и на футболе, эти сто пятьдесят тысяч будут жить, пока идет карнавал, одной жизнью. В течение четырех дней и ночей они будут петь и самозабвенно танцевать, увлеченные ритмом самбы. И конечно, карнавал - зрелище такое же яркое и захватывающее, как и футбол.

Но если в футболе в рамках чемпионата соревнуются два-три десятка команд, то на карнавале в мастерстве танца, композиции, слаженности тысяч танцоров, красочности художественного оформления колонн, звучания оркестров, тематической аллегории соревнуются двадцать знаменитых и сорок менее знаменитых школ бразильской самбы. Как и в футболе, сильнейшая школа объявляется чемпионом. Футбол - национальный вид спорта во многих странах. Карнавал - национальный праздник на Кубе, в Анголе, Мозамбике, Уругвае, Бразилии...

Впервые журналистский пропуск на бразильский карнавал мне достался весной 1972 года. Небольшой кусочек картона, запаянный в прозрачный пластиковый пакетик с помощью металлической прищепки подвешивался на карман рубашки. В дни карнавала ему нет цены. Получить пропуск на карнавал - вожаемая мечта многих жителей Рио-де-Жанейро. Узнав, что я завладел таким пропуском, известный бразильский композитор Жозе Сикейра, немолодой уже человек, обрадовался как ребенок.

- О, по твоему пропуску мы пройдем все! - громко воскликнул он, весело вертя между пальцами кусочек бесценного пластика. Все - означало самого Жозе, его жену Алису, сына Роберто, импресарио Аленкара...

Мне вспомнилось, как в детстве мы с отцом и младшим братом втроем проходили по одному билету на «Динамо». И это не считалось зазорным: на всех желающих билетов вечно не хватало. Риск быть пойманным сладко охлаждал душу...

Жозе Сикейра оказался прав. Возле узких проходов на трибуны, смонтированных вдоль самой широкой улицы Рио-де-Жанейро - проспекта Жетулио Варгаса, толпились сотни людей без пропусков и билетов. Все они терпеливо ждали случая попасть на карнавал. Композитор торжественно предъявил контролеру наш пропуск, гордо заявив, что он сопровождает московского журналиста, который никогда не видел бразильского карнавала. Строгий на вид мулат, проверявший билеты, широко улыбнулся. В ночи на его смуглом лице весело засверкали белки глаз и белые как рис зубы. Широким жестом он разрешил пройти всей нашей «команде»: каждый из нас предусмотрительно нес или штатив, или пустой футляр от фотоаппарата, или подсумок с пленкой. Я же для пущей важности вынул из футляра кинокамеру «Болекс».

«Проход всюду» - магические слова, написанные на пропуске, позволяли любое передвижение внутри широкого коридора, с двух сторон которого возвышались почти до самого звездного неба заполненные до предела зрителями дощатые трибуны. Однако пропуск не давал права занять место на них. Пришлось потеснить других безбилетников, непонятно как проникших на карнавал, и сесть прямо на теплый асфальт.

Шествие еще не началось. Жозе пошел узнать, в чем там дело. И, вернувшись, сказал, что задерживается король карнавала Момо, попавший в автомобильную пробку. Но к полуночи, утешал нас композитор, карнавал обязательно начнется. Мы уютно устроились в «нулевом ряду» и, зная, что карнавал продлится всю ночь, готовы были ждать сколько угодно.

Но вот, постепенно нарастая, послышался отдаленный гул. Мы сразу почувствовали, как вдали от нас рождалось что-то могучее и большое. Гул превратился в ритмичную мелодию, которая тут же разбудила затихшие было трибуны. Над нашими головами закрипели и задвигались деревянные скамейки. И в такт карнавальной песне затанцевали уставшие от ожидания зрители.

Показалась колесница, оборудованная на джипе, в которой в серебряной короне и в зеленой серебристой мантии с жезлом в руке стоял запоздавший на торжество король карнавала Момо. В окружении изящных принцесс он выглядел персонажем из сказки. Однако толпа фотографов, бросившихся к нему, да рукопожатия знакомых возвращали короля и его свиту в реальный мир.

Затем пасареллу заполнило пенистое бушующее море - белые и голубые цвета одной из самых старинных школ самбы «Портела». Лес пышных страусовых перьев заслонил гигантские бутафорские фигуры древних идолов, покровительствующих карнавалу. Голубые камзолы артистов сводного оркестра, неистово исполнявших карнавальную песню «Портелы», расцветили все пространство между трибунами. На нас, сидящих под рядами зрителей, хлынул поток конфетти, серебристой мишуры, сверкающего искусственного снега. Края пышных платьев танцовщиц касались наших лиц. Мы в прямом смысле слова окунулись в самую гущу карнавала. Снимать кинокамерой в таких условиях было невозможно.

Ряды танцоров в белых и голубых костюмах, сменяя друг друга, словно морские валы, прокатывались мимо неистовавших трибун. Казалось, им не будет конца. По жребию «Портела» открывала карнавал. Знаменитая школа самбы ставила целью ошеломить зрителей и членов жюри яркими красками, оглушительными звуками и массовостью народного танца.

В лучах прожекторов прошли сорок изящных принцесс в кружевных просторных платьях, а за ними появились сорок голубых рыцарей. Белоснежные страусовые перья украшали их серебряные картонные шлемы. Рыцари в такт музыке размахивали деревянными мечами, и казалось, вот-вот снесут голову кому-нибудь из зрителей, расположившихся под трибунами, громко пели гимн «Портелы». Но вот прошли и голубые кабальерос. Оглушая барабанной дробью все и вся, пасареллу заполнил многолюдный оркестр. Он старательно восстанавливал растворившийся в тысячеголосом песнопении толпы ритм карнавальной песни «Портелы». В кабинках жюри кто-то привстал и задвигался в такт мелодии. Прицеливаясь объективами кино- и фотокамер, в такт музыке пританцовывали операторы. Даже они не могли устоять на месте! Мы не заметили, как и сами задвигались, заплясали вместе со всеми. Бело-голубые танцоры протягивали нам потные руки, приглашая влиться в общий круг. Таких танцев я никогда раньше не видел. Организованный ликующий хаос двигался дальше.

И вдруг произошло резкое смещение цветов. Вместо голубых морских тонов пасарелла окрасилась в зеленые цвета. «Портела» уступила место другому древнему роду самбы - школе «Империо серрано». Гигантская бело-зеленая старинная галера, ведомая сотней «весельных», выплыла в пространство между трибунами, осыпая зрителей колосьями метровой величины, огромными, но легкими как пух кофейными зернами, стволами бамбука и сахарного тростника, искусно сделанными из бумаги. «Империо серрано», заливая зелеными и белыми красками всю пасареллу, славил труд и урожай.

Никто не заметил, как наступила глубокая ночь. Одна школа сменяла другую, наполняя современными и древними мелодиями просторную авеню Жетулио Варгаса. Позади трибун танцевала толпа безбилетников. Громкоголосая самба захватила и тех, кто не попал на карнавал.

Брызнули первые лучи утреннего солнца. И, словно ожидавшая их появления, вышла вся в розовом, как первые предрассветные облака над склонами гор, долгожданная «Мангейра».

- Фламинго, фламинго! - закричали зрители, сравнивая танцоров «Мангейры» с нежно-розовыми африканскими птицами.

Бурей аплодисментов приветствовали знаменитую школу самбы. «Мангейра» отказалась от повторения своих карнавальных находок прошлого года, но тем не менее собиралась повторить прошлогодний успех. Ряды ее танцоров напоминали чудесно сотканный живой ковер. Все двигалось, пело и трепетало, сохраняя четкий ритм самбы.

Гигантская роза, дышащая теплом сложенных в бутон дюжины хрупких розовых тел девушек и обрамленная свежим, «с росой» зеленым листком - тонким телом юноши в зеленом трико, украшала этот ковер. «Более розовая роза, чем когда-либо» - так спустя два дня носторженно писал о выходе «Мангейры» популярный иллюстрированный журнал «Маншетти».

Четыре гигантских механических негритенка с лукавыми физиономиями, двигаясь в едином ритме, влекли за собой новые и новые ряды танцовщиц, облаченных в нежно-розовые с зеленым обрамлением платья.

А вот и Элза Суарес - неумолимая пропагандистка бразильской самбы. Гигантский фанерный щит, с изображением открытого рта - символа Элзы - словно телеэкран обрамлял ее миниатюрную, крепко сбитую фигурку. Элза без парика. Короткая стрижка. Голова как у мальчика. Певица вся в движении, в ритме самбы. Поравнявшись с нами, она берет микрофон и начинает исполнять свою знаменитую «Независимую молодежь». Зрители с энтузиазмом подхватывают мелодию.

На краю бутафорного дворика, по-детски свесив ноги, в розово-зеленых гетрах и белых кроссовках - сонный Гарринча. Публика заметила его и, как в былые времена, приветствует футбольного чемпиона. В ответ Гарринча вяло взмахивает рукой.

Дворик проехал, уступив место новой зелено-розовой композиции. Пальмы, крокодилы, длинноногие птицы, огромные лилии. «Мангейра» воспевала красоты родной природы, напоминая о богатствах Амазонского края, которые настало время беречь от хищнического истребления. Газеты отметят позднее эту патриотическую тему, затронутую «Мангейрой». Еще один вклад в копилку победы.

Девушки в розовых венках и зеленых туниках исполнили «Кариоку». Трибуны дружно подхватили новую полюбившуюся песню. И мы еще раз убедились, что карнавал - самый слаженный хаос в мире и самый хаотичный беспорядок организованных танцоров.

На карнавале бурно нарождаются народные таланты. На карнавал приходят умирать разодетые в пышные кружевные платья старухи-мулатки, считая смерть на пасарелле великой честью.

Карнавал для бразильца - это единственный по-настоящему веселый всенародный праздник, самое радостное событие в году. Многие готовятся к нему, как к национальному празднику. На карнавале любой самый бедный мулат может показать свои способности и талант. Проявить фантазию в подготовке костюма, показать мастерство в исполнении всеми любимой самбы, выразить всего себя наиболее полно. К тому же карнавал - это еще прекрасная возможность забыть, пусть на короткое время, о невзгодах и трудностях, которые преследуют рядового бразильца на каждом шагу, поверить в себя, в свои силы, просто почувствовать себя человеком. Недаром наиболее смелые и любимые всеми песни рождены во время карнавала.

Вот припев одной из песен карнавала 1974 года:

Самба - это не только танец,
Самба - это не просто песня,
Самба - это призыв и мольба.
Сегодня негр поет и танцует на карнавале,
А завтра негр станет хозяином страны...

Эта песня сопровождала школу «Мангейра» в самый разгар военной диктатуры. Но и тогда, в мрачный период бразильской истории, народ пел, выражая надежду на лучшее будущее.

Зачем приехал на карнавал Гарринча, этот полузабытый идол футбола? Чтобы насладиться ароматом праздника или еще раз напомнить о себе зрителям? Хорошо зная Гарринчу, я не сомневался, что он участвовал в карнавале, как и другие бразильцы, по велению сердца, не желая оставаться в стороне от народного гулянья.

Мне довелось видеть пять бразильских карнавалов. И каждый из них оставлял все новые и новые впечатления.

Карнавал 1984 года впервые проходил на новой, специально построенной пасарелле. Бетонные трибуны, воздвигнутые на века по проекту выдающегося бразильского архитектора Оскара Нимейера, теперь могли вместить сто пятьдесят тысяч зрителей.

Карнавал заслужил это. Пасарелла венчается огромной площадью Апофеоза, на которой воздвигнута многоярусная сцена. Все сооружение может быстро трансформироваться для любых массовых зрелищных мероприятий на открытом воздухе, многолюдных митингов и собраний. Нимейер предугадал грядущие изменения в политической жизни страны - уход со сцены военных. «При гражданских свободах потребуются простор для волеизъявления народа» - так рассуждал архитектор. И ему удалось воплотить в жизнь свой замысел.

Карнавал-84 был более богатым и увлекательным, чем тот, в котором участвовал Гарринча. На новой широкой пасарелле, в лучах еще более мощных прожекторов, он стал ярким спектаклем, в котором приняло участие почти пятьдесят тысяч танцоров. А Гарринчи на нем уже не было.

Многое изменилось на карнавале. Журналистам, кинооператорам и фотографам уже не выдавали картонные пропуска. Нам предложили облачиться, в зависимости от рода работы и информационного органа, который представлял каждый из нас, в зеленые, красные или оранжевые майки. На них красовались пластиковые документы с фотографией, удостоверяющей личность.

Для удобства операторов организаторы карнавала предусмотрительно перекинули через пасареллу мост, соединяющий обе трибуны. На нем было установлено с десятков мощных прожекторов, освещающих, как днем, карнавальное шествие. Снимать с телекиномоста красочное шествие стало намного удобнее. На многоярусной сцене также были отведены места для кино- и телеоператоров. Документальный фильм о карнавале теперь стало возможным снимать как минимум с трех точек. Но как трудно его снимать!

Карнавал можно сравнить с бурным и могучим водопадом. Как уловить главное, что характеризует тот или иной эпизод, танец, каждую колонну, школу самбы? Шеренга танцоров в индейских одеждах с пиками в руках на мгновение поворачивается лицом к кинокамерам. Нажат спусковой крючок. Зарокотала лента в кассете, а в объективе видны только пики: танцоры, все как один, уже повернулись спиной. Что получится на пленке: средневековое воинство или бутафорная группа статистов, снятая со спины? А где же лица, глаза, улыбки танцоров? Кинооператор в растерянности опускает аппарат. Оглушающие звуки оркестра, умноженные мощными динамиками, не дают возможности переброситься даже короткой фразой. Наконец камера выхватывает из толпы группу солистов и следует за ними по пятам. Единственно верный ход! Так снимают многоходовую футбольную атаку. Но снимать футбол, несмотря на стремительность его действия, помогает мяч, вокруг которого разыгрывается основная борьба. На карнавале эту роль исполняют ведущий солист, режиссер, давно охрипший от команд, мокрый от пота дирижер оркестра. На них и ориентируется кинокамера. А по настроению людей на трибунах можно определить степень мастерства артистов той или иной школы. Нужна еще камера, и, возможно, не одна, чтобы снять все, что происходит на трибунах и в зоне, где работает жюри.

На площади Апофеоза, где завершается шествие, я беру короткие интервью у участников карнавала.

- Это мой двадцатый карнавал, - говорит запыхавшийся, весь мокрый режиссер «Мангейры». - Почти три километра непрерывного ритма. Такое могут выдержать лишь закаленные спортсмены.

- А мы впервые на карнавале, - это откровения школьников, самых юных участников карнавала. - Пришли сюда с отцом. Он руководитель сводного оркестра. Для нас карнавал только начинается...

Девушка с сияющими глазами и усталым лицом:

- О, для меня карнавал - это жизнь! Мы готовили композицию три месяца. Пять раз проводили репетиции на новой пасарелле. Это очень удобная площадка для карнавала...

Я выключаю микрофон. Пора стать обычным зрителем, просто смотреть и впитывать впечатления. Из гущи танцоров выныривает наш кинооператор. Выразительным жестом он показывает, что израсходована вся кинопленка. Устало опускает восьмикилограммовую камеру.

- Есть материал? - кричу я ему в ухо. В ответ высоко поднятый большой палец. Чисто бразильский жест.

Гарринча долгие годы был постоянным участником карнавала. Теперь на карнавал, даже в разгар футбольного сезона, приезжают из-за рубежа Фалькао и Зико.

1975 год. В марте умирает Наир. Гарринча по предложению Элзы берет в дом пятерых младших дочерей. Теперь в их семье 22 человека.

Потребление продуктов в месяц составляло: 60 килограммов фасоли, 90 килограммов риса, 30 килограммов макарон, 150 килограммов хлеба, 1500 штук бананов.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДРУГ - МЯЧ

Свое сорокалетие Гарринча отметил вдвоем с Элзой Суарес. «Никто в тот день не поздравлял меня, не соблезновал мне, - так грустно шутил он позднее. - Никто мне даже не позвонил». «Друзья покинули Мане», - жаловалась Элза знакомым.

Лишь один репортер спортивной газеты посетил его на следующее утро и взял интервью. Да и это интервью, кажется, нигде не было опубликовано.

Целое утро Гарринча слонялся по дворику дома, тревожно прислушиваясь, не зазвонит ли телефон. На глаза ему попался старый, выдавший виды футбольный мяч. Он подкинул его несколько раз, стукнул о каменную стену, взял в руки. «Ты один мой единственный и верный друг», - сказал вслух Мане. Дети слышали эту фразу.

- Вокруг много знакомых, но среди них не осталось друзей, - жаловался он вечером Элзе, сидя у телевизора. Так и просидел он весь вечер в своих вечных бермудах, тапочках на босу ногу, в пестрой спортивной рубашке, распахнутой на груди.

Они выпили вдвоем по рюмочке батиды с лимоном. Молча посидели. Гарринча встал, вышел из комнаты к своим птицам. Их клетки были расставлены вдоль скамеек в саду. Там же стоял огромный, давно недвижимый «олдсмобиль», купленный в 1963 году на деньги, полученные от Бразильской конфедерации спорта за выигрыш чилийского чемпионата.

Элза позвала детей. Манозл повозился с ними несколько минут. Жена грустно наблюдала за их игрой.

На следующий день он поехал в «Оларию», к старому знакомому Понто Фрио Бонзану, который руководил этой командой. Он ни слова не сказал Бонзану о своем прошедшем юбилее.

- Хочу тряхнуть стариной, - без обиняков предложил он свои услуги Бонзану. - У тебя собралось много молодых «баранов», им нужен «пастух».

Руководству «Оларии» идея понравилась, и на завтра Гарринча явился на улицу Баррири, где располагалось небольшое, с выбитой травой поле, на тренировку. Он решил как можно быстрее войти в форму.

В «Оларии» и в самом деле было много юношей, которые делали первые шаги в профессиональном футболе. Он пришел в команду с маленьким чемоданчиком в руках и все в тех же бермудах и тапочках. После обязательных представлений руководству, тренеру, прессе, болельщикам его повели в спальню, где, как в военной казарме, стояло двадцать кроватей, выстроенных в ряд.

- Это здесь я должен кормить москитов? - спросил, вызвав общий смех, Гарринча.

Когда ему показали свободную койку, специально приготовленную для него, он попросил другую.

- Не люблю спать вдали от стены. Когда поворачиваешься на кровати, нужно чувствовать, что опасность с нее упасть угрожает лишь с одной стороны.

Такое объяснение снова вызвало смех. Гарринча, как всегда, быстро располагал к себе людей. Ему, единственному в команде ветерану, предоставили кровать у стены. Он остался доволен приемом.

Неожиданный приход знаменитости в такой второсортный, хотя и профессиональный, клуб, как «Олария», поднимал команду в глазах публики. На игру «Оларии», в составе которой он вскоре вышел на поле «Мараканы» против «Фламенго», проходившую в рамках чемпионата Рио-де-Жанейро, собралось пятьдесят тысяч зрителей. Среди них оказался и автор этих строк. Игра получилась странной и скучной. Футболисты «Фламенго», забив первыми гол, казалось, совершенно не придавали значения результату и лишь сдерживали наступление «Оларии». Зрители терпеливо ждали активных действий Гарринчи. Его молодые партнеры робели в присутствии знаменитости и часто без пользы предоставляли ему мяч. Гарринча нервничал, когда передачи прерывались соперниками, уходил на край и подолгу оставался там один. У него в первом тайме не получилось ни одного рывка, ни одного прохода. Во втором тайме он уже не вышел, и молодые футболисты «Оларии» неожиданно сравнивали счет.

Контракт, заключенный с ним всего лишь на несколько игр, без всякого сожаления прервали, и он, сложив свои пожитки в чемоданчик, вернулся домой. Элза все поняла и даже не спросила, почему он так быстро распрощался с командой, с которой связывал определенные надежды. Ему звонили болельщики, спрашивали, почему он прекратил играть? Они ждали его нового выхода на арену, как, может быть, ждут в цирке выхода приболевшего клоуна. Гарринча

понимал, что в первенстве штата он был единственным актером, который вызывал интерес у публики. Через неделю ему надоело отвечать на вопросы болельщиков. Он снова собрал свой чемоданчик и отправился в путешествие по северо-востоку, выступая, как гастролер, то за одну, то за другую команду, зарабатывая за игру лишь от пяти до десяти тысяч крузейро.

После каждой неудачной игры он продолжал надеяться, что в другой раз выступит успешнее. Так, вероятно, думает акробат, случайно упавший во время циркового представления с трапеции. Когда после игры к Гарринче подходили болельщики и заговаривали о прошлом, он отмалчивался или вообще уходил, явно не желая вспоминать времена, когда он выступал за «Ботафого» и за сборную.

- То, что происходило вчера, не стоит вспоминать сегодня, - как-то сказал он. - Я не хочу говорить о прошлом. Храню свои воспоминания в стальном сейфе и никогда не оставляю его открытым.

Зачем вспоминать те пятнадцать голов, что он забил, выступая за сборную? Эти голы дались ему нелегко, равно как и все 58 матчей, нервных, тяжелых, с которых он всегда уходил в ушибах, ссадинах и синяках. Но сколько радости те голы и матчи дали ему!

Спасаясь от расспросов провинциальной публики и представителей местной прессы, он спешил в бар и сидел там иной раз до полуночи. Выпив лишнее, Манозл размякал, становился навязчивым, у него развязывался язык. И он делился с первыми встречными своими мечтами снова вернуться на «Маракану» и снова восхищать публику. Он жаловался на судьбу, на коварство руководителей клубов, заключавших с ним невыгодные контракты, на руководство Бразильской конфедерации с порта, предавшее его. Его снисходительно слушали, как слушают в барах откровения подвыпивших актеров, потерявших работу в театре и уверяющих, что только они владеют великим талантом перевоплощения.

И все же нашлись три или четыре человека, решивших по-настоящему помочь Гарринче, организовав его прощальную игру за сборную на «Маракане» с участием Пеле и других лучших футболистов страны.

131 555 человек, если считать по числу проданных билетов, пришло на тот матч. После оплаты аренды стадиона, работы персонала, полиции и уборщиков Гарринча получил солидную сумму, которая при умелом вложении денег могла бы на длительное время избавить его от финансовых проблем. И хотя ему удалось купить дом в Барра да Тижук, почти новый автомобиль «мерседес-бенц», квартиры в пригороде для своих старших дочерей и Наир, оплатить половину пая ресторана, где Элза могла бы выступать со своим музыкальным шоу, он не сумел положить хоть часть денег в банк под проценты и вскоре с огорчением узнал, что огромный гонорар израсходован.

Элза пыталась сделать все возможное, чтобы Гарринча снова стал просто Манозлом Франциско дос Сантосом, навсегда отказавшись от навязчивой идеи жить и зарабатывать футболом. Ей это так и не удалось.

Проходили длинные недели. Вечерами он посещал ресторан, где выступала Элза, потом бросил и это. Он опять сел за телефон, часами обзванивал старых знакомых, выяснял, где бы мог снова сыграть. Ему предложили надеть белую футболку «Миллионариоса», который к тому времени собрал под своим флагом десятка полтора бывших известных игроков в возрасте от 40 до 50 лет, чтобы выступить в небольшой серии матчей против сборных команд любителей штатов Сан-Паулу и Параны. Жоан Мендес Толедо, бывший вратарь «Бандейрантеса» из Сан-Паулу, который исполнял одновременно обязанности президента клуба, казначея, гардеробщика и массажиста, предложил избрать Гарринчу капитаном команды.

Манозл загорелся идеей создать постоянно действующий клуб ветеранов, который бы регулярно выступал в товарищеских матчах на разных стадионах страны. Ветераны, преодолев на автобусе расстояние в полторы тысячи километров, сыграли несколько матчей на периферии. Автобус раздобыл неутомимый Жоан Мендес Толедо. Но, как выяснилось, большинство ветеранов могли сыграть лишь два-три матча. У всех имелась основная работа, и никто из них не помышлял зарабатывать снова футболом. К тому же матчи ветеранов в глубинке собирали слишком мало публики. Молодежь не знала имен выдающихся футболистов прошлого, их заслуг перед сборной и не шла на стадионы, а без зрителей футбол жить не может. Команда распалась, Гарринча неделю скитался по кабакам Сан-Паулу, пока его не разыскала Элза и не забрала домой. Крах «Миллионариоса» на некоторое время лишил его веры во всемогущий футбол.

Чтобы крепче привязать Манозла к дому, Элза Суарес решила завести общего ребенка. Она считала, что, если у Гарринчи впервые появится сын (они не признавали мальчика, родившегося в 1959 году от шведской женщины в Стокгольме), он займется его воспитанием, попытается передать ему свое футбольное мастерство, отвлечется, перестанет метаться.

Однако появление в июле 1976 года Гарринчини не произвело ожидаемого впечатления на отца. Гарринча только что возвратился из штата Парана, где выступал за команду ветеранов, и снова запил, забыв обо всех клятвах, которые давал.

- Помню, - говорила Элза, - он пришел в родильный дом опухший от пьянства, с заплаканными глазами, угнетенный. Когда он впервые взял на руки сына, Элза поставила ему последнее условие: или сын, семья и конец выпивкам, или...

Он перебил ее, не дослушав конца фразы:

- Не могу я, Креола, одновременно любить сына и кашасу. Нет у меня сил, чтобы бросить пить.

Год спустя Элза Суарес обратилась в 14-й полицейский участок Рио-де-Жанейро на Копакабана с просьбой привлечь к судебной ответственности мужа. На ее лице были следы страшных побоев, из поврежденного носа сочилась кровь. В тот день исполнилось 15 лет их супружеской жизни.

Прошло еще немного времени. Гарринча получил предложение преподавать уроки футбола мальчикам в одном из пригородов Рио-де-Жанейро. Об этом его просили в секторе образования и спорта правительства штата.

После знакомства с ребятами, которые с любопытством смотрели на угрюмого преподавателя, Гарринча дал им несколько советов, прочел лекцию о вреде курения и нарушения спортивного режима, показал, как бить по мячу. Затем он дал несколько автографов ребятам. Его огорчило, что дети не выразили особой радости от общения с ним. Со стадиона он направился в пивную, где прямо из горлышка бутылки выпил кашасы. Он поставил на стойку почти пустую бутылку, обернулся к сидевшим за столиками и, не обращая ни к кому из них, сказал:

- Однажды Арати привел меня в клуб «Ботафого», когда я не имел ничего, даже собственной футбольной формы, и только хотел одного - играть. И вот сегодня, спустя 24 года, я снова ничего не имею. К тому же совершенно забыл, как нужно играть в футбол. Вот так, люди добрые.

К детям Гарринча не вернулся, хотя ему несколько раз звонили из префектуры. Он, очевидно, понял, что учить ребят футболу, который исповедовал сам, уже не сможет. Бразильцы к тому времени играли совсем в другой футбол.

«Универсо» стал последним клубом, с которым Гарринча заключил контракт...

Гарринча умер во сне. Все началось дома, на улице Эстампадорес, в районе Бангу. В 16.45 он был подобран бригадой «скорой помощи» и доставлен в клинику. Дежурный врач Эдевалдо Морено констатировал состояние комы от чрезмерной дозы алкоголя.

(Газета «У Глобу», Бразилия)

НАВСТРЕЧУ ГИБЕЛИ

Его всегда тянуло в родной Пау-Гранде «постучать мячом» на знакомом, заросшем высокой сочной травой футбольном поле, снова окунуться в полузабытый мир своей юности.

Когда он появлялся в родном городке, мальчишки неизменно встречали его криками: «Это - Мане! Люди, это Мане!» И он, улыбаясь, как в годы минувшей славы, отвечал им:

- Ола* (Ола - приветствие (браз.)), люди добрые, как дела?

Он сидел в баре Доди на своем привычном месте у стены и откровенничал:

- Теперь все, что я хочу, это иметь маленький домик в Пау-Гранде, поближе к лесу, где бы я мог укрыться от коварных и жадных импресарио. Я бы снова встречался с Алсидесом - моим первым визави на футбольном поле, который «держал» меня в матчах на Кубок Петрополиса, лакомился бы мороженым в лавочке дона Никанора, ходил бы ловить птичек на опушке леса. И, кто знает, может быть, у меня нашлось бы время и желание поучить ребятню настоящему футболу, раскрыть им некоторые секреты игры...

- Это, право, очень хорошая идея, - продолжал он на другой день, сидя на том же месте в том же заведении, - стать детским футбольным тренером. Кто знает, что я еще могу в жизни? Я бы совсем по-иному организовал тренировку. Покончил бы со сборами...

По мере того как плоская бутылка кашасы, стоявшая перед ним на столике, пустела, Гарринча терял ход своих рассуждений и засыпал, сидя на стуле. Сын Доди делал предостерегающие знаки каждому, кто входил в бар, просил клиентов не шуметь, чтобы не разбудить Гарринчу.

Осенью 1976 года он зачастил в Пау-Гранде. Приезжал один. Иногда он шел на стадион, ложился в высокую, пахнущую мятой траву и часами смотрел в бездонное, белое от зноя небо. Его замечали. Подходил сторож. Будто из-под земли появлялись дочерна загорелые мальчишки. Приносили мяч. Гарринча вставал, брал мяч в руки и делил ребят на две команды. Начиналась игра поперек поля. Гарринча всегда выступал за более слабых и искренне радовался, когда кто-нибудь из его команды или он сам забивал гол.

Потом он шел в бар Доди.

С Элзой жизнь окончательно разладилась, оба подали на развод. Он больше не приходил в ее дом, и никто не знал, где он пропадал все это время. Гарринча очень изменился, осунулся, похудел. В начале 1978 года Манозл впервые попал в больницу с диагнозом сердечной недостаточности. В больнице он пробыл недели две, там, естественно, не пил и вышел на залитую солнцем весеннюю улицу шумного Рио отдохнувшим и посвежевшим. Очевидно, именно тогда он и познакомился с Вандерлейей. Красивой двадцатилетней мулаткой, вдовой Жоржи Карвоэйро, правого крайнего «Васко да Гамы», умершего год назад после тяжелой болезни. Вскоре Гарринча переехал к ней. Но это не принесло ему счастья. Манозл чувствовал себя в доме Вандерлейи чужим. Периодически болезнь его обострялась, и он оказывался в больнице. Врачи начали подозревать у него цирроз печени.

В июле 1979 года его привезли в бессознательном состоянии в районную клинику Ларанжейрас, расположенную в старом районе Рио-де-Жанейро. Диагноз врача Карлоса Мело Рейса был категоричен: «Состояние здоровья слабое. Больной страдает осложнениями, связанными с чрезмерным потреблением спиртного, развивающимся циррозом печени, нарушениями артериального давления. Необходимо лечение в клинике, строгий постельный режим как минимум на пятнадцать дней. Затем покой еще в течение нескольких недель, лучше всего в санатории». Врач не сказал пациенту, что боли в области желудка, на которые жаловался в последнее время Гарринча, вызваны кровоизлиянием в пищеварительном тракте из-за травмы. Ее он получил во время недавней товарищеской игры, когда вышел на поле с пустым желудком. Накануне матча он пил без меры.

Манозл впервые по-настоящему был напуган заключением врача. Он выполнял все его предписания. Но уже через неделю, почувствовав себя лучше, начал уговаривать доктора отпустить его из больницы.

- Похоже, что я уже поправился, - уверял он Карлоса Мело Рейса. - Мне бы только сходить на одну игрушку, и я тут же вернусь обратно. - Гарринча рвался на стадион, мечтая сыграть за команду ветеранов, созданную недавно руководством Бразильского легиона помощи бывшим спортсменам.

Несмотря на то, что врач отрицательно отнесся к этой просьбе, Гарринча, улучив момент, самовольно убежал из клиники. Обратного он уже не вернулся. Ему было совестно перед доктором за свой поступок. Вечер провел в баре, а спустя два дня снова оказался в больнице.

Накануне Гарринча был на вечеринке. Он шутил, пил только минеральную воду, громко заявляя, что никогда больше не притронется к спиртным напиткам, а затем на время покинул компанию, пошел на кухню, где выпил изрядную дозу кашасы.

В больнице Гарринчу навестил Нильтон Сантос.

- Мане меня не узнал, - рассказывал со слезами на глазах старый друг Манозла, - я застал его в бреду. Это ужасно. Необходимо сделать все, чтобы спасти его.

Слова ветерана, с которым Гарринча на двух чемпионатах мира делил славу, попали в газеты. Но никто не обратил на них внимания. Сам Нильтон жил в бедности и не мог помочь старому товарищу.

- Не знаю, слышал ли он меня, - продолжал Нильтон Сантос, - но я все же сказал ему: «Мане, брат мой, перестань так бездумно проводить жизнь. Будь осторожен, не гневи бога. Займись лечением». Он молча лежал с закрытыми глазами. Дошли ли до него мои слова?..

Нильтон Сантос по-братски жалел друга. Седой негр не знал, что началась агония Гарринчи, которая закончится через три с половиной года.

1980 год Гарринча встретил в больнице. Он находился там полтора месяца, и лишь в канун карнавала врачи разрешили ему ее покинуть. Старые друзья из школы самбы «Мангейра» нашли его и пригласили на карнавал. Растроганный вниманием, он согласился принять участие в нем, хотя чувствовал, что у него вряд ли хватит сил на всю карнавальную ночь. Среди представителей «Мангейры» Гарринча проехал в аллегорической повозке по пасарелле. Он сидел в ней как истукан, его взгляд был отрешен. Карнавал не взволновал его, как раньше. Не обрадовала его и памятная медаль Бразильской конфедерации спорта, врученная ему и еще нескольким ветеранам перед очередной игрой национальной сборной. Запоздалые награды всегда воспринимаются с грустью.

В январе 1981 года у Вандерлей родилась дочь Ливия. Отмечая появление на свет «маленькой крикуньи», как окрестил ее Гарринча, он снова попал во власть алкоголя, пил целую неделю, а потом надолго исчез из дому. Его вновь увидели лишь спустя три месяца на одной из улиц, пересекающих авениду Копакабана. Манозл шел за Элзой Суарес и просил у нее разрешения вернуться...

Шеф отдела репортажей одной из газет Рио связался на рассвете со своим репортером:

- Извини, что звоню в столь ранний час, но мы не можем терять время. Только что нам сообщили из Сан-Паулу, что Гарринча и Элза встретились в отеле «Нормандия» и устроили там большой шум. Кричали, дрались, бегали по коридорам. В общем, скандальная история. Произошло это поздно вечером, а под утро оба выехали одним поездом в Рио. С минуты на минуту они должны появиться на центральном железнодорожном вокзале. Их непременно нужно встретить. Фотограф уже выехал и будет ждать тебя там.

На платформе в утренний час собралось с десяток репортеров, которые приехали встречать Гарринчу и Элзу. Показался электропоезд. Гарринча и Элза вышли последними, явно не ожидая увидеть на перроне журналистов. Гарринча выглядел сонным и усталым. Перед сном он теперь принимал успокоительные лекарства, и они, похоже, еще давали о себе знать. Он попытался затеряться в толпе пассажиров.

- Все у нас нормально. Я ездил в Сан-Паулу, хотел обтупить дельце с «Миллионариосом» и случайно встретил в поезде Креолу. Мы по-прежнему хорошие друзья. Сам я очень устал и спешу домой. У меня и новой жены родилась дочь. Нам нет причины расходиться, нет... - Гарринча невнятно пробормотал эти слова, стремясь побыстрее покончить с интервью.

Элза остановилась на перроне, окруженная репортерами. С присущей ей откровенностью она рассказала, что Мане приехал в Сан-Паулу, чтобы разыскать ее; он говорил, что все хочет изменить, что оставляет женщину, с которой жил в последнее время. Больше она ничего не сказала. На выходе в город Элзу ждали ее водитель и сын Гарринчинья. Она взяла на руки сына и села в свою машину. Гарринча уехал на такси.

Однако в тот же день в вечерней газете был опубликован более подробный рассказ Элзы. Репортер, очевидно, сумел встретиться с ней днем. «Эта женщина - убийца, - так охарактеризовала Элза новую жену Гарринчи. - Ее братья подпоили Мане и сильно его избили. Затем ему сделали во

время сна инъекцию кокаина и сонного перенесли в комнату служанки. Вандерлейя не любит его и ждет его смерти...»

Газеты выступили в защиту Вандерлейи. «Я не виновата в том, что он алкоголик, - заявила молодая женщина. - Он становится веселым лишь, когда выпьет. Гарринча никого не любит и бредит только футболом».

Гарринча продолжал «финтить» до последнего часа.

Ноябрь 1982 года. Первые свободные выборы после двадцатилетнего правления военных. В последний раз Гарринча едет в Пау-Гранде, чтобы проголосовать за избрание губернатором штата признанного лидера бразильской оппозиции Леонела Бризолу.

Рождество он проводит один в столице Бразилиа, куда приехал только для того, чтобы сыграть минут двадцать за местную «Планалтину». 25 декабря он в последний раз в жизни надел футболку с седьмым номером, бутсы и вышел на футбольное поле столичного стадиона, где собралось полторы тысячи зрителей.

Ровно через год столичному стадиону в память о «великом правом крайнем нападении сборной Бразилии», как записано в декрете президента страны, присвоят имя Манозла дос Сантоса Гарринчи. А месяцем позже, в годовщину его смерти, имя Гарринчи получит славный стадион «Ботафого» в Рио-де-Жанейро. То, что порой забывают сделать при жизни человека, совершают после его смерти. Мане немало удивился бы, узнав о такой чести...

Декабрь 1982 года. Гарринча медленно приближается к гибели. После матча в столице он начинает понимать, что футбол на большом поле ему больше не под силу. Приободрить его теперь некому. Рядом нет Элзы, нет и друзей.

Как могло случиться, что столь общительный и радушный человек оказался в огромном, шумном и веселом Рио-де-Жанейро, где каждый знал его в лицо, совершенно одиноким? Знали в лицо, когда он был в зените славы, поражал публику своими удивительными финтами. Когда же Гарринчу стали преследовать травмы и он временно оставил футбол, капризная торсида тут же забыла о своем идоле. Манозл утратил контакты и с бывшими футболистами сборной, с которыми вместе играл на протяжении десяти лет и объездил полсвета. Всех их занимали собственные заботы, и никто не вспомнил о старом товарище, попавшем в беду.

Рождество 1982 года стало для него роковым. Он теряет счет времени, живет как бы в прострации. Неделями не выходит из дому.

Доктор Ана Елена Тейшейра Бастос из клиники доктора Эйраса, куда Гарринчу доставили в состоянии комы, рассказала позже следующее: «Гарринча в течение последних дней находился под давлением острой депрессии, полного нервного расстройства. К тому же его организм из-за отсутствия нормального питания оказался обезвоженным, а в жарком Рио-де-Жанейро это равносильно смерти». Она подтвердила, что больной поступил в больницу из пункта «Скорой помощи» совсем один. Никто его не сопровождал.

Сестра обнаружила его мертвым на полу палаты в шесть часов утра 20 января. Вначале она решила, что он, упав ночью с кровати, повредил череп. Однако, осмотрев его, не обнаружила никакой травмы. Врач, проводивший экспертизу, установил, что причина смерти - алкоголизм, расстройство нервной системы.

Гарринча за последние два года шесть раз попадал в больницу из-за алкогольного заболевания, и никто ему не пытался помочь.

- Умер человек одинокий и забытый, - сказал на другой день в радиопередаче, посвященной памяти Гарринчи, спортивный комментатор Сандро Морейра, хорошо знавший Манозла. - И что особенно больно, он так и не мог понять, насколько был любим и почитаем в народе, какую огромную радость приносил людям его необычный футбол.

Гарринчу хоронили пышно. За гробом шло более трехсот тысяч человек. Процессия начала путь в восемь часов тридцать минут утра со стадиона «Маракана», где в течение суток гроб простоял в центральном вестибюле. На этом стадионе он провел свои лучшие матчи. Здесь зрители увидели его удивительные скоростные проходы с мячом, здесь он получил прозвище «радость народа».

С утра до поздней ночи шли на стадион люди проститься с Гарринчей. Многие оставались около него всю ночь. Пели национальный гимн Бразилии, гимн клуба «Ботафого», любимые карнавальные песни Гарринчи. Наутро вдоль всей авениды Бразил, от ворот стадиона и

до выезда из города, выстроился живой человеческий коридор. Он казался бесконечным. Люди стояли плотной стеной в ожидании траурного кортежа.

Проводить Гарринчу в последний путь вышли даже те кариокас, кто никогда не бывал на футболе, не видел, как играли большие мастера. Но все знали Гарринчу, знали, какую славу он принес стране. Среди провожавших присутствовали знаменитые футболисты. Из действующих игроков проститься с Мане пришли трое: Робертиньо, правый крайний «Фламенго», Луизиньо Лемос, центр нападения «Америки», и Карлос Роберто, игрок средней линии «Бонсусессе». Многие недоумевали: в чем дело? Почему не пришел на похороны Пеле, другие «золотые сборники», с кем Гарринча дважды завоевывал кубок Золотой богини? Пеле потом оправдывался, что боится покойников и всегда избегает участвовать в таких печальных церемониях. Кого боялись другие футбольные знаменитости, так и осталось тайной. Однако многие в Рио-де-Жанейро оценили их отказ отдать последний долг ушедшему из жизни товарищу как еще одно проявление того самого забвения, которому Гарринча подвергся в последние годы своей жизни.

На огромном открытом катафалке корпуса пожарных гроб, усыпанный цветами, был похож на маленькую усыпальницу. Видно было только лицо покойного. Казалось, что он спал в цветах. А люди все несли и несли гвоздики, розы, астры, пионы.

За чертой города к процессии присоединились сотни автомобилей, автобусов, грузовиков. В кузовах стояли, прижавшись друг к другу, плачущие поклонники футбольного таланта Гарринчи. Люди не скрывали своего горя.

Маленькая церквушка на кладбище в Пау-Гранде не способна была вместить такое огромное количество людей, и падре, будучи не в силах преодолеть беспорядок, не смог провести прощальную мессу. Он лишь принял тело покойного.

А люди все шли и шли. Разрушена ветхая ограда вокруг кладбища, повержены зеленые кустарники. В Пау-Гранде спешат пожарные машины, кареты «скорой помощи», отряды полиции. На место происшествия прибыло триста полицейских во главе с полковником Алсиром Лейте, начальником окружной полиции. С трудом удастся предотвратить давку и навести порядок.

После похорон в полупустой бар Доди пришел негр Пинсел, давний друг Мане. Он признавался Доди, что боится умереть от пьянства, как Гарринча, как Свинге. Когда-то они вместе составляли неразлучное трио. Так же умер и отец Гарринчи, весельчак Амаро. Все они оказались жертвами алкоголя.

Пинсел выпил рюмку кашасы и вышел из бара. К нему подходили горожане, пожимали руку, выражали соболезнование как старому другу Гарринчи. Растроганный Пинсел вяло отвечал на рукопожатия. Ему хотелось уйти подальше от толпы. Незаметно для себя он очутился на узкой тропинке, по которой столько раз хаживал с друзьями к плотине. За ним увязалось несколько босоногих мальчишек. Все они серьезно, не проронив ни слова, слушали Пинсела.

- Мы потеряли большого друга, большого человека, «радость народа», - говорил негр. - Гарринча был великим футболистом и очень добрым человеком. Скромный и гордый, он в самые трудные моменты своей жизни никогда не жаловался на превратности судьбы. Но я знал, как трудно жилось Гарринче, как он страдал от несправедливых претензий патронов клуба «Ботафого», которые эксплуатировали его талант, делали деньги на любви народа к его искусству. Он бы мог еще долго играть, радовать публику, учить молодежь футболу. И это не стоило бы клубу больших денег. Гарринча никогда не просил денег, довольствовался тем, что давали. Но дельцы от футбола хотели заработать на нем как можно больше и не помогли ему залечить травмы. А он так любил футбол! Хотел играть еще...

Пинсел взял за руки двух мальчишек, подвел их к обрыву. Внизу мерно шумела река. Тишина висела над плотиной.

- Гарринча здесь чувствовал себя счастливым, - сказал негр. - Когда рыба переставала клевать, уходила на глубину, мы начинали мечтать. Гарринча как-то признался, что хотел бы выиграть Кубок Бразилии, выиграть, разумеется, выступая за команду Пау-Гранде. Мы говорили ему, что это невозможно. Он в ответ хитро улыбался. Удивительно, что Кубок Бразилии он выиграл, уже став чемпионом мира и обладателем Золотой богини. Я не верил, что Гарринча будет играть за классную команду, а Свинге верил... Мане хотел открыть для вас, ребята, футбольную школу. Хотел учить детей футболу. Но никто не помог ему в этом. Да и кому у нас охота возиться с детьми?..

Мальчишки грустно слушали негра. Они жалели Гарринчу, жалели Пинсела. У них не было своего настоящего футбольного мяча. Как только фабрика закрылась, и хозяин распустил

рабочих, в Пау-Гранде перестали играть в футбол. Поле на стадионе заросло высокой травой, покрылись ржавчиной старые железные ворота, подгнили и кое-где развалились деревянные лавочки для зрителей. Стадион напоминал заброшенное кладбище. Ребята гоняли мяч на пустырях, а потом бросили и это.

Пинсел не заметил, как спустился к самой реке. Он зачерпнул пригоршню воды, смочил лицо, выпрямился и сказал мальчишкам, что пора идти домой. Вечерело

Когда они подошли к его дому, Пинсел попросил ребят его подождать у калитки. Через минуту он вернулся, держа в руках не новый, но вполне прочный футбольный мяч.

- Держите! - бросил он его ближайшему пареньку. - Этот мяч-подарок Гарринчи. Давненько он подарил его мне. А теперь я дарю его вам. Играйте, ребята, и любите футбол так, как любил его Гарринча.

Январские газеты Бразилии, Мексики, Колумбии были полны заметками, посвященными памяти Гарринчи, фотографиями разных лет. Вот он вместе с Пеле. Молодые веселые лица. Пеле смотрит на Гарринчу, как на старшего. Когда это снято? Возможно, в Чили. Пеле из-за травмы не удалось доиграть чемпионат. Бразильскую сборную вывел тогда в чемпионы Гарринча.

А вот хорошо знакомая мне фотография. В декабре 1973 года, когда я работал в Бразилии, она обошла страницы всех местных газет. Гарринча, чуть пригнувшись, позирует фотографам в окружении Ривелино, Пеле, Жаирзиньо перед началом прощального матча на «Маракане» Он крайний слева. По его позе, деланной улыбке видно, что Мане чувствует себя чужим среди друзей. Внимание Пеле обращено на Жаирзиньо. Щелчок фотокамеры, видимо, прервал на секунду их беседу.

Гарринча в госпитале, за день до смерти. Сестра склонилась к нему. Серый, невыразительный газетный снимок. Кто-то снимал второпях, не зная, что это последняя фотография живого Гарринчи. Еще один снимок. Манозл со своими птицами. Клетки, клетки. Ими увешан потолок и стены. Одна клетка цепляется за другую. «У меня дома целый птичий хор», - говорил он друзьям. Усталое постаревшее лицо, мешки под глазами. О чем думал в тот момент? Он всегда любил птиц. Они - его единственная отрада в последние годы. Как подходит ему его необычное прозвище! «Порхающий страдалец», «птица с подрезанными крыльями» - это все написано о нем.

«Это был чистый, честный, простодушный человек, он часто рассказывал о птицах» - так сказал Беллини, капитан сборной команды Бразилии 1958 года. Первый, кому дал подержать статуэтку Золотой богини Беллини, был Гарринча.

Странное, роковое совпадение! В год смерти Гарринчи злоумышленники похитили Золотую богиню. И, как ни искали ее самые опытные бразильские сыщики, кубок навеки исчез. Позже пошли слухи, что золотой футбольный трофей воры переплавили в слиток. Преступление лишило Бразилию славной реликвии. В Западной Германии вскоре сделали точную копию кубка. Президент Бразильской конфедерации спорта Коутинью лично ездил за ним в Европу и вернул приз на родину. Гарринчу вернуть уже не удалось.

«Умер великий волшебник, гений стадионов», - сказал о Гарринче Амарилдо, дублер Пеле в Чили.

Гарринча и вправду обладал неким даром волшебства. В первые минуты прощального матча 40-летний Гарринча, как птица вспорхнув над жестким газоном «Мараканы», в мгновение ока обыграл молодого уругвайского защитника - мяч пролетел у того между ног. Рослый уругваец и глазом не моргнул, как оказался позади молнией промчавшегося мимо него Гарринчи. Такие трюки он проделывал еще на тренировках «Ботафого», на заре своей карьеры.

Его финты на поле завораживали защитников, и они останавливались в недоумении, наблюдая за его необычной обводкой.

До сих пор о Гарринче говорят и пишут.

Жюст Фонтен, бомбардир шведского чемпионата: «Гарринча был лучшим правым крайним нападающим за всю историю футбола. Непредвиденные действия, непредсказуемые ходы на поле».

«Здесь, в Бразилии, - сказал Пеле, - нужно каждый день убивать льва, чтобы доказать, что ты - охотник».

Гарринча никогда не стремился выделяться среди других. «Охота», о которой говорил Пеле, его ни в прямом, ни в переносном смысле не увлекала. Он занимался лишь ловлей певчих птиц.

Сократес, капитан сборной Бразилии: «Жизнь Гарринчи является печальным примером того, как наша страна «бережет» своих знаменитых героев».

Зико, преемник Пеле: «Гарринча был одним из самых ярких и популярных людей нашей страны. Я надеюсь, что после его смерти правительство не оставит без внимания его беспомощную семью».

Педро Эскартин, испанский спортивный комментатор: «Смерть Гарринчи опечалила всех, кто любит футбол, в Европе. На старом континенте его хорошо помнят как уникального игрока, несравненного артиста футбола, скорость и экспансивность которого поражали и восхищали всех. Он был настоящим гением футбола, хотя выступал на трудном месте правого крайнего нападающего. И на этом «крайнем» месте он всегда возглавлял атаки, был душой нападения национальной команды Бразилии. Таким мы его запомнили по выступлениям в Швеции на первенстве мира по футболу в 1958 году. Он выделялся даже среди таких звезд, как Диди, Вава, Пеле, Загало. Гарринча стал представителем необычного стиля, доведя до совершенства свое футбольное искусство. Футбол существует уже много десятков лет, но никто ни до него, ни после ничего подобного не видел. Гарринча сочетал в себе футбольное и цирковое мастерство. Он блестяще помогал организаторскому таланту Диди, дополнял пылкого и стремительного Вава, способствовал гениальному самовыражению Пеле, вдохновлял на великий труд интеллигентного Загало, номинально числившегося нападающим, а на самом деле игравшего ключевую роль в середине поля.

Много раз, наблюдая за игрой Гарринчи, мне хотелось сравнить его с великими игроками мирового футбола. Так вот, англичанин Стенли Мэтьюз, которому болельщики присвоили прозвище Чародей, в сравнении с Гарринчей казался маленьким ребенком, немец Ран, автор чудоголов в финальном матче чемпионата 1954 года, с его необычайной уверенностью - скромным практиком, испанец Басора с его молниеносным футбольным мышлением рядом с Гарринчей казался односторонним. И даже Жаирзиньо, соотечественник Мане, большой игрок с собственными футбольными идеями и пониманием игры, лишь доказывал, что настоящий гений - Гарринча. Гарринча остается несравненным.

Это был великий игрок, который побеждал любого противника. Не сумел он одолеть только одного «врага» - самого себя. Поражение в борьбе с самим собой и привело его в могилу».

Простодушный, наивный, добрый. Таким помнят Гарринчу все, кто знал его лично. О его доброте, человечности до сих пор рассказывают истории.

Жоао Салданья, бывший тренер сборной Бразилии, популярный обозреватель, писал: «Уже будучи чемпионом мира, Мане вместе с командой, которую я в ту пору тренировал, приехал на север Бразилии, в город Форталезу. Стоя в дверях отеля, он от нечего делать разглядывал прохожих, время от времени оставляя в блокнотах, которые протягивались к нему, свои автографы, и явно скучал.

Вдруг Гарринча заметил, что в одном ресторанчике толпится народ. В другом, напротив, на противоположной стороне улицы, пусто, и хозяин одиноко бродит вдоль столиков, тщетно ожидая клиентов.

- Хотите увидеть высшую магию? - вдруг спросил у меня Гарринча и, не ожидая ответа, быстро направился к таверне, где царил оживление. Внимание толпы тотчас переключилось на него. Однако, остановившись на мгновение у дверей ресторанчика, Гарринча решительно перешел на противоположную сторону улицы, туда, где скучал хозяин. Он поздоровался с ним за руку и сел за столик, ближайший к распахнутой двери. Заказал стакан пива. Через минуту рядом с Гарринчей сидели два собеседника, а еще спустя две-три минуты уже все столики оказались занятыми посетителями, пришедшими с другой стороны улицы. Гарринча торжествовал. Вскоре он поднялся, расплатился, поблагодарил хозяина и, довольный собою, направился к отелю. Мы его дружно приветствовали.

Хозяин таверны в память о посещении Гарринчи в тот же день подвесил на гвоздь табурет, на котором сидел футболист, а столик, где Гарринча пил пиво, назвал «столиком Гарринчи».

Анекдоты, забавные истории из жизни Гарринчи неисчерпаемы.

После финального матча против сборной Чехословакии, когда Бразилия стала чемпионом мира в Чили, от репортеров не было отбою. Бразильцев чуть ли не силой удерживали на футбольном поле. Каждый игрок подвергался настойчивым атакам представителей прессы. И когда Гарринча, казалось бы, высказав все, что он думает о закончившемся чемпионате, направлялся к входу в раздевалку, на пути его встал еще один репортер с микрофоном в руке.

- Гарринча, скажите, пожалуйста, что-нибудь на прощанье в мой микрофон, - взмолился он.

- Прощай, микрофон! - улыбнувшись, выпалил Гарринча. Наверное, это было самое короткое интервью чемпионата.

Все знали, что Мане и начальник сборной команды Карлос Нассименто не питали друг к другу особых симпатий. В Италии, где бразильская команда остановилась на несколько дней по пути на чемпионат мира в Швецию, Гарринча купил в подарок отцу дорогую фетровую шляпу. Он не хотел ее мять в багаже и решил в пути сам ею воспользоваться. Перед вылетом в Швецию в Миланском аэропорту он неожиданно для всех появился в шляпе. Бразильские футболисты и все члены делегации носили форму - серые брюки, коричневый пиджак, темно-серый галстук. Головных уборов никто не имел. И вдруг Гарринча в шляпе! Карлос Нассименто скорчил недовольную гримасу, которую Гарринча тут же заметил. Тогда он решил подшутить над чиновником от футбола: то снимет шляпу, то наденет, то снимет, то снова наденет на голову.

Начальник команды не выдержал и спросил у Гарринчи, почему он в шляпе.

- Боюсь простудиться, - ответил Мане.

- А почему я не боюсь простуды? - Карлос Нассименто, ожидая поддержки, посмотрел на окружающих их

футболистов и с достоинством провел рукой по своим седеющим курчавым волосам.

- Ваше состояние здоровья, - тут же отреагировал Гарринча, - никак не повлияет на игру команды, а вот если заболю я, сборная Бразилии не досчитается нескольких голов, - закончил он под хохот товарищей.

Так и появился он в шляпе в Гетеборге.

Многие, вспоминая жизнь Гарринчи, говорили о коварстве и вероломстве его бывших руководителей, равнодушно взиравших на беды знаменитого игрока.

Уже после смерти Гарринчи стало известно, что его забвению способствовало не только пристрастие Мане к спиртному. Мексиканский журналист Хосе Мануэл Флорес, написавший в популярном журнале «Импакто» статью, посвященную памяти Гарринчи, отмечал, что за некоторое время до смерти Мануэл провел серию футбольных репортажей по бразильскому телевидению «Глобо» и позволил себе ряд откровенных замечаний, которые заделали за живое многих причастных к футболу. Он с горечью говорил, что ветераны, много лет отдавшие футболу и даже защищавшие цвета национальной сборной, не пользуются вниманием руководства клубов и Бразильской конфедерации спорта. Ведь далеко не все, сказал тогда Гарринча, смогли разбогатеть, как Пеле. Хотя все знают, чего ему это стоило.

Пеле в молодости довелось пережить немало горьких минут. В начале своей карьеры, когда он довольно быстро стал знаменитым, Пеле доверил ведение своих финансовых дел импресарио из Сантоса, который оказался жуликом. Вскоре из-за его сомнительных махинаций «король футбола» остался без гроша в кармане. Пришлось начинать все заново. Наученный горьким опытом, Пеле решил больше не доверяться посторонним, и первое время опирался только на своих ближайших родственников - отца, братьев, сестер. В городе Сантосе он основал торговую контору, наладил связи с Африканскими странами, предлагая им спортивные товары, ткани, обувь и многое другое. Он купил велосипедный завод «Калой», стал активно работать на рекламу. По всей Бразилии распространились в те годы батарейки для радиоприемников с фотографией улыбающегося, преуспевающего Пеле. Стремясь заработать как можно больше, он стал сниматься в кино. Будучи в отличной спортивной форме, еще выступая за «Сантос», он наотрез отказался в пятый раз в составе бразильской сборной поехать на чемпионат мира 1974 года в ФРГ, хотя об этом его просил президент страны, но подписал контракт с американским клубом «Космос», что принесло ему четыре миллиона долларов.

Знаменитый футболист хорошо усвоил волчьи законы капитализма и стал холодным и расчетливым дельцом.

- Пеле очень важный и занятой человек, - жаловался как-то Гарринча на своего бывшего товарища. - Он ни разу не позвонил мне домой по телефону.

Находясь в командировке в Бразилии, я поехал в Сантос, крупный торговый порт на Атлантическом побережье.

Узнав адрес Пеле, поспешил навестить его, чтобы взять интервью, поговорить о футболе. Но не тут-то было. Двухэтажный особняк «короля», едва просматривавшийся с улицы через высокий забор, оказался неприступной крепостью. У ворот маячил вооруженный полицейский, в обязанности которого входило сторожить дом. Я познакомился со скучающим стражем и вскоре выяснил, что в этом доме бывает только теща, а сам Пеле заезжает сюда редко и держит дом для отвода глаз. Семья находится за городом, на другой вилле, а Пеле вместе с футболистами «Сантоса» пять раз в неделю ночует на базе клуба. Однако днем, доверительно сообщил полицейский, его можно застать в конторе.

Контору «Торгового дома Пеле» найти в Сантосе не составляло особого труда, ее знал каждый. Но взять интервью у Пеле мне не удалось. Меня принял брат знаменитого футболиста Зезе. Он вежливо пригласил в свой кабинет и довольно долго расспрашивал о цели визита. Затем он позвонил при мне по телефону Пеле и объяснил брату, что его хочет повидать советский журналист. Пеле назначил встречу на стадионе «Сантоса» на другой день во время очередной тренировки. Довольный обещанием, я распрощался с Зезе и вышел в просторный коридор. К моему великому удивлению, из другой двери в тот же момент стремительно выбежал сам... Пеле. Оказывается, пока я беседовал с братом, он находился в конторе, в соседнем кабинете. «Завтра, завтра, на тренировке!» - прокричал Пеле и исчез за захлопнувшимися тяжелыми дверьми лифта...

В телевизионном репортаже Гарринча говорил также о детском футболе. О том, что юные футболисты в большинстве своем предоставлены сами себе, с ними никто не занимается и что только благодаря любви мальчишек к футболу команды пополняются способными игроками. Однако большинство талантливых ребят за свою жизнь так ни разу и не ступили на настоящий зеленый газон большого футбольного поля. Гарринча подчеркнул при этом, что ветераны бразильского футбола как раз и могли бы стать учителями юных футболистов в специальных школах, которых в стране раз-два и обчелся.

Репортаж Гарринчи не понравился руководителям бразильского спорта, и долгое время футболиста не пускали на порог клубов.

Мексиканский журнал «Импакто», анализируя жизнь Гарринчи, столь печально закончившего свою футбольную карьеру, позволил себе сделать некоторые обобщения. Назывались имена английского футболиста Джорджа Беста, других, которые тоже ведут жизнь, похожую на жизнь Гарринчи. И никто ничего не сделал для угасших звезд футбола.

Тяжелые травмы, сложные отношения с тренерами помешали Манозлу сохранить себя в футболе так долго, как это удалось Пеле. Он далек от рекордов Пеле, хотя на земле, в том числе и в самой Бразилии, мало футболистов, дважды удостоенных звания чемпионов мира. Однако, если Пеле как истинный «король футбола» умел властвовать на поле, подчинять себе игру всей команды, то Гарринча, нередко действуя в одиночку, подчинял сердца зрителей, доставляя им своей необычной игрой огромное удовольствие.

«Гарринча, - писал в своей книге «Гиганты бразильского футбола» бразильский журналист Марко де Кастро, - стал главной надеждой страны. В нем увидели человека, способного повести за собой сборную, сохранить для нее атакующий стиль и обеспечить победу».

Когда Пеле наотрез отказался выступить в составе бразильской сборной на чемпионате мира 1974 года, многие болельщики говорили: «Если бы в сборную снова позвали Гарринчу и он знал, что опять нужен команде, Гарринча бы вернулся».

«Здесь покоится с миром тот, кто был радостью народа».
(Надпись на надгробье Гарринчи)

ПОЕЗДКА В ПАУ-ГРАНДЕ

Белый «фольксваген» по кличке «войж», быстрый и верткий, мчался навстречу солнцу по прямой как стрела авениде Бразил. Эту машину мы с оператором специально взяли в аренду, чтобы беспрепятственно добраться до Пау-Гранде. Позади, в багажном отделении, чуть постукивая на неровностях дороги, лежали штативы, кофры с киносъёмочным и звукозаписывающим оборудованием.

В рабочем плане пребывания в 1984 году в Рио-де-Жанейро, уплотненном до минуты, отводилось время и для посещения родных мест Гарринчи. И теперь мы испытывали удовлетворение от того, что карнавальная суэта не помешала нам отправиться в это небольшое путешествие.

Как вы помните, Пау-Гранде находится километрах в восьмидесяти от Рио-де-Жанейро. По хорошей дороге это от силы час езды.

В бывшей океанской столице Бразилии с пятимиллионным населением почти миллион автомобилей. Эта шумная армада круглые сутки бесконечным урчащим и воющим потоком мчится по широким скоростным авенидам и маленьким улочкам. В зависимости от времени суток и ширины магистрали этот поток то редет, то уплотняется. Он нетерпеливо рычит, остановленный красным светом светофора, бешено срывается с места навстречу зеленому сигналу, проскакивает перекрестки на желтый.

За два десятка лет Рио вырос в три раза. Если раньше город теснился между горами и океаном, то теперь, выйдя через туннели и прорубленные между скал расщелины-проезды за границы горной цепи, он заполнил огромное пространство за грядой прибрежных гор.

Рельеф затрудняет строительство виадуков в Рио-де-Жанейро. Практически лишь один из них соединяет внешнюю и внутреннюю части города, нависая тяжелой тенью над пролегающими под ним улицами. Виадук строился долго. В 1971 году из-за просчетов архитектора и подрядчиков среди бела дня один из его пролетов рухнул, погребя под бетонными плитами более тридцати автомобилей и автобусов с людьми. Трагедия потрясла город, и долгое время виадук висел на бетонных опорах недостроенный. Но постепенно беда забылась, и строители, восстановив рухнувший пролет, довели до конца начатую работу. Скоростная надземка приняла на свои могучие плечи солидную часть городского автотранспорта и с тех пор безропотно выполняет миссию основной магистрали, связавшей юг и север города. Почти прямая магистраль проходит через два больших туннеля. Один из них, самый длинный в стране - более двух километров, пробуравил насквозь подножие огромного гористого массива. В туннеле, несмотря на вечно жужжащие мощные вентиляторы, всегда стоит горький запах выхлопных газов, и каждый водитель старается проскочить этот мрачный этап пути на едином вдохе. Беда, если поломка или лопнувшая шина останавливает в туннеле хотя бы одну машину. В считанные секунды создается пробка, «раскупорить» которую в течение двух-трех часов не в силах целый отряд полиции.

Водитель, неуверенно ориентирующийся в городе, сталкивается с одной трудностью. Со стороны озера Родриго Фрейтас из-за сложности развязок и несовершенной системы указателей порой бывает трудно вписаться в основной поток мчащихся с большой скоростью автомобилей, и тогда ваша машина вынуждена в объезд через всю пляжную зону, через центр города, а затем вдоль бесконечных портовых складов выбираться на авениду Бразил. До недавнего времени эта улица являлась единственной, по которой можно было выехать из Рио-де-Жанейро. Нетрудно представить, сколько на ней скапливалось машин!

Мы удачно выбрались из транспортной круговерти, хотя и потоптались немного перед въездом в главный туннель, ожидая, когда впередиидущий поток машин проскочит трудный участок.

Вырвавшись на виадук, машина промчалась над крышами невысоких зданий промышленной зоны города и попала на пятирядное загородное шоссе. Рио как-то сразу остался позади. В раскрытые окна машины врвался жаркий тропический ветер, увеличивая и без того большой шум работающего на полную мощность мотора.

Быстро ездят в Бразилии. Иной раз на горных дорогах нет-нет да и встретишь дорожный знак, запрещающий ехать со скоростью больше 110 километров в час. И это, повторяю, на горных дорогах. Мимо проносились разномастные автомобили, легко обгоняя наш «фольксваген», хотя стрелка спидометра не уходила с отметки «100». Скорость нередко губит даже самых умелых

бразильских водителей. Несколько лет назад на автостраде Рио-де-Жанейро - Сан-Паулу столкнулись, не сумев притормозить, сразу сто шесть автомобилей.

Зной подгоняет водителей, а хорошее покрытие дорог, за которыми в Бразилии тщательно следят, способствует быстрой, безудержной езде. Большинство автострад - платные. Через каждые 100 - 150 километров дорогу перекрывают гигантские заборы - «педажио», где с каждого шофера взимается плата за проезд. Основная часть получаемых таким образом средств ассигнуется на ремонт и замену асфальтового покрытия, восстановление разметки, а также на организацию работы техобслуживания. Машины службы технической помощи постоянно курсируют вдоль дороги.

У нас не было путеводителя, и, выехав за черту города, мы вскоре занялись расспросами.

Представители дорожной полиции нам не встретились, пришлось обращаться к пешеходам. Не все знали, где находится Пау-Гранде. Многие вообще не слышали о городе с таким названием. Другие советовали доехать до Петрополиса и справиться там. Третьи долго раздумывали и давали неуверенные ответы. Наконец один из расспрашиваемых нами бразильцев спросил, что мы там ищем? И когда мы сказали, что едем на родину Гарринчи, его взгляд просветлел, на лице появилась улыбка:

- А-а, Пау-Гранде! Ну конечно, там родился и похоронен Гарринча! - Начались подробные объяснения, где сворачивать и что переезжать. Но сообразив, что всю информацию мы все равно не запомним, словоохотливый бразилец посоветовал спрашивать не Пау-Гранде, а город, где жил Гарринча.

Мы последовали его совету, и вскоре, свернув с автострады, наш «войж» попал на узкую тихую дорогу. Изворачиваясь между приземистыми пальмами и небольшими холмами, заросшими высокой сочной травой, она уводила нас по раскаленной на солнце брусчатке все дальше от цивилизации. Минуя железнодорожный переезд, высокий мост над узкой бурной речкой, мы попали прямо на центральную улицу тихого зеленого городка. Это и был Пау-Гранде. Вдали виднелась невысокая платформа станции. Много лет назад ездил отсюда в Рио-де-Жанейро Гарринча. В пятидесятые годы железная дорога была самым удобным путем, связывавшим эту зону с атлантической столицей Бразилии* (До 1961 года столицей Бразилии был Рио-де-Жанейро).

Чистые, беленные известкой одноэтажные домики утопали в зелени гигантских акаций и фикусов.

Остановившуюся машину окружили мальчишки. Одного из них, наиболее смышленного на вид, я попросил стать нашим гидом. Он согласился, предварительно оговорив плату за услуги. Запросил он скромную сумму, скорее Всего, парню просто захотелось, чтобы его труд был оплачен. Такие самодельные гиды встречают туристов почти в каждом провинциальном бразильском городке. Обычно они провожают гостей до ближайшей гостиницы. И если приезжие соглашаются там остаться на ночлег, гид получает от хозяина дополнительную плату. Полезное сотрудничество для всех сторон: усталому с дороги водителю помогают быстро найти приют в незнакомом городе, хозяину гостиницы достается клиент, а гиду - честно заработанные крузейро.

Мы не собирались ночевать в Пау-Гранде и поэтому попросили проводить нас сначала в знаменитый бар Доди. Паренек важно уселся на заднее сиденье машины. Но проехали мы всего один квартал. Наш провожатый вышел у заведения с проржавевшей от времени вывеской «Ресторан». Дверь в ресторан была приоткрыта.

Небольшой зал, главной достопримечательностью которого являлась высокая, во всю стену стойка с бутылками, оказался пуст. В столь ранний час, как мы поняли, в Пау-Гранде никто не пьет. Впрочем, мальчишка, который нас сопровождал, оказался очень проворным. Он быстро выудил из огромного чана со льдом две крохотные бутылочки пива, протер их наскоро тряпкой, мгновенно отделил пробки, упершись горлышками бутылочек в нехитрый прибор, прикрепленный к внешней стороне стойки, и поставил пиво на столик. Мы сели. Хозяин не появлялся. Из-за занавески вышла пожилая негритянка. Пиво оказалось холодным и свежим.

- Хозяин вернется только завтра, уехал по делам в город, - сказала она нашему гиду и, не удостоив нас взглядом, снова скрылась за занавеской. Пока хозяин отсутствовал, в ее обязанности входило лишь получать с клиентов деньги.

Следующим пунктом нашего маршрута был дом, где Гарринча родился. Пришлось снова сесть в машину и проехать теперь уже два квартала. Теперь мы увидели городок как бы изнутри, который был не таким привлекательным, как его «фасад». Нештукатуренные кирпичные стены строений потемнели от влаги и времени. От почерневших оконных рам и такого же цвета

деревянных дверей веяло стариной. Похоже, что все эти здания появились здесь еще во времена Тирадентиса* (Тирадентис - борец за независимость Бразилии в XVIII веке).

А вот и заброшенное помещение бывшей текстильной фабрики «Америка фабрил». Вывеска еще красовалась над искривленными воротами. Двор захламлен ржавым металлом, колесами, трубами. Обычная картина заброшенного производства.

- Почему закрылась фабрика?

Мальчишка-гид сначала в недоумении поводит плечами.

- Не выдержала конкуренция, - произносит он наконец явно услышанную от взрослых фразу.

- А вот и дом Гарринчи, - показывает он на домик-развалюху, такой же древний, как и почерневшие стены фабрики.

- Здесь он родился?

Снова долго ждем ответа. Вокруг нас собирается народ. Нас бесцеремонно обнюхивают тощие собаки. Подходят какие-то парни.

- Нет, Гарринча родился не здесь, - говорит один из них. - В этом доме жила семья Амаро. Гарринча здесь вырос.

Далее идем уже все вместе. Чтобы развеять их настороженность, объясняю цель нашего приезда. Парней удивляет, что мы прибыли так издалека. «Приехали специально в Пау-Гранде, чтобы побывать на родине Гарринчи?» Я говорю, что Гарринчу помнят в нашей стране и хотят знать о нем побольше. Эта фраза явно располагает к нам парней, их языки развязываются.

Мы подходим к квадратному пруду. Вокруг водяной глади невысокие, заросшие зеленой травкой берега. Мостки, нависшие над водой. Как выясняется, это излюбленное место Гарринчи. Здесь он мальчишкой любил нырять и плавать. Кто-то из сопровождающих для иллюстрации, что ли, бросается в омут. Выныривает, смешно и громко отплеываясь. За мальчишкой в воду прыгает ленивая собака. Зной становится невыносимым. Соленый пот, не задерживаясь на бровях, льется на веки. Глаза саднит. Тропинка уводит от пруда в лесок. На его опушке разместился шалаш, сложенный из толстых веток и досок. На нем надпись: «Бар Гарринчи». Вот так неожиданность! У бара толпятся хмурые молодые люди. Вокруг ни души. На секунду обуревают оторопь. Старший из сопровождающих нас парней что-то быстро объясняет стоящим у бара.

- Почему «Бар Гарринчи»? Разве он здесь бывал? - спрашиваем мы.

- Нет, бар новый, открыт недавно. Здесь бывают туристы, впрочем, заходят и местные - те, кто купается в пруду, - чтобы утолить жажду.

Хозяин бара встречает незнакомых людей настороженно, так как еще не зарегистрировал свое заведение и принимает их за налоговых инспекторов, которые могут наложить штраф или конфисковать имущество и товар.

Угощаем всех кока-колой и, пожурчав кинокамерой, возвращаемся к машине.

Она накалилась, как пустая кастрюля на огне, и, прежде чем в нее сесть, мы распахиваем все двери и окна.

Снова не спеша едем по пустынной улице.

В небольшом опрятном и совсем не старом домике живет молодая семья. Хозяйка - старшая дочь Гарринчи. Тереза робко приглашает нас в дом. На гладкой белой стене знакомая фотография - Манозл и Наир в окружении дочерей.

- Вот эта девочка, справа от отца, я, - говорит, смущаясь, Тереза. - Мне тогда только исполнилось три года.

- Давно вы живете в этом доме?

- Нет, недавно. Домик помог купить отец. Он всем старшим дочерям дал деньги на покупку домика или квартиры. Заработал на «Маракане». - Тереза, очевидно, имеет в виду прощальный матч Гарринчи.

- Вы хорошо помните отца, как вы к нему относились?

Тереза пожимает плечами. В Пау-Гранде, кажется, все так поводят плечами, прежде чем ответить на вопрос.

- Отец был хороший человек, очень добрый.

- Почему он так рано умер?

- Пил, - кротно говорит молодая женщина и отворачивается. На лице горькая гримаса.

Муж Терезы работает в Петрополисе, маленькая дочь, чем-то напоминающая Гарринчу, прячется в подол матери. Тереза, крупная, спокойная, не по годам располневшая женщина,

проводит нас на террасу. Кратко рассказывает о жизни остальных сестер. После смерти матери все они уехали в Рио-де-Жанейро. Младших взял в свой дом отец.

- Кто еще из родных отца остался в Пау-Гранде?

- Дядя Жозе. Его дом рядом, за углом.

Жозе - старший брат Гарринчи, родился в том же году, что и Манозл. Сильно располневший человек с красивыми усталыми глазами. Как и у Манозла, под глазами черные глубокие круги. Мы рассаживаемся в плетеных креслах на веранде и начинаем беседу. Жозе не красноречив, но очень доброжелателен.

- Мане здесь считается кумиром. Смотреть на его футбол приезжали люди со всей округи. Одно время мы вместе играли за команду фабрики. Он был настоящим атаканте* (Атаканте - нападающий в футболе (браз.)).

- Ну а каким братом был Гарринча?

- Мы с ним никогда не ссорились, хотя иногда носили одну рубашку на двоих. Мане любил лес, птиц, речку. Он часами пропадал там, забывая и про школу и про уроки. Отец редко ругал его за это, говоря, что не всем легко дается грамота. Сам он еле-еле читал по складам. Отец говорил, что в жизни все зависит от удачи. Он до своих последних дней считал Гарринчу среди нас самым удачливым. Шутка ли, играл за настоящую футбольную команду в Рио-де-Жанейро и даже стал чемпионом мира!

- Ну а как вы считаете, отец был прав?

- Не совсем, хотя Гарринча имел большие способности. В школе он учился неважно, но быстро стал читать и знал много историй, почерпнутых из книг. В Пау-Гранде среди мальчишек слыл заводилой. Он больше всех ловил рыбы на плотине, у него жили самые красивые певчие птицы. Клетки для них он делал сам. Ну а в отношении футбола, тут и говорить нечего. Вы знаете, что это был великий мастер. Гарринча играл весело и без усталости. У него всегда было желание играть. К тому же брат обладал железным здоровьем, крепким сердцем. С таким сердцем ему бы играть и играть. Но ему отказывали в контрактах. Брат очень страдал от этого. Его как будто искусственно отлучали от футбола. А футболом он жил, да и зарабатывать он мог только футболом.

У нас в Пау-Гранде Манозла все считали справедливым человеком. Это качество его характера не нравилось в Рио. Там боялись его прямоты, поэтому быстро от него избавились, когда из-за травм он стал играть хуже. Это звучит странно, но это так, я знаю, - завершил свой рассказ Жозе.

В разговор вступает жена. Она считает, что если бы Манозл жил по-прежнему в Пау-Гранде, он бы не умер так рано. Его погубил большой город, большие деньги, которые он на умел хранить, и слава. После него в Пау-Гранде уже больше никто так не играет в футбол.

Мы просим показать нам стадион, где начинал свою карьеру юный Гарринча.

После прохладной террасы на улице, наполненной солнечным зноем, кажется невыносимо жарко. От жары попрытались даже собаки. Жозе охотно садится в машину, и мы проезжаем еще два квартала.

Ворота стадиона украшает полосатая эмблема, очень похожая на герб «Ботафого». Дорога к стадиону заросла высокой травой. Поле скорее напоминает заброшенное кладбище, чем площадку для занятий спортом. По краям трава выросла чуть ли не до пояса. На воротах остатки сгнившей сетки. Когда-то в эту сетку влетали мячи, забитые Гарринчей. Мы пытаемся заснять стадион на кинолентку. Трудно найти удобную точку.

- Гарринча обычно играл чуть правее центра, но никогда с ним рядом не играл правый крайний нападения, - вспоминает Жозе. - Он любил простор в атаке. Когда начинал обводить, обыгрывал защитников на высокой скорости, используя большой участок поля. Впрочем, умело действовал и на коротке. Избавившись от опеки, стремительно бежал по краю и делал навес в штрафную или резал угол и сам выходил на ударную позицию. Маневры повторялись, но никто не знал, что он предпримет в следующий раз...

Гарринча и сам, наверное, не знал этого и действовал по наитию, часто добиваясь успеха. Он обладал сверхъестественной скоростью, умел срываться с места и мчаться с мячом к чужим воротам или на всем ходу вдруг останавливаться, и тогда преследователи проскакивали мимо него. Он крепко стоял на ногах и вел мяч, прикрывая его корпусом от наскоков защитников. Его пытались остановить, в открытую свалить на землю, сбить с ног грубым приемом. Но он увертывался, подпрыгивал, подбирая под себя ноги, перескакивая через тела обманутых им

противников, и продолжал вести мяч. Такие маневры приводили в восторг и зрителей и игроков. Товарищи нередко ему аплодировали. Какой-то особой подсечкой закручивая мяч, он отбрасывал его в сторону, и тот послушно останавливался перед ним, словно собака по команде хозяина. Его маневры порой напоминали цирковые трюки, но это никогда не было в ущерб атаке. Забивая голы, он как ребенок радовался успеху. И еще, - добавляет Жозе, - я не помню, чтобы он не хотел играть или отлынивал от тренировок. Это был влюбленный в футбол человек, и футбол многие годы платил ему той же любовью.

Жозе умолкает, и мы слышим, как в соседнем леске трещат цикады.

- Его хоронили, как народного героя, - добавляет Жозе. - Некоторые матчи на первенстве мира он и в самом деле проводил героически.

Мы возвращаемся в машину и едем на кладбище. По дороге Жозе выходит. Что-то мешает ему поехать с нами. Прощаемся. Мы сворачиваем с главной улицы и выезжаем из городка. Вокруг пустынно. Машина медленно взбирается на холм. Огромные, как лопухи, листья фикусов хлопают по кузову автомобиля. Фикусы дают густую тень и не требуют влаги. На пустыре торчат трехметровые банановые растения. И хотя банан, как утверждают ботаники, разновидность травы, такую гигантских размеров траву иначе как деревом не назовешь.

Вдали появляется белая опрятная церковь с небольшой колокольней.

Ворота кладбища распахнуты настежь. Мальчишка-гид уверенно ведет нас мимо мраморных и бетонных памятников вверх по узкой аллее. Затем он останавливается у большой белой мраморной доски. На ней выбиты слова: «Здесь покоится с миром тот, кто был радостью народа. 28.10.33 г. - 20.1.83 г. Мане Гарринча».

Тишина. Полуденный зной утихомирил даже теплый ветерок, который завис где-то между густой листвой деревьев, растущих поодаль.

Мы молча стоим у могилы великого футболиста, думаем о Гарринче. Как не вяжется эта скромная тихая обитель с шумом огромных стадионов, где Манозл играл в футбол! Он всегда выходил на поле пряча улыбку, выходил как на праздник. После особенно удачных матчей Гарринчу выносили на руках. А теперь вот это белое надгробие...

Вместе с Гарринчей надолго ушла с бразильских стадионов радость. И хотя в конце семидесятых годов из полуторамиллионной армии бразильских футболистов вышли такие замечательные мастера, как Фалькао, Зико, Сократес, Серезо, никто из них не сумел доставить публике столько восторженной радости, как Гарринча. До сих пор трудно понять, почему в 1982 году в Испании лучшая сборная мира, команда Бразилии, уступила пальму первенства итальянцам? Быть может, ей как раз и не хватало эмоционального подъема в игре, импровизации в атаке и великой жажды победы, которую всегда испытывал на футбольном поле Гарринча. Техничности оказалось мало для завоевания Кубка мира.

Футбол зовется игрой. А чтобы игра доставляла радость и зрителям и футболистам, игроки должны выходить на поле, как на праздник. Так выходили на матчи наши великолепные мастера прошлого братья Старостины и Дементьевы, Василий Трофимов и Василий Карцев, Владимир Демин и Всеволод Бобров, Борис Татушин и Сергей Сальников, Игорь Нетто и Эдуард Стрельцов. Вспомните, как с размахом, от всей души играл хозяин ворот и штрафной площадки Лев Яшин! Хмурые, озабоченные лица футболистов бросают тень на трибуны. Каким бы ни был напряженным тот или иной матч, футбол живет не для очков, а для народа.

Мы идем за кинокамерой. У ворот кладбища видим длинную белую машину. Сидящие в ней люди пристально рассматривают нас. Один из приезжих вертится возле нашего «войяжа», заглядывая через закрытые окна внутрь.

Мы переглядываемся с мальчишкой-гидом. Он отводит глаза. Служба безопасности. Что она делает здесь, на кладбище? Мы кивком здороваемся с непрошеными гостями, хотя гости здесь мы. Спокойно раскрываем свои кофры. Вынимаем камеру и с нею возвращаемся обратно. Надо продолжать киносъемку. Охранники бесцеремонно идут за нами. От жары слепнут глаза. И тут оператор передает одному из сопровождающих свой тяжелый штатив. Помогите, мол, ребята, отнести на пригорок. Жест доверия встречает одобрение. Охрана начинает понимать, что мы в самом деле интересуемся только Гарринчей. Завязывается разговор. Мы снимаем все, что нам нужно, и идем вниз к своей машине. Новые знакомые советуют, как лучше выехать на трассу. Прощаемся. Белый лимузин еще несколько минут следует за нами, а затем скрывается за поворотом. Завозим гида в городок, отсчитываем ему в черную ладошку честно заработанные круэйро и направляемся в Рио-де-Жанейро. Позади остается плотина, где рыбачил Гарринча,

лесок, где он ловил пташек, роща, где ребята из Пау-Гранде срывали бананы. Дорога становится шире. Темно-зеленые фикусы все быстрее убегают от нас, растворяясь в жарком мареве позади. Нам указали и в самом деле хорошую дорогу, которая в считанные минуты выводит нас на главную автостраду. Вливаемся в бешеный поток машин и мчимся вместе с ним в гигантский Рио, к его отелям, пляжам и стадионам. Прощай, Гарринча, «радость народа»!

Это был лучший правый крайний нападения за всю историю футбола.
(Газета «Эль Диа», Мексика)

ПОСЛЕДНИЙ ГЕНИЙ ФУТБОЛА

Все воскресные матчи на Кубок Бразилии, 23 января, игравшиеся спустя два дня после похорон Гарринчи, начинались с минуты молчания. Миллион бразильцев на шестнадцати стадионах чтит память человека, посвятившего всю свою жизнь футболу.

...В Рио прохладно и дождливо. Вторую неделю каждый день идут «вечерние дожди». Они начинаются точно по «небесному расписанию» в три часа дня и заканчиваются к девяти вечера, как раз к началу футбольных матчей на «Маракане».

В ложе прессы пустовато. Холодный ветер, гуляющий вдоль рядов кресел, загнал журналистов в бар под трибуну. До начала еще есть время немного поболтать за чашкой кофе (спиртные напитки на «Маракане» не продаются со дня открытия стадиона). Игры в будние дни никогда не начинаются точно в девять.

Разговоры в основном ведутся вокруг футбола, обсуждается игра отдельных футболистов. У Армандо Ногейры, автора увлекательной книги о звездах бразильского футбола «Мяч в игре», немало воспоминаний, связанных с прошлым. Ногейра считает, и с ним многие соглашаются, что раньше играли лучше (испанское поражение еще горько отдается в душе каждого бразильца).

- Кто нынче, к примеру, сравнится с Диди, Пеле, Гарринчей, другими мастерами шестидесятых - семидесятых годов, навечно завоевавших для Бразилии Золотую богиню? - рассуждения Армандо находят под держку, особенно когда он говорит о Гарринче. - Манозл, несомненно, остается непревзойденным импровизатором на поле, талантливым от бога, как принято говорить.

И все снова с горечью признают, что он безвременно ушел из жизни.

В разговор вступает Айморе Морейра, бывший старший тренер бразильской сборной на мировом чемпионате в Чили в 1962 году.

- Потребуется еще сто лет, чтобы появился такой игрок, как Гарринча, - говорит он. Все молча соглашаются с ним. - Ни один защитник мира, кому довелось играть против Гарринчи, - продолжает Морейра, - не мог противостоять его знаменитым финтам. Он всегда обыгрывал защиту на правом краю поля, никто не мог нейтрализовать его действий. Таких мастеров принято называть гениями. Гарринча, вне сомнения, остается пока последним гением футбола.

Долгожданный свисток судьи заставляет нас покинуть уютный бар и подняться на прохладную трибуну. Ложа прессы на «Маракане» занимает огромное пространство. Она разместилась на самой удобной трибуне, как раз под правительственным балконом, прикрытым небольшим козырьком. Журналистам отвели это место на стадионе еще в 1950 году, во время чемпионата мира, когда в Бразилию съехалось более двух тысяч репортеров со всего света. Теперь даже на самых престижных матчах в ложе прессы бывает от силы полторы-две сотни корреспондентов. Остальные места занимают люди со стороны, или, лучше сказать, те, кто не пишет о футболе. И поэтому ложа прессы реагирует на перипетии игры порой так же восторженно и громко, как и архибанкада.

Игра начинается, но она еще не захватила журналистов, которые продолжают разговор, начатый в баре.

- Главная душевная проблема Гарринчи состояла в том, - размеренно, по-репортажному чеканя слова, говорит Жоан Салданья, - что он слишком долго не мог отказаться от профессии футболиста. Травма спровоцировала появление артрита, сопровождающегося болями, что явилось главной причиной расставания с «Ботафого» и сборной страны. Но он до последних дней жизни видел себя на поле. В 47, в 48 лет он все еще полагал, что может выступать не хуже иного молодого. Это было роковым заблуждением. Его угнетало одиночество, а появиться на стадионе в ином качестве - тренера, журналиста, радиокомментатора - ему не удалось. Да и никто не захотел ему помочь в этом. Гарринчу покинули неверные «друзья», толпой окружавшие его, когда он находился в зените славы и деньги текли к нему рекой. Вот почему расставание с футболом сделало его самым несчастным человеком на свете. Он так и не сумел найти достойного занятия, хотя пробовал себя во многом: и в качестве детского тренера, и даже телевизионного комментатора. Но все это было временно. Руководство клуба «Ботафого» поступило с ним, как с мальчишкой, переведя без особых оснований в «Коринтианс», где он вышел на игру плохо подготовленным. Это отрицательно сказалось на закате его карьеры. Вместо того чтобы помочь ему с лечением, руководители «Ботафого» просто избавились от ветерана, которому обязаны

многими славными победами клуба. Все хорошо знают, что, когда команда выступала за рубежом с Гарринчей, сборы вырастали по меньшей мере вдвое...

Кто-то напомнил Салданье, что одно время Гарринча увлекался деятельностью в легионе бразильских ветеранов спорта, где он вместе с такими известными игроками, как Вава, Жаир, Алсир, давал уроки футбола бедным детям на земляных полях в пригороде Рио. Эта работа настолько низко оплачивалась, что Гарринче не хватало денег даже на пропитание.

- Если бы Бразильская конфедерация спорта или какое-либо другое учреждение, - снова вступает в разговор Айморе Морейра, - назначила Гарринче небольшую пенсию, чтобы он мог заниматься этим делом, он бы остался доволен. Сознание того, что он еще нужен, пусть детскому футболу, помогло бы ему перебороть пристрастие к спиртному...

На поле возникает острый момент, и беседа на некоторое время прерывается. Первым нарушает молчание спортивный комментатор Сандро Морейра:

- Зачем, казалось бы, ему было метаться по клубам, выходить по два-три раза за «Коринтианс», «Фламенго», ездить в Колумбию, Италию, Югославию, чтобы выступать за команды, о которых в Бразилии никто никогда не слышал? Честный и простодушный Гарринча не стремился делать деньги на футболе, он всегда довольствовался малым. Потому и умер в абсолютной бедности. - Он умер, - добавляет Морейра, - от того, что потерял любовь тех, кто совсем недавно радостно аплодировал его удивительному футболу.

Никто не возражает. По всему видно, печальные обстоятельства смерти Гарринчи вызывают у многих чувство стыда.

- Его поместили в дешевую больницу, оставив практически без внимания врачей. В приемном покое его даже не узнали, записав в книгу прибывших пациентов под именем Манозла Сильва, человека без роду и племени. Когда же по радио объявили о кончине Гарринчи, Бразилия встала на колени в память о нем.

Без помощи, без денег, оставшись совершенно одиноким, умер, как последний бродяга! И это в Бразилии, где футбол составляет часть национальной жизни! В стране, где Гарринча в течение многих лет оставался главным героем самых трудных, решающих матчей!

Сандро Морейра позже напишет, что в Гарринче бразильцы любили прежде всего шутника, творившего на поле чудеса клоунады. Он, словно Чарли Чаплин в кино, выражал своей игрой горькую иронию. Эмоциональные бразильцы, восхищаясь его мастерством, ценили в Гарринче доброту, простодушие, юмор и отвагу. В его жизни была большая любовь - к Элзе Суарес. Но именно после нескольких счастливых лет их супружества и началась его деградация. Очутившись в богемной обстановке ночных клубов и кабаре, которая окружала жену-певицу, он потерял себя.

Он остался мифом, сказкой, полузабытым сном, легендой, ушедшей в иной мир.

В конце 1985 года в мексиканскую столицу съехались представители футбольных федераций, тренеры из многих стран мира, руководители ФИФА, журналисты газет, радио, телевидения, чтобы принять участие в волнующем ритуале, предваряющем каждый чемпионат мира по футболу, - жеребьевке.

Театр «Беллас artes», знаменитый храм мексиканского искусства, в последний момент отказал предоставить свой зрительный зал для проведения церемонии, сославшись на то, что футбол - это только спорт, он далек от мира искусства и ему, мол, не место в театре, где проходят спектакли лучших оперных и балетных трупп мира. Спорить с дирекцией театра не стали, и тогда Гильермо Каньедо, председатель организационного комитета первенства мира по футболу 1986 года и вице-президент крупнейшей телевизионной компании Мексики «Телевисы», предложил провести жеребьевку в помещении огромной концертной студии недавно отстроенного комплекса телекомпании в гористом районе Мехико Сан-Анхель.

Жеребьевку проводил исполком ФИФА во главе с президентом бразильцем Жоао Авеланжем. В свое время, будучи председателем Бразильской конфедерации спорта, он немало сделал для того, чтобы привлечь на сторону Москвы, при выборе места проведения Олимпийских игр 1980 года, представителей спортивных кругов стран Латинской Америки.

Чтобы дать краткую характеристику этому человеку, показать, насколько он предан футболу, достаточно привести такой пример. В марте 1980 года, в самый разгар разнузданной антиолимпийской пропагандистской кампании, развязанной бывшим президентом Соединенных

Штатов Америки Картером, предложившим западному миру бойкотировать Игры в Москве, Авеланж дал интервью автору этих строк, которое опубликовали многие газеты.

«Я уверен, - сказал тогда Авеланж, - что у нас* (Имеются в виду организаторы олимпийского футбольного турнира) не будет никаких проблем с Олимпиадой. В Москве соберется весь цвет современного спорта. Это будет прекрасный спортивный праздник. Украшением его, надеюсь, станет футбол. Наша федерация направляет в Москву весьма представительную делегацию - свыше 70 человек. Это не считая судей, назначенных ФИФА для проведения футбольного турнира. В состав делегации входят члены технической, арбитражной и дисциплинарной комиссий. В Москву приедут также представители нашей организации любительского футбола.

Хочу воспользоваться случаем, - подчеркнул Авеланж, - чтобы еще раз заверить организаторов Олимпийских игр в Москве, других руководителей советского спорта, что ФИФА гарантирует сотрудничество, помощь и дружбу».

Авеланж сдержал свое слово и не обманулся в ожиданиях: Игры в Москве, в частности их футбольный турнир, стали яркой страницей истории мирового спорта.

Авеланж настойчиво и последовательно претворяет в жизнь свою программу развития мирового футбола. ФИФА удалось сдвинуть с мертвой точки футбольное движение в странах Центральной Африки, в ряде молодых государств Юга Африки. Теперь успехи футболистов этих стран хорошо известны. Руководство ФИФА заботит развитие молодежного и юношеского футбола. Авеланж считает, что без регулярных чемпионатов мира среди молодежных и юношеских команд дело трудно продвинуть вперед. И такие чемпионаты теперь регулярно проводятся.

Первый из них состоялся в Тунисе в 1979 году. Чемпионом мира стала сборная команда Советского Союза. Второй чемпионат был проведен в Японии. Первое место заняла команда Аргентины. Второе - Советского Союза. Два следующих первенства, проходившие в Мексике и Москве, выиграли юниоры Бразилии. Анализируя спортивный уровень этих первенств, Авеланж неоднократно говорил, что все команды, участвовавшие в финальной стадии чемпионатов, выглядели хорошо. Молодые футболисты продемонстрировали современный футбол, футбол ближайшего будущего. «Таким .мы надеемся увидеть и очередной, XIII чемпионат мира среди взрослых здесь, в Мексике», - отметил в заключение Авеланж...

На жеребьевке в концертной студии «Телевисы» Авеланж выступил с речью, в которой сообщил присутствующим основные принципы предлагаемого ритуала и комплектования групп.

Все прошло благополучно, к великой радости как мексиканских организаторов чемпионата, так и представителей международного футбола. Четырехлетний внук Каньеды Луис Хавьер Барросо старательно тянул из огромного стеклянного бокала голубые шары. Двое других рэбят, постарше, - желтые. В итоге все команды более или менее справедливо распределились по группам, и Авеланж в прекрасном расположении духа давал бесконечные интервью окружившим его у выхода из концертной студии плотной стеной репортерам. Я тоже дождался своей минуты. Президент ФИФА сказал мне: «Я неоднократно говорил многим, что считаю советскую команду, с одной стороны, изящной и тонкой, а с другой - очень сильной и опасной, потому что, когда перед ней встала необходимость обязательно выиграть три заключительные игры, от которых зависел выход в финал из шестой европейской группы, она победила в этих матчах, показав не только большое техническое умение, прекрасную физическую подготовку, но и огромное желание непременно участвовать в розыгрыше Кубка мира по футболу».

Авеланж тогда пошутил: «Для сборной Бразилии и СССР хорошо, что они не встретятся на начальной стадии групповых турниров». И я подумал о том, что бразильская сборная еще во времена Гарринчи оказалась для советских футболистов камнем преткновения.

И тут я рассказал Авеланжу, что пишу книгу о Гарринче и хотел бы включить в нее его мнение об этом выдающемся мастере и незаурядном человеке. Авеланж, время которого тогда было крайне ограниченным, все же назначил мне встречу в тот же день в отеле «Камино реаль».

На встречу с Авеланжем, боясь застрять в автомобильных городских пробках, я приехал загодя. Сидя в холле отеля, я с любопытством разглядывал людей, проходивших по нему. Вот в окружении большой свиты прошел тренер итальянской сборной Энцо Беарзот. Итальянская делегация привезла в Мехико и торжественно передала Авеланжу кубок Мира, который завоевала четыре года назад в Испании. По правилам ФИФА, он должен храниться в Мехико до окончания чемпионата мира по футболу, когда будет вручен новому чемпиону.

Наконец появился и Авеланж в окружении личных телохранителей - двух дюжих парней в одинаковых серых костюмах. По решению оргкомитета и с одобрения мексиканского правительства все официальные лица, участвующие в чемпионате мира по футболу в Мексике, имели личную охрану. В капиталистической стране, где процветает терроризм, очевидно, подобная мера была не лишней.

Мы расположились для беседы прямо в холле, неподалеку от лифта. Я включил свой портативный магнитофон.

- Специально для вашей книги о Гарринче, - сказал он. - Мои раздумья о нем.

Он помолчал, словно собираясь с мыслями, и затем быстро заговорил, перейдя с испанского на свой родной певучий португальский язык. Несколько человек, проходивших мимо, остановились, внимательно прислушиваясь к его словам. Вот что он мне тогда сказал:

- Гарринча не был лишь хорошим игроком, хотя, несомненно, он был великолепным мастером, который, к сожалению, так рано угас. Те, кто его знал близко, кто играл с ним вместе или ездил с ним по разным странам, сопровождая сборную команду Бразилии, никогда его не забудут. Мне, например, как бывшему руководителю бразильского спорта, доводилось нередко видеться с ним. И я до сих пор храню в моем сердце наши встречи и беседы, его добрый образ. Почему он до сих пор остается в моем сердце, хотя в последний раз мы с ним общались, пожалуй, лет десять назад?*(В 1974 году Авеланж стал президентом ФИФА и из Бразилии переехал в Европу) Это был очень хороший человек. Он умел уважать всех, кто его окружал, с кем ему, как ведущему футболисту сборной Бразилии, чемпиона мира, приходилось общаться. Многие считали его незаурядной личностью. Несомненно, это был феномен в футболе. В спортивном мире ни до него, ни после не было даже отдаленно похожего на него спортсмена. Он остается самым уникальным футболистом, смелым импровизатором, хитроумным выдумщиком, изобретателем немыслимых, но чрезвычайно логичных ходов на поле. Многие называли его гением футбола.

- Такой оценки, кажется, не заслужил никто? Ни «король футбола» Пеле, ни «футбольный академик» Беккенбауэр, ни «чародей» Мэтьюс, ни «молниеносный» Марадона?

- Никто. Я хорошо помню чемпионат мира по футболу 1958 года, когда Гарринча, проявив высочайшее футбольное искусство, не только сразу поднялся до уровня таких высококлассных мастеров бразильского футбола, как Диди, Вава, Загало, Сантос, но и заметно преобразил игру всей команды. С ним сборная Бразилии стала бесспорным фаворитом турнира и уверенно завоевала Кубок Жюля Риме.

- Чилийский чемпионат 1962 года, - спешу спросить я, - для сборной Бразилии, несмотря на ее огромный авторитет и исключительно сильный состав, оказался более трудным?

- Несомненно. В одной из игр мы потеряли из-за травмы Пеле, и тогда Гарринча сделал все, чтобы привести команду к блестящей победе сначала в полуфинальной игре с хозяевами чемпионата, со сборной Чили, а затем, победив великолепную команду Чехословакии, в финале. Гарринча забил в тех матчах незабываемые голы и артистично, вдохновенно действовал на поле, восхищая публику. Опытные и мужественные футболисты Чили и Чехословакии не смогли ничего сделать с Гарринчей... Но он был не только хорошим спортсменом, но и отличным товарищем, душой команды.

Авеланж умолкает. На прощание он говорит мне, что будет очень доволен, если в Советском Союзе выйдет книга о Гарринче.

Авеланж со своими провожатыми направляется к лифту, а я остаюсь с выключенным магнитофоном в руке, пытаюсь осмыслить все, что сказал мне президент ФИФА. Сказал ли он что-то особенно важное? Несомненно. Ведь в Бразилии были люди, которые по разным причинам не столь высоко отзывались о Гарринче, осуждая некоторые его личные качества. И вот мнение президента ФИФА: Гарринча не только феномен в футболе, но и отличный человек.

За свои 49 лет Гарринча успел пережить очень многое: великую всенародную славу, любовь и разочарование, горе от вынужденной разлуки с футболом и даже приговор на два года тюрьмы.

В вестибюле стадиона «Маракана» на небольшом постаменте установлен бюст Гарринчи. Как и все бронзовые копии, он лишь отдаленно отражает облик этого человека. У бюста всегда цветы, и не только в дни матчей, когда тысячи человек приходят на стадион и отдают должное памяти великого спортсмена.

Редко кто, проходя мимо бюста, не умерит шаг, не остановится на мгновение перед ним. Любовь к Гарринче до сих пор жива в сердцах бразильцев. Его жизнь - пример беззаветного служения футболу, игре, объединяющей на всех континентах миллионы людей.

ОСНОВНЫЕ СОБЫТИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ МАНОЭЛА ДОС САНТОСА ГАРРИНЧИ

1933 год, 18 (28) октября. В городке Пау-Гранде, округ Маже, штат Гуанабара, в Бразилии родился Манозэл дос Сантос по прозвищу Гарринча.

1948 год. Гарринча начал работать на фабрике «Америка фабрил» помощником прядильщика.

1949 год. Гарринча в возрасте 16 лет впервые выступил за первую команду (взрослых футболистов) Пау-Гранде и забил несколько голов команде «Крузейро» из города Петрополис.

1952 год. Женидьба на Наир.

1953 год, июнь. Первое выступление в основном составе «Ботафого». Победа со счетом 6:3 в матче с командой «Бонсусессе». Три гола забил Гарринча.

1955 год, 18 сентября. В игре против сборной команды Чили Гарринча впервые выступил в составе сборной команды Бразилии. Ничья 1:1.

1957 год. В финале чемпионата «Кариока» штата Гуанабара (центр - г. Рио-де-Жанейро) «Ботафого», в составе которой выступил Гарринча, победила «Флуминенсе» и стала чемпионом штата. Почти десять лет, с 1948 года, команда не завоевывала этого высокого звания.

1958 год, 15 июня. Чемпионат мира по футболу в Швеции. В городе Гетеборге впервые в истории встретились сборные команды СССР и Бразилии. 2:0 в пользу бразильцев, в составе которых играли Гарринча, Пеле, Диди, Вава, Загало и др. Спустя несколько дней бразильцы завоевали звание чемпиона мира по футболу и впервые получили кубок Золотая богиня.

1961 год. «Ботафого» вновь чемпион штата Гуанабара.

1962 год, июнь. Встреча с Элзой Суарес.

1962 год, 17 июня. Гарринча объявлен лучшим игроком мира. В тот день в финальном матче чилийского мирового первенства Бразилия обыграла команду Чехословакии со счетом 3:1, завоевав во второй раз звание чемпиона мира.

1962 год, декабрь. Победа «Ботафого» со счетом 3:0 над командой «Фламенго» в финале чемпионата Рио-де-Жанейро. Лучшим игроком чемпионата объявлен Гарринча.

1963 год. Осложнения с руководством клуба «Ботафого». Четыре месяца споров о возобновлении контракта Гарринчи.

1964 год. Травма. Гарринчу вывели из основного состава «Ботафого». Он отказался от игр и оштрафован на половину зарплаты.

1964 год, октябрь. Без разрешения руководителей «Ботафого» Гарринча сделал операцию больного колена.

1965 год. Гарринча практически отстранен от игры за «Ботафого».

1966 год. Гарринча продан «Коринтиансу» за 220 миллионов крузейро.

1966 год, 2 марта. «Коринтианс» проиграл со счетом 0:3 команде «Васко да Гама».

1966 год, июль. Последний матч Гарринчи за сборную Бразилии против команды Венгрии на чемпионате мира. Гарринча, выступая в течение десяти лет за национальную команду, сыграл 58 матчей, забил 15 голов.

1967 - 1968 годы. Скитания Гарринчи по второразрядным командам страны. Главные клубы для него закрыты.

1968 год, март. Гарринча осужден по приговору суда на 90 дней тюрьмы за уклонение от уплаты алиментов жене и дочерям. Освобожден под выкуп, который внес за него банкир Магальяэс Линс.

1969 год, апрель. Гарринча, будучи за рулем автомобиля, попадает в катастрофу, в которой погибает мать Элзы Суарес. Осужден условно на два года тюрьмы.

1970 год, январь. Отъезд Гарринчи и Элзы в Италию. Неудачные попытки закрепиться в составах команд «Бенфика» и «Бриндиси» и на должности преподавателя в итальянской футбольной школе.

1971 год, декабрь. Возвращение в Бразилию.

1972 год. Гарринча подписал контракт с «Оларией» (Рио-де-Жанейро). Последние матчи Гарринчи за профессиональный клуб высшей лиги.

1973 год, 18 октября. Грустное сорокалетие Гарринчи. Никто не поздравил его с юбилеем.

1973 год, 18 декабря. Прощальный матч Гарринчи на «Маракане».

1973 год, март. Смерть Наир, матери его восьми дочерей. Пятерых младших он берет к себе в дом.

1977 год, 31 августа. Развод с Элзой.

1978 год. Гарринча впервые попал в больницу с диагнозом артериальной недостаточности.

1979 год, июль. Гарринча попадает в тяжелый алкогольный кризис. Длительное пребывание в больнице.

1980 год, январь. Снова в больнице.

1980 год, февраль. Последнее участие Гарринчи в карнавале.

1980 год, июль. Бразильская конфедерация спорта наградила Гарринчу памятной медалью. Последняя почесть при жизни.

1982 год, 15 ноября. Последняя поездка в Пау-Гранде, где Гарринча голосует за Л. Бризолу на всеобщих выборах в губернаторы штата.

1982 год, 25 декабря. Последний футбольный матч. Гарринча в течение двадцати минут играет на стадионе города Бразилиа за местную команду «Планалтина». Последний раз в жизни надевает футболку с номером семь.

1983 год, 20 января. В 6 часов утра смерть Гарринчи. 1983 год, 21 января. Всенародные похороны Гарринчи.

1983 год, 15 декабря. Стадиону, на котором в последний раз играл Гарринча в городе Бразилиа, присвоено имя Мане Гарринчи. В память о нем на стадионе состоялся товарищеский футбольный матч с участием сборной Бразилии.

1984 год, 21 января. Старый стадион «Ботафого» получает имя Мане Гарринчи.

1984 год, январь. Торжественная церемония установления бюста Манозела дос Сантоса Гарринчи на стадионе «Маракана».